198
506

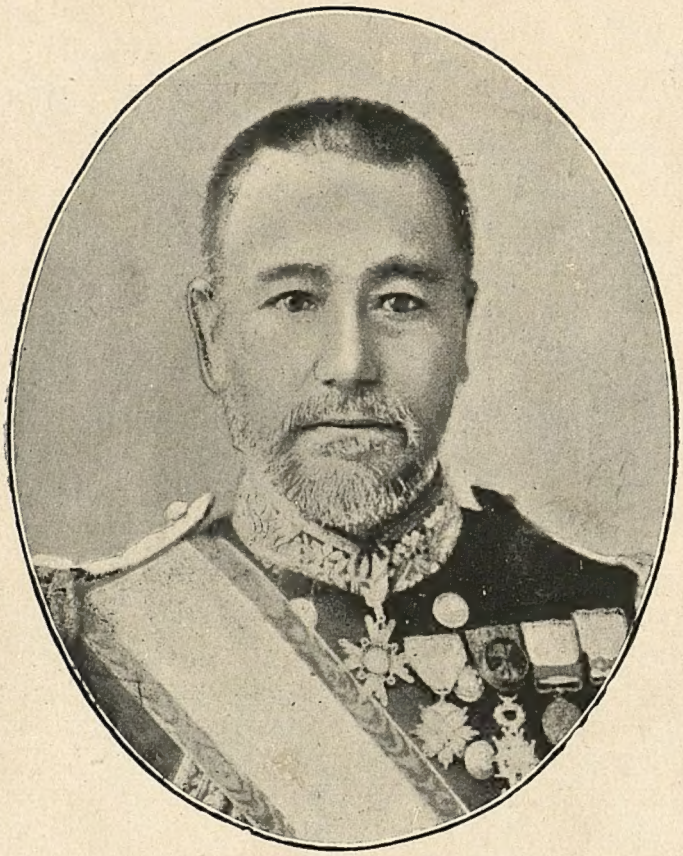
26-38

БИБЛИОТЕКА

В. Бонч-Бруевич

Отдел

№



Адмиралъ Того.

(1903 г.)

198
506

СЪ АДМИРАЛОМЪ ТОГО

ОПИСАНІЕ СЕМИМѢСЯЧНОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПОДЪ ЕГО КОМАНДОЙ

Н. С. Сеппингъ Райтъ

съ рисунками и фотографіями автора.

Переводъ съ англійскаго

подъ редакціей Н. Л. КЛАДО

Издалъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная ул., домъ № 14.
1907.

2320.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

918682

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Авторъ посвящаетъ эту книгу адмиралу Того

и

доблестнымъ офицерамъ и матросамъ японскаго флота, въ знакъ благодарности за оказанную ими любезность и доброту по отношенію къ автору во время службы его подъ флагомъ Восходящаго Солнца.

Содержаніе.

стр.

Оглавленіе рисунковъ и фотографій VIII
Отъ редактора XI
Предисловіе XV

ГЛАВА I.

Въ Японію. Прибытіе въ Іокогаму. Токіо. Ожиданіе разрѣшенія выѣхать на театръ военныхъ дѣйствій. Сезонъ цвѣтенія вишенъ. Похороны капитана 2 ранга Хирози. Знакомство съ японскими адмиралами . . 1

ГЛАВА II.

Приглашеніе на „Маншу-Мару“. Отплытіе изъ Іокосука. Морское училище въ Этаджима. Джу-джу-си. Сасебо. Адмиралъ Самиджима. Прибытіе въ Чемульпо. Посѣщеніе Сеула. Аудіенція у Корейскаго Императора. Снова въ морѣ. Ночная тревога. Морское сраженіе. Исторія императорской фаворитки 12

ГЛАВА III.

Искусство доктора Яби. Отплытіе въ базу адмирала Того. „Извѣстное убѣжище“. Экскурсія въ Таліенванскій заливъ. Посѣщеніе адмиральскаго корабля. Адмиралъ Того. Снова владивостокская эскадра. Возвращеніе въ Японію 56

ГЛАВА IV.

Разрѣшеніе ѣхать въ Сасебо. Назначеніе на крейсеръ. Японская ванна. Японскій обѣдъ. Распредѣленіе дня на крейсерѣ. Осмотръ пищи. Нѣкоторыя подробности организаціи 67

ГЛАВА V.

Сраженіе адмирала Камимура съ владивостокскими крейсерами. Потопленіе „Рюрика“. Сабля „самурая“. Снова „извѣстное убѣжище“. Смерть боцмана. Прибытіе въ Таліенванскую бухту. Адмиралъ Муйра. Дальній. Погоня за „Новикомъ“ и его гибель . . . 76

ГЛАВА VI.

Того назначаетъ меня на „Тайнанъ-Мару“. Взятіе китайской джонки. Вспомогательный крейсеръ. Рыбная ловля вечеромъ. Поѣздка въ Дальній. Минные водолазы. Причина хорошей артиллерійской стрѣльбы японскихъ моряковъ. Взрывъ мины въ гавани . . 101

ГЛАВА VII.

Я перехожу на „Никко-Мару“. Госпитальное судно „Кобе-Мару“. Миноносецъ № 67. За мной посылаетъ Того. Свиданіе съ адмираломъ. Джонка съ грузомъословъ. Передъ Портъ-Артуромъ. Блокада. Я служу на миноносцѣ № 67. Русскіе пробуютъ сдѣлать выстрѣлъ на дальнее разстояніе. Взрывъ на Сѣверномъ фортѣ. Выходъ „Ретвизана“. Предостерегающій сигналъ Того 119

ГЛАВА VIII.

Транспортъ—база для миноносцевъ. Приключеніе съ англійскимъ капитаномъ. Вторичное свиданіе съ Того. Я присутствую при вылавливаніи минъ. Китайскій магазинъ. Выборъ мѣста для моей палатки. Видъ битвы съ птичьяго полета. Я раскидываю палатку

стр.

на Со-шо-занѣ. Въ зонѣ опасности. Приказаніе перенести палатку въ болѣе безопасное мѣсто. Окончательно устраиваюсь лагеремъ на гребнѣ горы . . 155

ГЛАВА IX.

Лагерь въ горахъ. Моя охрана изъ матросовъ. Рисованіе на горной вершинѣ. Штурмъ форта Двойного Дракона. Ночная атака. Штурмъ. Новый выходъ „Ретвизана“. Выходъ русскихъ минныхъ истребителей. Прорывъ двухъ пароходовъ черезъ блокаду. Я снимаю лагерь и возвращаюсь на корабль. Бушидо. 176

ГЛАВА X.

День, проведенный на рыбной ловлѣ. Пожаръ склада масла у русскихъ. Празднества по случаю дня рожденія императора. Сраженіе съ русскими истребителями. Новый выходъ истребителей. Ночная погоня. Удивительное извѣстіе о британской арміи. Мнѣніе японцевъ насчетъ продолжительности войны. Жизнь въ Портъ-Артурѣ. Воскрешеніе „Севастополя“. Нападеніе на него миноносцевъ. Онъ совершенно выведенъ изъ строя. День Рождества. Паденіе Портъ-Артура 209

ГЛАВА XI.

Торжественный „Банзай“ въ Дальнемъ. „Банзай“ въ Ліао-Янгѣ. „Банзай“ на эскадрѣ. Посѣщеніе Киншан-тао. На пути въ Портъ-Артуръ. Генералъ Стессель. Въ параллеляхъ. Разрушеніе форта Двойного Дракона. Прибытіе въ Портъ-Артуръ 255

ГЛАВА XII.

Портъ-Артуръ. Поврежденія, нанесенныя бомбардировкой. На затонувшихъ корабляхъ. Дѣйствіе навѣснаго огня. Посѣщеніе 203-метровой горы. Опустошеніе. Не похороненные мертвецы. Домъ Алексѣева. Снова на „Тайнанъ-Мару“. Отъѣздъ въ Японію. Посѣщеніе адмирала Того. Разставаніе съ Японіей 297

Уроки войны 318

Алфавитный указатель 321

Оглавленіе рисунковъ и фотографій.

	стр.
Одинъ изъ миноносцевъ блокирующей эскадры у борта парохода „базы“ въ „извѣстномъ убѣжищѣ“	58
Мой разговоръ съ адмираломъ Того на броненосцѣ „Миказа“	63
Капитанъ Ямамуши	69
Гибель „Рюрика“	79
Портретъ артиллерійскаго кондуктора съ его подписью по англійски и по японски	82
Старшій машинный кондукторъ	84
Истребитель миноносцевъ	95
Осмотръ боевыхъ припасовъ на крейсерѣ	103
Японскій истребитель миноносцевъ съ захваченной джонкой, направлявшейся въ Портъ-Артуръ	105
Очистка подводной части броненосца на рандеву въ портъ-артурскомъ заливѣ	113
Взрывъ мины въ портъ-артурскомъ заливѣ	117
Разговоръ съ адмираломъ Того въ его каютѣ на броненосцѣ „Миказа“ у Портъ-Артура	123
Адмиралъ Того надъ планомъ блокады Портъ-Артура въ своей каютѣ на броненосцѣ „Миказа“	125
Набросокъ съ натуры адмирала Того, сдѣланный авторомъ на броненосцѣ „Миказа“	128
Китаецъ, оплакивающій потерю своей джонки	132
Видъ „извѣстной бухты“	135
Я рисую съ натуры на палубѣ транспорта—базы для миноносцевъ	137
Отрядъ миноносцевъ у борта своего транспорта—базы .	138
Отдыхающіе японскіе истребители въ „извѣстной“ бухтѣ	139
Русскій привѣтъ по нашему адресу. Обыкновенная стрѣльба русскихъ по миноносцамъ	141

стр.

Видъ взрыва фугаса на берегу съ нашего миноносца. Рандеву В. 146
Русскій тралящій караванъ. „Ретвизанъ“. Русскій истребитель. Новая русская батарея на мысу 148
Транспортъ—база для миноносцевъ въ „извѣстной „бухтѣ. 150
Въ „извѣстной“ бухтѣ 151
Небольшой наблюдательный постъ. Японскіе матросы наблюдаютъ за русскими тралящими судами . . . 178
На моей горѣ 180
Ночная атака Портъ-Артура. Видъ изъ моей палатки . . 187
Крейсеры и истребители, блокирующіе Портъ-Артуръ . . 194
Выходъ русскихъ истребителей, остановленный нашими флотиліями 218
Утренняя встрѣча. Рандеву В. въ портъ-артурской бухтѣ. 221
Китайскіе сампаны, вылавливающіе упавшіе за бортъ мѣшки съ углемъ во время спѣшной погрузки . . 228
Обѣденное время на японскомъ крейсерѣ 231
Прожекторъ на „Тайнанъ-Мару“ 232
Русская мина загражденія на „Тайнанъ-Мару“ 233
Дальномѣръ. Поиски мины 234
Стрѣльба по русской плавающей минѣ загражденія въ портъ-артурскомъ заливѣ 235
Первая атака на „Севастополь“ 241
Послѣдняя минная атака противъ „Севастополя“. Раннее утро 244
Сожженіе русскихъ боевыхъ судовъ. Видъ съ флотиліи миноносцевъ на рандеву В. „Ретвизанъ“ на внѣшнемъ рейдѣ 252
Во льду въ Таліенванскомъ заливѣ 258
Армстронговская пушка на крейсерѣ 259
Койо-тау 267
Прорыватели блокады съ острововъ Койо-тау въ Печилійскомъ заливѣ 268
На островахъ Койо-тау 269
Докъ въ Дальнемъ 274
Ровъ кругомъ форта Двойного Дракона 289
Русское орудіе на фортѣ Двойного Дракона 290
Палуба „Пересвѣта“, прикрытая мѣшками съ углемъ . 298
Прикрытіе палубы пескомъ 298
Башня „Полтавы“ 300
На разрушенной „Полтавѣ“ 300
Верхняя палуба „Полтавы“, защищенная мѣшками съ углемъ 301

стр.
Внутренность башни на русскомъ броненосцѣ 303
Обломокъ стрѣлы для подъема тяжестей на одномъ изъ русскихъ броненосцевъ въ Портъ-Артурѣ 305
Погребеніе японскихъ солдатъ на 203-метровой горѣ . 309
Могила на 203-метровой горѣ 310
Проволочныя загражденія 311
Временной памятникъ взятія 203-метровой горы 312
Отправка орудій въ Харбинъ 314

Отъ редактора.

Заглавіе, которое авторъ далъ своей книгѣ, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Онъ несомнѣнно увлекся, заявляя, что онъ впродолженіи семи мѣсяцевъ былъ на дѣйствительной службѣ во время войны на японскихъ судахъ, что японцы ничего отъ него не скрывали, что онъ все видѣлъ, что онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ адмираломъ Того и т. п.

Но нельзя возражать противъ того, что японцы дѣйствительно сдѣлали для автора единственное исключеніе, допустивъ его на театръ *морскихъ* военныхъ дѣйствій, а потому книга его, несмотря на нѣкоторые ея недостатки, имѣетъ несомнѣнный интересъ, и никто изъ работающихъ по исторіи послѣдней войны не можетъ исключить эту книгу изъ числа своихъ источниковъ. Главный недостатокъ книги—это способъ ея изложенія. По характеру своему—это дневникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ почти нигдѣ нѣтъ не только чиселъ мѣсяца, но даже и указаній—къ какому собственно періоду военныхъ дѣйствій относится тотъ фактъ, который описываетъ авторъ. О многомъ можно догадываться, но нѣкоторыя мѣста книги изъ за этого остаются совершенно темными и теряютъ почти всякую цѣну. Кромѣ того во многихъ мѣстахъ изложеніе очень отрывочное и перепутанное; авторъ постоянно пере-

скакиваетъ съ предмета на предметъ и мѣшаетъ въ одну кучу важное и пустыя мелочи. Онъ слѣпо довѣряетъ всему, что ему разсказывали японцы, передъ которыми онъ преклоняется и восхваляетъ ихъ на каждомъ шагу. Если онъ даже и замѣчалъ ихъ дурныя стороны, и скрылъ ихъ изъ чувства благодарности за оказанное гостепріимство, то все-таки его книгу нельзя считать безпристрастной. Но едва-ли это такъ. Авторъ просто производитъ впечатлѣніе человѣка довольно наивнаго, и онъ, въ своемъ увлеченіи, и не видѣлъ недостатковъ. Конечно, какъ наивный европеецъ, онъ въ русскихъ плѣнныхъ изъ Портъ-Артура усмотрѣлъ «прирожденную свирѣпость казаковъ», которая «значительно поубавилась со времени взятія ихъ въ плѣнъ», а потому «они быстро, безъ малѣйшаго колебанія, повиновались приказаніямъ японцевъ».

Но, повторяю, хотя эти недостатки и уменьшаютъ цѣнность книги, все-же она остается единственной въ своемъ родѣ, а потому является въ числѣ необходимыхъ источниковъ по изученію русско-японской войны. Этимъ соображеніями и вызванъ переводъ ея на русскій языкъ.

Извѣстно какой тайной японцы обставляли все что происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій, и въ особенности на морѣ. И конечно они были вполнѣ правы. Но все-таки Г. Райта они допустили на театръ морскихъ дѣйствій и онъ былъ единственнымъ посторонним свидѣтелемъ того, что они *позволяли* ему видѣть. А надзоръ за нимъ былъ самый тщательный. Подъ видомъ самой изысканной любезности, которую авторъ наивно принимаетъ за чистую монету, они ни на одну минуту не оставляли его безъ тщательнаго присмотра. Конечно на боевыя суда, а тѣмъ болѣе, во время

какихъ либо серьезныхъ дѣйствій, они его не допускали. Ему позволено было жить на коммерческихъ пароходахъ—на одномъ, приспособленномъ для вылавливанія минъ, и на другомъ — служившемъ базой для отряда миноносцевъ.

Нѣкоторое время ему позволили пробыть на миноносцѣ и провести на немъ сутки во время его дежурства по блокадѣ. Также онъ присутствовалъ одинъ разъ и при вылавливаніи минъ съ транспорта.

Конечно авторъ не несъ, какъ то ему представляется, никакой дѣйствительной службы, и находился онъ на судахъ просто въ видѣ пассажира и притомъ подъ самымъ тщательнымъ надзоромъ.

Но какъ-бы тщательно не отстраняли его японцы отовсюду, гдѣ происходило что либо серьезное, все-таки онъ имѣлъ случай видѣть массу интереснаго для историка войны.

Во-первыхъ, онъ даетъ много интересныхъ и характерныхъ подробностей объ японской морской организаціи, японской судовой жизни, ихъ обычаяхъ и т. п. Также безусловно интересно его описаніе свиданія съ адмираломъ Того.

Затѣмъ ему удалось записать со словъ непосредственныхъ участниковъ разсказъ о гибели «Хатсусе», о боѣ съ «Новикомъ», и о минныхъ атакахъ противъ «Севастополя».

Онъ описываетъ японскій способъ вылавливанія и уничтоженія минъ, разсказываетъ какъ японцы посредствомъ маскировки превращали миноносцы въ истребители, указываетъ мѣста стоянокъ ихъ отрядовъ и вообще даетъ значительное количество такого матеріала, который безъ его книги историку было-бы почерпнуть совершенно неоткуда.

Характерно его неоднократное упоминаніе о томъ, что японцы и представить себѣ не могли, что русскій флотъ обречетъ себя на безплодную гибель въ осажденной крѣпости, и все время они ожидали его прорыва, въ особенности въ то время, когда положеніе крѣпости стало безнадежнымъ.

По его словамъ, сейчасъ-же послѣ уничтоженія портъ-артурской эскадры, японскіе корабли ушли въ Японію, причемъ ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ работъ для полнаго приведенія въ порядокъ больше чѣмъ на мѣсяцъ.

Н. Кладо.

Іюнь 1907 г.

Предисловіе.

За послѣдній годъ появилось такъ много книгъ о войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, что, по всей вѣроятности, многіе сочтутъ совершенно излишнимъ всякое новое добавленіе къ этому длинному перечню. Но почти всѣ изданныя книги занимаются исключительно разборомъ военныхъ операцій на сушѣ, совершенно не упоминая о веденіи дѣлъ на морѣ, или сообщаютъ о нихъ очень мало свѣдѣній. Японскія начальствующія лица только послѣ большихъ хлопотъ разрѣшали корреспондентамъ присутствовать въ дѣйствующей арміи, поэтому казалось полнѣйшей невозможностью, чтобы корреспонденту удалось добиться позволенія находиться на военномъ кораблѣ и принимать участіе въ дѣйствіяхъ флота. На мою долю выпало счастье получить почти недостижимое, потому что съ августа 1904 г. до февраля 1905 г. я служилъ на нѣсколькихъ судахъ, принадлежавшихъ къ составу эскадры адмирала Того. Это преимущество не было распространено ни на какого другого корреспондента, или вѣрнѣе сказать, ни на какого другого иностранца, за исключеніемъ великобританскихъ морскихъ агентовъ, являвшихся представителями единственной державы, пользовавшейся такой исключительной привиллегіей. Всѣ японскіе моряки, начиная съ адмирала Того до по-

слѣдняго матроса, обходились со мной съ величайшей предупредительностью и дѣлали все зависящее отъ нихъ для того, чтобы мое пребываніе между ними было пріятнымъ и счастливымъ. Вдобавокъ, мнѣ постоянно предоставляли всѣ случаи для присутствованія при различныхъ операціяхъ, чтобы я могъ всесторонне изучить подробности той изумительной системы организаціи флота, которая такъ много способствовала достиженію успѣха японцами на морѣ. Но я присутствовалъ не при однѣхъ только морскихъ операціяхъ: благодаря добротѣ адмирала Того мнѣ было разрѣшено высадиться на берегъ и разбить палатку на вершинѣ горы въ шести миляхъ отъ русскихъ батарей, откуда я могъ наблюдать одновременно за сраженіями на сушѣ и на морѣ впродолженіи своего пятинедѣльнаго пребыванія на этомъ бивакѣ. Большая часть моего времени была посвящена присутствію при морскихъ операціяхъ, въ которыхъ я принималъ участіе, какъ находившійся въ числѣ судового состава и главнымъ содержаніемъ этой книги является разсказъ о моихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ за время пребыванія на дѣйствительной службѣ въ японскомъ флотѣ.

С. Р.

Гавантъ. Іюнь 1905 г.

ГЛАВА I.

Въ Японію. Прибытіе въ Іокогаму,—Токіо. Ожиданіе разрѣшенія выѣхать на театръ военныхъ дѣйствій. Сезонъ цвѣтенія вишенъ. Похороны капитана 2 ранга Хирози. Знакомство съ японскими адмиралами.

5-го Марта 1904 года я покинулъ Англію съ цѣлью посѣтить Японію и попробовать ближе познакомиться съ ея флотомъ, заслужившимъ впослѣдствіи такую почетную міровую извѣстность. Задача эта представлялась далеко нелегкой. Всѣ наперерывъ старались мнѣ доказать, что иностранцу навѣрное окажется невозможнымъ добиться разрѣшенія находиться на одномъ изъ японскихъ военныхъ судовъ. Но для военнаго корреспондента не должно существовать слово „невозможно“. Рекомендательныя письма сэра В. Армстронга Нобль и К°, собственника всемірно-извѣстныхъ Эльсвикскихъ верфей, адресованныя японскому морскому министру и другимъ вліятельнымъ лицамъ въ Токіо, позволяли мнѣ надѣяться на успѣхъ, несмотря на всѣ зловѣщія предсказанія моихъ друзей.

Всѣ путешествія очень похожи одно на другое; кромѣ того, поѣздка въ Японію описывалась такое безчисленное количество разъ, что я не буду утруждать читателя длиннымъ разсказомъ о моемъ путе-

шествіи черезъ Канаду. Въ Ванкуверѣ мнѣ пришлось остановиться на одинъ день въ ожиданіи очереднаго парахода „Empress of India“ Канадской Тихоокеанской компаніи.

Несмотря на свѣжую погоду и холодъ, переходъ океаномъ оказался прекраснымъ! Крикетъ, билліардъ на палубѣ, также и бесѣды за трубкой и виномъ оживляли монотонный переходъ и возбуждали аппетитъ необходимый для того, чтобы оцѣнить по достоинству обильный и роскошный столъ этой пароходной компаніи. Въ числѣ пассажировъ находилось нѣсколько англійскихъ офицеровъ съ ихъ семьями, нѣсколько дипломатовъ и много японскихъ офицеровъ,—первыхъ, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться. Между ними былъ одинъ принцъ императорской крови и много офицеровъ, бывшихъ военныхъ и морскихъ агентовъ въ различныхъ государствахъ. Между послѣдними особое вниманіе обращалъ на себя капитанъ 1 ранга Сакаи, изъ рода древнихъ Дайміо, возвращавшійся на родину изъ С.-Петербурга. Это былъ спокойный, сдержанный человѣкъ, повидимому искренно сожалѣвшій о начатіи военныхъ дѣйствій. „У меня такъ много друзей въ Петербургѣ“, говорилъ онъ, „и только недавно я простился съ адмираломъ Макаровымъ, который“, прибавилъ онъ съ меланхолической улыбкой, „надѣется скоро встрѣтиться со мной на Дальнемъ Востокѣ“.

Приведу здѣсь кстати разсказъ объ адмиралѣ Макаровѣ, который, какъ извѣстно большинству читателей, былъ однимъ изъ подписавшихъ Симоносекскій договоръ по окончаніи японо-китайской войны. Во время выработки условій трактата, японцы заявили о своемъ желаніи оставить за собой Портъ-

Артуръ и временно занять Ліаотунгскій полуостровъ. Макаровъ быстро вскочилъ и, положивъ свою саблю на эту часть карты, запальчиво воскликнулъ: „никогда“ *).

Первое, что меня поразило въ японцахъ, это ихъ изумительная благовоспитанность, и послѣдующее, болѣе близкое знакомство съ ними только подтвердило мое первоначальное мнѣніе. Очень мало кто изъ нихъ зналъ по-англійски, но всѣ бѣгло говорили по-французски и по-нѣмецки. На опасенія нѣкоторыхъ дамъ быть захваченными въ плѣнъ владивостокской эскадрой, они только улыбались и пожимали плечами. Очевидно, они были прекрасно освѣдомлены на этотъ счетъ, такъ какъ ихъ развѣдочная служба является одной изъ наиболѣе совершенно разработанныхъ отраслей ихъ дивной военной организаціи, но мнѣ казалось въ то время, что русскіе могли бы взять цѣнный призъ, выйдя на встрѣчу нашему пароходу. Какъ бы тамъ ни было, но русскіе крейсеры не вышли и мы благополучно достигли береговъ Японіи. Съ помощью лоцмана мы миновали минныя загражденія, защищающія Токійскій заливъ и 5-го апрѣля стали на якорь въ прекрасной обширной гавани Іокогамы. Пароходъ немедленно былъ окруженъ оригинальными японскими лодками съ острымъ носомъ, на которыхъ выѣхали навстрѣчу своимъ возвращавшимся роднымъ многія японскія семьи. Я сошелъ на берегъ въ пять часовъ и первоначально остановился въ гостинницѣ Оріенталь.

На слѣдующее утро я отправился въ Токіо съ цѣлью врученія своихъ рекомендательныхъ писемъ,

---

*) Достовѣрность этого факта болѣе чѣмъ сомнительна. *Ред.*

что заняло у меня большую часть дня. Вечеромъ я переѣхалъ въ гостинницу Метрополь, которую пришлось сдѣлать своей главной квартирой въ виду переполненія отеля Имперіаль. Дѣло въ томъ, что въ Токіо очень много гостинницъ на японскій ладъ и очень мало на иностранный. Лучшей гостинницей безспорно считается Hotel Imperial, а такъ какъ кромѣ всѣхъ остальныхъ удобствъ, она находится гораздо ближе къ посольствамъ и министерствамъ, то естественно, что корреспонденты отдаютъ ей преимущество. Я имѣлъ честь немедленно по моемъ прибытіи быть избраннымъ въ члены Токійскаго клуба— отличіе, особенно лестное для корреспондента, тѣмъ болѣе, что всѣ телеграммы и новости съ театра войны въ клубѣ получались гораздо раньше, чѣмъ гдѣлибо въ городѣ. Кромѣ того, тамъ можно было постоянно встрѣтить большинство японскихъ политическихъ дѣятелей и оффиціальныхъ лицъ, представлявшихъ собой безукоризненно воспитанныхъ джентльменовъ. Гостепріимство японцевъ не знаетъ предѣловъ; предупредительность ихъ по отношенію къ чужестранцу, находящемуся въ ихъ домѣ, вошла въ пословицу. Я долженъ сознаться, что меня невольно плѣняли эти токійскіе чародѣи, если можно употребить подобное выраженіе относительно мужчинъ. Со мной согласится всякій, знающій ближе этихъ чарующе любезныхъ людей.

Устроившись въ Токіо, я сразу принялся за осуществленіе своихъ плановъ. Прежде всего я отправился къ представителю Эльсвикской фирмы, капитану 1 ранга Бойль, одному изъ англійскихъ офицеровъ, доставившихъ въ Японію „Ниссинъ“ и „Кассугу“, оказавшіе впослѣдствіи такія цѣнныя услуги.

Эти два крейсера строились въ Эльсвикѣ *) и достойно поддержали славу величайшей кораблестроительной фирмы. Капитанъ Бойль только недовѣрчиво покачалъ головой, услышавъ о цѣли моего прибытія въ Японію. „Они даже не разрѣшатъ вамъ близко подойти къ ихъ верфямъ и арсеналамъ, и тѣмъ болѣе не допустятъ васъ находиться на какомъ либо изъ ихъ военныхъ кораблей. Чего Вы хотите, если они не позволяютъ что-либо видѣть даже иностраннымъ морскимъ атташе?“

Это былъ сильный ударъ, но интересы фирмы побуждали меня не останавливаться передъ препятствіями. Я все-таки написалъ просьбы различнымъ оффиціальнымъ лицамъ, намѣреваясь, по крайней мѣрѣ, пустить дѣло въ ходъ. Кромѣ того, я обратился за совѣтомъ къ агентамъ. Гостепріимный представитель фирмы Жардинъ Матисонъ жилъ въ Іокогамѣ, куда я и отправился, чтобы съ нимъ познакомиться. Онъ былъ чрезвычайно изумленъ, услышавъ о моемъ желаніи и даже выразилъ сомнѣніе въ томъ, станетъ ли даже морское министерство и разсматривать подобную просьбу.

„Но вѣдь въ худшемъ случаѣ мы только подвергаемся риску получить отказъ“, настаивалъ я.

Серьезно обсудивъ положеніе, мы выработали планъ дѣйствій. Не вдаваясь въ подробности, упомяну только о томъ, что мнѣ посчастливилось заручиться содѣйствіемъ крупнаго японскаго коммерсанта, г. Таката, одного изъ самыхъ популярныхъ и влія-

---

*) Авторъ тутъ увлекся. Крейсеры эти выстроены извѣстной *итальянской* фирмой Ансальдо, и только ихъ артиллерія принадлежитъ Эльсвикскому заводу. *Ред.*

тельныхъ людей въ Токіо, и г. Кондо, другого многообѣщающаго молодого человѣка.

Результатомъ хлопотъ было прямое обращеніе съ просьбой къ самому морскому министру. Подавъ прошеніе, мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только ждать результата и — надѣяться, хотя дѣло мое было слишкомъ ничтожно по сравненію съ грандіозными задачами и рѣшеніями, лежавшими въ то время на отвѣтственности правительства.

Я проводилъ время, посѣщая товарищей корреспондентовъ, изучая японскіе нравы и глубоко наслаждаясь причудливыми красотами Токіо. Надо было посѣтить и разные общественные парки, сады, театры, вечера и тому подобныя мѣста забавъ и развлеченій.

Свойство японцевъ дѣлать все основательно бьетъ въ глаза въ Токіо на каждомъ шагу, даже по отношенію къ уходу за деревьями. Они тщательно подрѣзаютъ деревья своихъ общественныхъ парковъ и предохраняютъ ихъ отъ вліянія времени и непогоды. Если срѣзается толстый сукъ, на стволъ дѣлаютъ накладку, похожую на большой желѣзный обручъ, плотно прилегающую къ дереву для предупрежденія гніенія. Некрасивыя трещины и дупла въ деревьяхъ заливаются цементомъ не менѣе заботливо, чѣмъ зубной врачъ пломбируетъ пустой зубъ,—въ результатѣ деревья ихъ садовъ и парковъ имѣютъ всегда вполнѣ здоровый видъ.

Японскіе базары представляютъ собой громадные склады, гдѣ можно купить всевозможныя дивныя, оригинальныя японскія вещи и являются неистощимымъ источникомъ наслажденія для европейца. Тщательно обдуманная система дверей заставляетъ посѣтителей двигаться постоянно въ одномъ направленіи

и проходить передъ прилавками въ строгомъ порядкѣ. Эта превосходная система предупреждаетъ всякую толкотню. Продавцы никогда не пристаютъ съ предложеніями покупки товаровъ и выглядятъ всегда веселыми и довольными. Купили вы, — васъ усиленно благодарятъ; не купили—васъ провожаютъ ласковымъ взглядомъ. При нѣкоторыхъ базарахъ устроены сады, гдѣ въ горшкахъ выставлены на продажу всемірно извѣстныя карликовыя деревья. Тутъ же, рядомъ, небольшіе пруды съ множествомъ неповоротливыхъ золотыхъ рыбокъ рѣдкихъ сортовъ, которыя цѣлый день лѣниво дремлютъ въ свѣтлой водѣ, едва сдвигаясь съ мѣста, когда въ прудъ опускаютъ сачокъ.

Почти у каждаго японскаго мальчика есть золотая рыбка; онъ заботливо ухаживаетъ за ней, стараясь, чтобы она какъ можно дольше осталась жива и здорова и постоянно сравнивая ее съ любимыми рыбками своихъ товарищей. Любовь къ цвѣтамъ и рыбамъ составляетъ главное очарованіе японскихъ дѣтей, которые до того добры и деликатны въ обхожденіи другъ съ другомъ, что, право, мнѣ кажется, нельзя найти ни одного дурного мальчика во всей странѣ. Это результатъ общественнаго воспитанія. Въ Японіи — слушаются всѣ: ребенокъ слушается своихъ родителей, маленькія дѣти—старшихъ братьевъ и сестеръ, дѣвушки и женщины—своихъ братьевъ и мужей. Со стариками всегда обходятся съ нѣжнымъ уваженіемъ, граничащимъ съ почитаніемъ. Въ Японіи неизвѣстна система рабочихъ домовъ; на нее посмотрѣли бы, какъ на униженіе всей націи. Каждый считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ содержать престарѣлыхъ родителей, и слѣдовательно,

каждый вездѣ видитъ веселую молодость рядомъ со счастливой старостью. Сколько времени еще можетъ пройти, пока безжалостный коммерческій духъ, постепенно подтачивающій лучшія народныя свойства, не наложитъ на нихъ свою печать и не разрушитъ великодушныя, гуманныя характерныя черты этого очаровательнаго народа? Дай Богъ, чтобы Японія съумѣла охранить себя отъ предательскаго вліянія этого духа и сохранила-бы во всей своей неприкосновенности древніе, высоко нравственные принципы и въ нашъ вѣкъ поклоненія золотому тельцу.

Въ большинствѣ правительственныхъ учрежденій всего міра чиновники никогда не торопятся! Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и Токіо, хотя, конечно, японцевъ, въ виду исключительной важности текущихъ событій, обвинять было-бы несправедливо.

Наконецъ я получилъ письмо отъ морского министра съ увѣдомленіемъ, что моя просьба должна быть подана черезъ англійскаго посланника. Сэръ Кл. Макдональдъ, выслушавъ меня съ ласковой улыбкой, обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее. „Но“, прибавилъ онъ, „вѣдь вы не одинъ въ такомъ положеніи“—и вслѣдъ за этимъ онъ началъ разсказывать о непреодолимыхъ трудностяхъ, испытываемыхъ всѣми военными атташе и корреспондентами.

Возвратившись въ гостинницу, я тотчасъ написалъ оффиціальное прошеніе, послѣ чего мнѣ только оставалось снова начать ожидать.

А между тѣмъ Токіо было наканунѣ большой внѣшней перемѣны. Наступалъ знаменитый сезонъ „цвѣтенія вишневыхъ деревьевъ“. Японцы совершенно справедливо гордятся своей прекрасной національной эмблемой. Сезонъ цвѣтенія вишенъ самый лучшій въ

году: весна только что наступаетъ, зимнее небо получаетъ ясный, свѣжій, радостный оттѣнокъ. Подъ вліяніемъ яркихъ солнечныхъ лучей, заливающихъ все своимъ блескомъ, цвѣточныя почки быстро распускаются. Раннимъ утромъ все кажется покрытымъ какъ бы розовымъ снѣгомъ, птицы весело щебечутъ и вся Японія любуется и наслаждается красотами природы. Лучше всего любоваться цвѣтущими деревьями, находясь на рѣкѣ: медленно плывя въ сампанѣ *), наслаждаешься голубымъ небомъ съ моремъ розовыхъ цвѣтовъ внизу. Это сочетаніе цвѣтовъ, отраженное въ теплой желтизнѣ рѣки, даетъ причудливую, рѣдкую по красотѣ красокъ, картину. На берегахъ рѣки толпится множество ярко одѣтыхъ японскихъ дѣвушекъ. Онѣ такъ весело и радостно болтаютъ и смѣются, что кажется, что именно ароматъ вишневыхъ цвѣтовъ способствуетъ ихъ увлекательному веселью. Все такъ красиво и живописно; единственнымъ рѣзкимъ диссонансомъ являются европейскіе черные дождевые зонтики, употребляемые многими японцами для защиты отъ солнца. Только представьте себѣ кимоно **) рядомъ съ этимъ полезнымъ европейскимъ изобрѣтеніемъ, между тѣмъ, какъ японскій національный зонтикъ такъ изященъ и граціозенъ! Въ садахъ видишь тѣ же самыя сцены: среди массы цвѣтовъ толпы безумно счастливыхъ молодыхъ дѣвушекъ. Чувствуешь себя снова молодымъ, когда любуешься ими!

Дни шли одинъ за другимъ. Новости съ театра войны получались чрезвычайно рѣдко, хотя Gogei—

---

*) Японское названіе лодки. *Ред.*

**) Японская національная одежда. *Ред.*

газетчикъ спеціальнаго изданія,—и бѣгалъ ежедневно по улицамъ подъ аккомпаниментъ колокольчика, привязаннаго къ поясу. Корреспонденты томились, ожидая распоряженій, но при подобныхъ обстоятельствахъ нельзя было и требовать многаго. Первое благопріятное извѣстіе я получилъ отъ г. Таката, который однажды позвавъ меня къ телефону, сообщилъ мнѣ, что частнымъ образомъ слышалъ о томъ, что мое имя попало въ списокъ приглашенныхъ на пароходъ „Маншу Мару", идущій въ Портъ-Артуръ. Эта поѣздка являлась чѣмъ то вродѣ увеселительной прогулки, устраивавшейся правительствомъ на широкую ногу. Выборъ участвовавшихъ строго ограничивался членами парламента, военными агентами иностранныхъ державъ и нѣкоторыми корреспондентами.

Повидимому я былъ въ числѣ немногихъ счастливыхъ избранниковъ. Г. Таката просилъ меня пока никому объ этомъ не говорить, обѣщая своевременно извѣстить меня о времени и мѣстѣ отплытія.

Въ это время японцы употребляли отчаянныя усилія, чтобы закупорить Портъ Артуръ и въ Токіо то и дѣло происходили похороны погибшихъ героевъ. Особенною торжественностью отличались похоронные обряды при погребеніи капитана 2 ранга Хирози. Этому храброму офицеру удалось выброситься на берегъ со своимъ кораблемъ подъ самыми батареями Портъ-Артура и за этотъ смѣлый подвигъ онъ заплатилъ своей жизнью. Русскіе нашли его тѣло и передали его японскимъ передовымъ линіямъ, чтобы оно могло быть отправлено на родину.

Я сдѣлался очень частымъ посѣтителемъ мор-

ского министерства, хотя ходилъ туда преимущественно для дружескихъ разговоровъ и не надоѣдалъ своимъ знакомымъ дѣловыми просьбами. Адмиралъ Сайто, товарищъ министра,—прекрасный типъ японскаго моряка, крупный, сильный и съ добродушнымъ лицомъ. Его легко можно принять за обожженнаго солнцемъ англійскаго адмирала. Меня съ нимъ познакомилъ вице-адмиралъ Иджуинъ, очень похожій на великаго германскаго полководца фонъ Мольтке. Онъ же меня представилъ вице-адмиралу, графу Ито, съ головой Бисмарка, прославившемуся въ Китайской войнѣ. Кромѣ того, въ числѣ моихъ знакомыхъ былъ адмиралъ Арима, удивительно походившій на американскаго генерала Гранта. Я былъ крайне пораженъ этими изумительными сходствами. Меня также представили адмиралу Сэсонъ. Ласковое обращеніе всѣхъ названныхъ лицъ породило во мнѣ увѣренность, что я получу желаемое разрѣшеніе, какъ только представится къ этому малѣйшая возможность.

ГЛАВА II.

Приглашеніе на „Маншу-Мару“. Отплытіе изъ Іокосука. Морское училище въ Этаджима. Джу-джу-си. Сасебо. Адмиралъ Самиджима. Прибытіе въ Чемульпо. Посѣщеніе Сеула. Аудіенція у корейскаго императора. Снова въ морѣ. Ночная тревога. Морское сраженіе. Исторія императорской фаворитки.

Наконецъ я получилъ приглашеніе прибыть на „Маншу-Мару“. 12-го іюня въ Шинбаши (желѣзнодорожная станція въ Токіо), всѣхъ приглашенныхъ ждалъ спеціальный поѣздъ, который долженъ былъ насъ отвезти въ Іокосука, — пунктъ отправленія „Маншу-Мару“. На вокзалѣ собралось насъ провожать множество народу. Толкотня и суматоха были большія, но мнѣ скоро удалось разыскать иностранныхъ гостей. Нѣкоторые изъ нихъ страшно безпокоились о своемъ багажѣ, что въ Японіи собственно совершенно излишне.

Если вы предоставите свободу дѣйствій японскому носильщику, онъ благополучно доставитъ васъ со всѣми пожитками на предназначенное вамъ мѣсто въ поѣздѣ. Наконецъ все устроилось. При оглушительныхъ крикахъ „Банзай“ поѣздъ медленно отошелъ отъ станціи. На первой же остановкѣ, въ Шинегава, насъ снова встрѣтили восторженные друзья и поѣздъ здѣсь долго стоялъ, пока

мы окончательно не распрощались со всѣми. Нѣкоторые изъ провожавшихъ дѣлали шутливыя предположенія о возможности попасть въ плѣнъ къ русскимъ, что встрѣчалось взрывами общаго смѣха. Въ Іокогамѣ въ нашъ поѣздъ сѣло еще нѣсколько приглашенныхъ, радушно встрѣченныхъ гостепріимными хозяевами.

Въ часъ пополудни мы прибыли въ Іокосука. Встрѣтившіе насъ японскіе офицеры и матросы приняли на себя всѣ заботы о насъ и нашемъ багажѣ. Паровые катера перевезли насъ на „Маншу-Мару“, стоявшій на якорѣ недалеко отъ адмиралтейства и похожій скорѣе на яхту.

При входѣ на пароходъ насъ встрѣтилъ командиръ судна, капитанъ Ямагуши. Всѣ ближайшія заботы по нашему пріему и устройству были возложены на старшаго офицера, капитана Такараби. Быстро устроившись на кораблѣ, мы прежде всего хорошо позавтракали. Вскорѣ раздался звукъ сирены, приглашавшій сойти на берегъ тѣхъ немногихъ избранниковъ, которымъ было разрѣшено сопровождать насъ на пароходъ. Во время завтрака вокругъ „Маншу-Мару“ медленно ходилъ пароходъ съ хоромъ военной музыки. Въ гавани было два японскихъ военныхъ судна — „плавучая база“ *) „Тойо Мару“ и крейсеръ второго класса, построенный въ Іокосукскомъ адмиралтействѣ и только что окончившій свои испытанія для окончательнаго перехода

*) „Плавучая база“—это обыкновенно приспособленный коммерческій пароходъ, на которомъ имѣется для миноносцевъ уголь, прѣсная вода, небольшая мастерская для починокъ и помѣщеніе для личнаго состава, чередующагося для отдыха.

Ред.

въ строй. Въ 2 часа пополудни мы подняли якорь и съ помощью правительственнаго лоцмана прошли черезъ минныя загражденія. Звуки старинной англійской пѣсни: „Въ давно минувшее время“,—послѣднее, что доносилось до насъ отъ военнаго оркестра,—постепенно расплылись въ туманѣ. Погода стала дождливой; впрочемъ, трудно было ожидать чего либо иного въ виду дождливаго времени года. Ненастный день въ морѣ крайне непріятенъ: горизонтъ съуживается и трудно найти на палубѣ сухое мѣсто. Нѣкоторые изъ насъ курили, другіе занялись разборкой багажа въ каютахъ. Пароходъ былъ переполненъ: всѣ помѣщенія были заняты, но мнѣ посчастливилось получить только одного постояннаго товарища по каютѣ, молодого оксфордскаго студента.

Къ моему большому изумленію, всѣ объявленія, развѣшанныя на пароходѣ, были напечатаны по русски. Я обратился за объясненіемъ къ стоявшему неподалеку виконту Инуйе, и онъ любезно разсказалъ мнѣ исторію этого парохода. Первоначально онъ принадлежалъ русскимъ, былъ построенъ въ 1900 г. для совершенія рейсовъ между Японіей, Дальнимъ и Портъ-Артуромъ, согласованныхъ съ поѣздами сибирской желѣзной дороги. При открытіи военныхъ дѣйствій на немъ производились починки въ Нагасаки. Японское правительство его арестовало и онъ явился первымъ пароходомъ, захваченнымъ у русскихъ. Впослѣдствіи, во время войны, число призовъ, взятыхъ при разныхъ случаяхъ, было такъ велико, что изъ нихъ составился цѣлый флотъ, уже въ то время доходившій до сотни судовъ. Русскій капитанъ „Маншу-Мару“ или уничтожилъ всѣ судовые документы, или выбросилъ ихъ за бортъ, а потому не было точныхъ

свѣдѣній о вмѣстимости парохода, а также другихъ менѣе важныхъ данныхъ. Предполагаютъ, что „Маншу-Мару“ вмѣстимостью около 3.500 тоннъ. Отдѣлка парохода чрезвычайно красива: картины въ каютъ-компаніи въ мозаичныхъ рамахъ изъ разноцвѣтнаго дерева.

Всѣхъ приглашенныхъ было 55 человѣкъ. Переходъ до Кобе былъ сдѣланъ безъ всякихъ приключеній, только великолѣпная радуга окружила корабль, какъ бы ореоломъ, что было всѣми принято, какъ предвѣстіе счастливаго путешествія. Въ Кобе мы переночевали. Нѣкоторые отправились на берегъ, чтобы осмотрѣть знаменитый водопадъ и минеральные ключи въ Токива. При лучахъ восходящаго солнца мы вошли въ узкій проливъ, ведущій во Внутреннее море Японіи,—ея главную красоту и, безспорно, самое дивное море въ свѣтѣ. Другой подобной панорамы моря, земли и горъ не существуетъ. Голубая вода испещрена бѣлыми парусами безчисленныхъ рыбачьихъ лодокъ золотистаго цвѣта. Этотъ прекрасный гармоничный оттѣнокъ происходитъ оттого, что японскіе рыбаки не имѣютъ обыкновенія красить свои лодки, но моютъ и скоблятъ ихъ деревянныя части. Чтобы дать намъ возможность долѣе наслаждаться чудной панорамой, пароходъ шелъ тихимъ ходомъ; мимо насъ медленно проплывали джонки и шкуны. Горы мѣстами казались покрытыми какими-то странными пятнами. Этотъ свѣтовой эффектъ обязанъ своимъ происхожденіемъ песку, залегающему широкимъ слоемъ въ этой части страны. Съ точки зрѣнія художника тускло-голубой цвѣтъ воды и горѣвшія золотомъ горы были чрезвычайно красивы, хотя одинъ, реалистически настроенный американскій корреспондентъ

и сравнилъ ихъ со спиной мула, больного чесоткой.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, мы обогнули островъ Міяджима, посвященный Морю и опоясанный лентой каменныхъ фонарей. Здѣсь были сдѣланы приготовленія къ нашей поѣздкѣ на берегъ и осмотру мѣстныхъ достопримѣчательностей. Главной изъ нихъ безспорно является храмъ Воды, воздвигнутый въ маленькой бухточкѣ, совершенно защищенной отъ вѣтровъ. Тори,—ворота храма—возвышаются совершенно отдѣльно, поражая своей величественной простотой. Каждый праздникъ подъ ними проплываютъ безконечныя вереницы лодокъ, наполненныхъ вѣрующими, которые спѣшатъ на поклоненіе святынѣ. Я предпринялъ восхожденіе на гору вмѣстѣ съ моимъ другомъ, лейтенантомъ Матсумура, однимъ изъ героевъ перваго періода войны, тяжело раненымъ осколкомъ ядра на броненосцѣ „Миказа“. Подъемъ на гору былъ очень затруднителенъ, особенно ближе къ вершинѣ, гдѣ нѣсколько послѣднихъ ярдовъ представляютъ рядъ старыхъ каменныхъ ступенекъ, искрошившихся отъ времени. Особенно красивы кедры около храма, въ священныхъ рощахъ котораго гуляютъ стада почти совершенно ручныхъ ланей. Обѣдали мы въ чайномъ домѣ Мэплъ, единственной въ своемъ родѣ гостинницѣ на всемъ земномъ шарѣ. Посѣтителей приглашаютъ въ крошечные домики, разбросанные въ уютныхъ уголкахъ, въ тѣни деревьевъ, гдѣ журчитъ чистый, свѣтлый ручей. Эти идеальныя маленькія столовыя—настоящее сказочное царство! Все освѣщено электричествомъ. На нашу долю достался одинъ изъ маленькихъ домиковъ надъ ручьемъ, куда намъ очень быстро принесли нашъ

обѣдъ. Онъ состоялъ изъ обыкновеннаго супа, рыбы, рису, тушенаго мяса и овощей, — нѣчто вродѣ усовершенствованнаго boeuf à la mode. Прислуживали намъ гейши, обязанности которыхъ нѣчто среднее между хозяйкой и горничной: за обѣдомъ они наливали намъ саки *), а вечеромъ развлекали пѣніемъ и танцами. Во всякомъ случаѣ, гейши артистическое дополненіе къ обѣду: многія изъ нихъ очень красивы и положительно всѣ прелестны. Въ своихъ живописныхъ, яркихъ кимоно онѣ напоминаютъ большихъ бабочекъ, когда онѣ ухаживаютъ за гостями съ особой, свойственной только имъ граціей и изяществомъ. Но долго оставаться въ этомъ волшебномъ уголкѣ намъ было нельзя. На слѣдующій день надо было выѣхать очень рано, чтобы успѣть посѣтить морское училище въ Этаджимѣ и осмотрѣть арсеналъ въ Куре.

Посѣщеніе морского училища было чрезвычайно интересно и поучительно. Мы стали на якорь въ прелестной, почти совершенно закрытой бухтѣ Этаджима, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими горами. Приливъ въ ней не разводитъ почти никакого волненія, такъ что кататься на лодкѣ и купаться можно вполнѣ безопасно. Приблизительно въ ста ярдахъ отъ мола были ошвартовлены старая канонерка и плотъ для купанья. Вдоль стѣнки пристани на боканцахъ висѣли училищныя шлюпки въ полной готовности къ спуску. Въ небольшомъ внутреннемъ бассейнѣ сохраняется лодка, на которой возвратилась команда одного изъ пароходовъ, принимавшихъ участіе въ первой попыткѣ закупорить Портъ-Артуръ.

---

*) Японская рисовая водка. *Ред.*

Насъ встрѣтилъ адмиралъ Томаока вмѣстѣ съ другими начальствующими лицами и мы тотчасъ пошли осматривать зданія училища, хорошо распланированныя и прекрасно отдѣланныя. Училище окружено садомъ, далѣе переходящимъ въ паркъ. Главный корпусъ—длинное, двухъэтажное зданіе, по заднему фасаду котораго во всю длину тянется корридоръ. Прежде всего насъ повели въ спальни. Въ каждой изъ нихъ стоитъ два ряда кроватей съ зелеными кисейными пологами для защиты отъ москитовъ. Постели всѣ были сложены. Подушки набиты чайными листьями, которые японцы считаютъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ головныхъ болей. Вдоль стѣны стоятъ сундуки кадетъ. Одинъ изъ нихъ открыли, чтобы удовлетворить нашему любопытству: въ него вкладывается три рѣшетки, подъ которыми въ образцовомъ порядкѣ лежало имущество ученика. Актовая зала, или комната для совѣщаній, помѣщается непосредственно надъ вестибюлемъ; стѣны ея украшены фотографіями адмираловъ. Между двумя окнами, на самомъ почетномъ мѣстѣ висѣли портреты Императора и царственной семьи, украшенные пурпуровыми кистями. Но самымъ интереснымъ украшеніемъ зала была безукоризненно исполненная модель военной джонки, около 10 футовъ длины. Это прекрасное, хотя съ виду неуклюжее судно, было вполнѣ оснащено: на реяхъ висѣлъ большой парусъ, отдѣльныя шелковыя полотнища котораго были не сшиты, но скрѣплены шнуровкой. На модели были тщательно воспроизведены всѣ мелочи, вплоть до якорей, старинныхъ фонарей и вымпеловъ на мачтахъ.

На кормѣ находился маленькій алтарь. Вся середина джонки между фокъ и гротмачтой была занята

цѣлымъ рядомъ маленькихъ каютъ съ шелковыми занавѣсками, очевидно предназначавшихся для офицеровъ. Разительный контрастъ съ этимъ старинным боевымъ судномъ представляла стоявшая рядомъ модель современнаго броненосца.

Японцы стараются увѣковѣчить въ сердцахъ учениковъ всѣ героическіе подвиги своего флота. Напримѣръ, на стѣнѣ виситъ та самая забрызганная кровью карта, которую разсматривалъ капитанъ Сакамото въ то время, когда онъ былъ смертельно раненъ осколкомъ китайскаго ядра въ битвѣ при Ялу въ 1895 году.

Подъ спальнями расположены просторные классы съ массой свѣта и воздуха. Одежда воспитанниковъ изъ чистой бѣлой парусины. Различные спеціальные предметы преподаются имъ на англійскомъ языкѣ. Особенно насъ поразило то глубокое сосредоточенное вниманіе, съ которымъ вся эта молодежь слушала лекціи своихъ профессоровъ. Ни одинъ ученикъ не поднялъ даже глазъ и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на длинную вереницу посѣтителей, проходившихъ мимо открытыхъ оконъ. Царившее въ классахъ безмолвіе скорѣе напоминало монастырь во время богослуженія, чѣмъ морское училище.

Къ классамъ прилегала галлерея, въ которой помѣщались сдѣланные учениками чертежи машинъ, пушекъ, полевыхъ орудій и т. п. Принимая во вниманіе, что кадетамъ полагается всего одинъ часъ въ недѣлю на подобныя занятія, можно только изумляться, глядя на достигнутые результаты. Въ залѣ моделей находились модели безусловно всѣхъ боевыхъ средствъ, употребляемыхъ на военныхъ судахъ.

Мы обратили вниманіе на модель 6-дюймовой Эльсвикской пушки, поставленной на лафетъ и снабженной усовершенствованнымъ приводомъ для наводки орудія.

Въ смежномъ помѣщеніи находится безукоризненно исполненная модель современнаго броненосца, точная до мельчайшихъ подробностей. Въ гимнастическомъ залѣ мы долго любовались знаменитой борьбой Джу-джу-си. Она основана на умѣньѣ пользоваться слабыми сторонами соперника съ цѣлью заставить его упасть. Японцы совершенно справедливо такъ серьезно относятся къ изученію этой науки,—именно науки—иначе ее невозможно назвать. Нѣкоторые изъ знаменитыхъ борцовъ Джу-джу-си дошли до такого совершенства, что безъ особаго напряженія, легко перебрасываютъ противника черезъ голову. Сцена, которую мы увидѣли, войдя въ гимнастическій залъ, была достойна кисти художника. По всѣмъ направленіямъ летало нѣсколько сотенъ человѣческихъ тѣлъ: передъ нашими глазами мелькали то головы, то руки, то ноги. Полъ былъ устланъ толстыми цыновками, но шумъ отъ паденія тѣлъ былъ такъ силенъ, что мы съ трудомъ могли слышать другъ друга. По краямъ большой залы на корточкахъ сидѣли ученики, дожидавшіеся своей очереди. Показали намъ также фехтованіе большими бамбуковыми палками съ двойной рукояткой. На лицо надѣвается маска, на грудь кожаныя латы; руки же остаются обнаженными. Кадеты очень ловко сражаются этимъ стариннымъ оружіемъ. Идя на приступъ русскихъ траншей, японцы всегда употребляли съ успѣхомъ свою національную саблю съ двойной рукояткой *).

*) Двойная рукоятка—это рукоятка такой длины, что за нее можно ухватиться двумя руками. *Ред.*

Затѣмъ мы присутствовали на артиллерійскомъ ученьѣ. Оно происходило въ длинномъ сараѣ, построенномъ по образцу палубы военнаго корабля: на бортахъ находились шестидюймовыя пушки, на носу стояла девятидюймовка. Дѣло поставлено образцово: отъ момента заряжанія до выстрѣла прошло всего восемь секундъ. Послѣднее видѣнное нами упражненіе превзошло всѣ остальныя своей оригинальностью; ничего подобнаго мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть. Виконтъ Инуйе объяснилъ намъ его значеніе, говоря, что вѣдь конечной цѣлью всей борьбы Джу-джу-си несомнѣнно является стремленіе побѣдить противника. Поставили два столба, приблизительно въ 200 ярдахъ другъ отъ друга, отмѣтили правую и лѣвую сторону... Ученики раздѣлились на двѣ партіи: половина каждой изъ нихъ защищала свой столбъ отъ нападенія, а другая съ яростнымъ крикомъ кидалась въ атаку на столбъ противной партіи. Вскорѣ около этихъ центральныхъ пунктовъ завязалась такая ожесточенная борьба, передъ которой самая яростная свалка при игрѣ въ футболлъ въ Рюгби кажется невинной дѣтской забавой. Были пущены въ ходъ даже и кулаки; многимъ изъ учениковъ сильно досталось, но никто не слышалъ отъ нихъ ни одного звука жалобы. Словомъ, это была мимическая битва, участники которой ни на минуту не потеряли своего прекраснаго расположенія духа, несмотря на разорванное платье, синяки подъ глазами и разбитые въ кровь носы, свидѣтельствовавшіе о далеко не шуточныхъ послѣдствіяхъ этого японскаго спорта.

Наше посѣщеніе Этаджимы закончилось прекраснымъ легкимъ завтракомъ, передъ которымъ всѣ

мы снялись въ общей группѣ около 9-дюймоваго орудія.

Въ 4 часа пополудни пароходъ вышелъ въ Міяджиму. Снова передъ нашими восхищенными глазами красовался отражавшійся въ голубомъ морѣ, дивно прекрасный „Тори“, весь горѣвшій золотомъ въ лучахъ заходящаго солнца.

На слѣдующій день, 17-го іюня, всѣ пассажиры „Маншу-Мару“ находились въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Намъ только что сообщили о нападеніи, произведенномъ владивостокскими крейсерами на транспорты близъ острова Окишима. Если бы мы случайно не отступили отъ первоначально выработаннаго маршрута, намъ пришлось бы посѣтить Владивостокъ въ качествѣ русскихъ военно-плѣнныхъ.

Въ 4 часа дня пароходъ сталъ на якорь на рейдѣ Матсуями. Мы высадились подъ проливнымъ дождемъ, чтобы навѣстить русскихъ плѣнныхъ, размѣщенныхъ въ разныхъ частяхъ города. Матсуями красиво раскинутъ у подножія высокаго, лѣсистаго холма, на вершинѣ котораго стоитъ замокъ древнихъ Дайміо. Во время нашего посѣщенія, въ замкѣ были расквартированы солдаты и осмотръ его намъ не былъ разрѣшенъ. Такимъ образомъ мы потеряли рѣдкій случай осмотрѣть одинъ изъ лучшихъ памятниковъ древней Японской архитектуры. На слѣдующій день мы вошли въ проливъ Симоносеки. По прибытіи въ Моджи насъ встрѣтили радостнымъ извѣстіемъ, что одинъ изъ транспортовъ, атакованныхъ непріятелемъ, „Садо Мару“, спасся отъ гибели и былъ прибуксированъ джонками въ портъ. Такимъ образомъ была спасена тысяча человѣческихъ жизней! Проходя мимо приткнувшагося къ берегу „Садо Мару“, мы ви-

дѣли неотлучно находившіеся около него два парохода для отливанія изъ него воды.

Около полудня, 19 іюня, въ воскресенье, мы вступили въ опасную область, гдѣ рисковали встрѣтиться съ непріятелемъ. За два или за три дня до нашего прихода, именно въ этой самой мѣстности владивостокскіе крейсеры потопили японскіе транспорты. Два дыма на горизонтѣ, принадлежавшіе вѣроятно пароходамъ, корпусовъ которыхъ не было видно за дальностью разстоянія, очень живо и очень непріятно напомнили намъ о недавней драмѣ. Впечатлѣніе было настолько сильно, что одинъ изъ пассажировъ даже не полѣнился достать свой паспортъ для доказательства своего американскаго подданства. Точное мѣсто, гдѣ произошло несчастіе, находится между Окишима, Орошуна и еще однимъ островомъ, составляющими неправильный косой треугольникъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи виденъ отнынѣ историческій островъ Цусима, на которомъ, въ виду его центральнаго положенія между Японіей и Кореей, устроена укрѣпленная морская база.

Мы продолжали идти по направленію къ Сасебо. Недалеко отъ этого порта, въ три часа пополудни, насъ встрѣтилъ сторожевой миноносецъ, который провелъ насъ черезъ минныя загражденія. Главный командиръ адмиралъ Самиджима пригласилъ насъ къ ужину. Приглашеніе, конечно, было принято съ благодарностью и мы провели замѣчательно пріятный вечеръ. Присутствовалъ весь его штабъ. Была чудная лунная ночь; немного рѣзкій ночной воздухъ согрѣвался огромными кострами, пылавшими въ желѣзныхъ жаровняхъ. Кругомъ все было залито электрическимъ свѣтомъ. За ужиномъ, сервированнымъ à la

fourchette, подавали европейскія и японскія кушанья; вино разливали матросы. Вечеръ закончился крайне оригинально даже и для этой страны постоянныхъ неожиданностей. Оркестръ, находившійся на эстрадѣ, вдругъ спустился съ нея и, не прерывая музыки, началъ ходить вокругъ стоявшихъ гостей. Постепенно къ нему начали присоединяться отдѣльныя группы— пока изъ всѣхъ приглашенныхъ не образовался огромный, безконечно двигавшійся кругъ, разошедшійся только при послѣднемъ, оглушительно громкомъ: „Банзай!“

На слѣдующій день въ 10 ч. 30 м. утра начиналась погрузка угля. Капитанъ Ямагуши предупредилъ насъ, что завтракъ будетъ сервированъ на берегу. Ровно въ 11 часовъ къ борту подошли присланные за нами паровые катера. Вся гавань была полна транспортами, между которыми намъ пришлось пробираться съ большой осторожностью. Стоявшій здѣсь же пароходъ — база для миноносцевъ, выкрашенный въ боевой темносѣрый цвѣтъ, казался особенно внушительнымъ рядомъ съ коммерческими судами. Наоборотъ, плавучій госпиталь, бѣлый съ зеленой полосой по борту произвелъ на насъ такое пріятное впечатлѣніе, что одинъ офицеръ даже сравнилъ его съ „невинной голубкой“. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ входу въ гавань, джонки и сампаны быстро скрывались изъ виду. Длинный проливъ ведетъ въ другую бухту, гдѣ стояло не меньше шести захваченныхъ пароходовъ въ ожиданіи рѣшенія призоваго суда. На выдающемся въ море мысѣ, густо поросшемъ хвойнымъ лѣсомъ, были разбиты палатки, украшенныя флагами всѣхъ національностей. Подъ отдѣльнымъ зеленымъ навѣсомъ

былъ приготовленъ очень хорошій завтракъ, за которымъ прислуживали пароходные лакеи, успѣвшіе хорошо изучить личные вкусы своихъ пассажировъ. Остатокъ дня мы провели, осматривая верфи и арсеналы, гдѣ царила обычная лихорадочная дѣятельность. Общее воодушевленіе, охватившее всю Японію, было такъ глубоко, что, напр. рабочіе, получавшіе въ день всего 60 центовъ, т. е. около 1 шиллинга на англійскія деньги, жаловались не на низкую заработную плату, а на малое, по ихъ мнѣнію, количество работы. Всѣ готовы были жертвовать послѣднимъ для своего дорогого отечества. Мы осмотрѣли рѣшительно все адмиралтейство вплоть до прекрасныхъ, вновь строющихся обширныхъ доковъ. Подъ открытымъ небомъ, защищенный навѣсомъ отъ непогоды, былъ сложенъ хлѣбъ, предназначавшійся для отправки на эскадру; это было сдѣлано для сохраненія его какъ можно дольше въ свѣжемъ видѣ. Каждый день пеклось 5000 фунтовъ хлѣба; каждая порція, вѣсомъ въ одинъ фунтъ, тщательно завертывалась въ бумагу и укладывалась въ полукруглыя корзины. Разорванное платье матросовъ, находившихся на театрѣ войны, присылалось для починки въ Японію,—эту работу съ удовольствіемъ брали на себя женщины. Одно отдѣленіе рядомъ было занято портными, кроившими новое платье для матросовъ. Сосѣдній цейхгаузъ былъ до самой крыши наполненъ запасами чая и мясныхъ консервовъ,—военной добычей, взятой у русскихъ. Слѣдующій визитъ нашъ былъ въ морской госпиталь, который, впрочемъ, во время войны охотно принималъ не только матросовъ, но и солдатъ. Во время нашего посѣщенія тамъ находилось около 300 больныхъ и раненыхъ, прибыв-

шихъ съ театра войны. Большинство изъ нихъ принимало участіе въ осадѣ Портъ-Артура; раны ихъ были почти однородны: ожоги и пораненія ядрами. Арсеналъ въ Сасебо работалъ также напряженно, какъ и арсеналъ въ Куре *). Плавка, отливка, необходимыя исправленія, все входило въ сферу его лихорадочно энергической дѣятельности! Но интереснѣе всего видѣннаго нами въ арсеналѣ несомнѣнно были отбитые у русскихъ военные запасы и пушки, въ числѣ которыхъ находились орудія, снятыя съ „Варяга“. Пушки, ружья, патроны, ядра, гранаты, принадлежавшія къ этой интересной коллекціи военной добычи были тщательно занумерованы и снабжены особыми билетиками.

Впечатлѣніе, вынесенное нами изъ очень продолжительнаго, и правду сказать, утомительнаго осмотра, можно кратко резюмировать такимъ образомъ: адмиралтейству въ Сасебо несомнѣнно предстоитъ блестящая будущность: въ очень скоромъ времени оно смѣло можетъ стать наравнѣ съ лучшими адмиралтействами міра. Хотя главный центръ постройки новыхъ судовъ—это Куре, но Сасебо, благодаря сравнительно небольшой глубинѣ залива и большимъ незастроеннымъ пространствамъ, останется главной станціей для ремонта, и наиболѣе удобнымъ пунктомъ для перевооруженія кораблей.

На слѣдующій день я съѣхалъ на берегъ вмѣстѣ съ капитаномъ Такараби, чтобы набросать нѣсколько эскизовъ и интервьюировать главнаго командира—адмирала Самиджима. Это большаго роста старикъ, съ прекрасной головой и очень рѣзкими чертами

---

*) Другой военный портъ. *Ред.*

лица; ротъ и подбородокъ свидѣтельствуютъ о силѣ характера и рѣшительности, но веселыя искорки въ блестящихъ глазахъ выдаютъ прирожденный юморъ. Всѣ соглашались съ моимъ мнѣніемъ, что адмиралъ— лучшее изъ видѣннаго нами въ Сасебо. Это былъ одинъ изъ доморощенныхъ адмираловъ, такъ какъ все морское образованіе онъ получилъ въ Японіи, но одиннадцать лѣтъ тому назадъ онъ посѣтилъ Англію, о которой вспоминаетъ съ удовольствіемъ, и Францію, куда былъ посланъ на короткое время своимъ правительствомъ посмотрѣть, какъ идетъ постройка заказаннаго крейсера.

„А какъ же вамъ нравится наша японская пища“? задалъ онъ мнѣ неожиданный вопросъ.

„Очень нравится“, отвѣтилъ я, „она излечила меня отъ несваренія желудка. Дайте мнѣ пару палочекъ и я вамъ покажу, какъ ловко я умѣю съ ними управляться“! Такъ какъ палочекъ въ настоящій моментъ подъ руками не оказалось, пришлось прибѣгнуть къ помощи двухъ ручекъ для пера, съ которыми я маневрировалъ такъ успѣшно, что заслужилъ полное одобреніе адмирала. Были поданы папиросы и обычный очень жидкій, но очень освѣжающій японскій чай. Наше правительство сдѣлало бы очень полезное нововведеніе, введя этотъ чай въ паекъ арміи и флота: онъ гораздо лучше возстановляетъ и поддерживаетъ силы, чѣмъ спиртные напитки. Самиджима согласился позировать мнѣ для эскиза, сидя съ папироской у своей жаровни, составляющей необходимую принадлежность каждаго присутственнаго мѣста въ Японіи. Послѣ сеанса онъ любезно доставилъ меня на „Маншу Мару“ на своей собственной шлюпкѣ. При разставаніи адмирала съ

нами съ обѣихъ сторонъ было высказано много искреннихъ пожеланій всего хорошаго. Нашъ путь лежалъ въ Чемульпо. Буксирный пароходъ съ адмиральскимъ оркестромъ военной музыки сопровождалъ насъ до выхода изъ гавани, а два миноносца конвоировали на двадцать миль.

Хотя разрисовка вѣеровъ считается неоспоримой спеціальностью японцевъ, но во время нашего перехода я тоже попробовалъ свое искусство на вѣерѣ, предназначенномъ для маркиза Курода, бывшаго представителемъ императора на „Маншу Мару“. Работа моя встрѣтила полное одобреніе и мнѣ пришлось разрисовать еще нѣсколько вѣеровъ для моихъ друзей. Переходъ изъ Сасебо въ Чемульпо ознаменовался только еще однимъ интереснымъ происшествіемъ: я получилъ отъ Нэбешима подарокъ—бутылку виски „Банзай“.

24-го мы увидѣли берегъ Кореи. Никогда не забуду я нѣжно-лиловыхъ тоновъ прибрежныхъ скалъ и острововъ, вырисовывавшихся на ярко-желтомъ небѣ. Пейзажъ оживлялся живописными рыбачьими лодками, напоминавшими и джонку и сампанъ. Рыбаки носятъ длинные волосы и причесываютъ ихъ на манеръ японскихъ борцовъ. Въ отдаленіи, на горизонтѣ виднѣлись дымы многочисленныхъ транспортовъ, направлявшихся въ Дальній. Нашъ пароходъ шелъ хорошимъ ходомъ, дѣлая шестнадцать узловъ *). Остерегаясь подходить близко къ безчисленнымъ скаламъ и отмелямъ этого второго внутренняго моря, мы прошли внѣшнимъ фарватеромъ. Въ темнотѣ здѣсь очень опасно: вдобавокъ на

*) 28 верстъ въ часъ. *Ред.*

весь берегъ всего два маяка и оба изъ нихъ въ Чемульпо.

На слѣдующее утро, послѣ завтрака, только что я принялся за набрасываніе портретовъ членовъ верхней палаты, оказалось, что въ салонѣ докторъ началъ прививать всѣмъ желающимъ оспу. Это была интересная сцена: почти всѣ японцы и англійскій агентъ, капитанъ Джэксонъ, рѣшили подвергнуться этой операціи, но большинство европейцевъ уклонилось. Тѣмъ не менѣе, предохранительная прививка была далеко не лишней: оспа свирѣпствовала не только въ Кореѣ, но фактически на всей территоріи, занятой нашими войсками.

Въ тотъ же день пароходъ прошелъ мимо цѣлаго архипелага маленькихъ островковъ, исключительно населенныхъ рыбаками. Самый большой изъ нихъ всего въ шесть акровъ: на немъ три или четыре хижины съ небольшимъ клочкомъ земли, засѣяннымъ ячменемъ. На вершинѣ островка маленькій лѣсокъ, откуда обитатели пользуются топливомъ.

Одно изъ развлеченій пассажировъ „Маншу Мару“ заключалось въ собираніи мнѣній насчетъ вѣроятнаго момента паденія Портъ-Артура. Большинство голосовавшихъ сходилось на томъ, что это событіе нужно ожидать около 30-го августа. Вообще за весь переходъ мы совершенно не имѣли времени скучать: капитанъ Такараби дѣлалъ все отъ него зависѣвшее для развлеченія своихъ гостей. Напр. у насъ была устроена контора потерянныхъ вещей, состоявшая изъ простого крюка, вбитаго въ переборку, и рядомъ съ нимъ—доска для объявленій. Сюда приносились всѣ найденные предметы: трубки, вѣера, перья, и здѣсь они висѣли, пока не находился ихъ закон-

ный собственникъ. Вѣеръ составляетъ непремѣнную принадлежность японскаго туалета; жара и множество мухъ дѣлаютъ его рѣшительно необходимымъ, и въ этомъ большинство изъ насъ убѣдилось на собственномъ опытѣ. Принимая во вниманіе, что 55 пассажировъ „Маншу Мару“ принадлежали не менѣе, какъ къ десяти національностямъ, можно себѣ представить, до чего было трудно согласовать меню обѣда съ такими разнообразными вкусами! Большею частью столъ былъ на европейскій манеръ; запасъ вина и сигаръ казался неистощимымъ... Изгнавъ разъ на всегда изъ нашего обихода всѣ разговоры на политическія темы, въ общемъ мы уживались всѣ прекрасно.

Нашъ путь пролегалъ мимо очень оригинальной группы островковъ, представлявшей разрушенные края стариннаго кратера, которые выходили изъ подъ воды. Здѣсь приливная волна напоминаетъ Портландъ, достигая быстроты семи миль въ часъ. Море было нѣжнаго, голубовато-зеленаго цвѣта; отмели обозначались болѣе темнымъ оттѣнкомъ. Впереди главной группы одиноко возвышается отдѣльная скала, имѣя видъ часового. Послѣ завтрака мы проходили то мѣсто, гдѣ произошелъ первый морской бой *); здѣсь на память съ насъ сняли общую группу.

Корейскіе рыбаки при встрѣчѣ съ нами усиленно жестикулировали и что-то кричали, указывая на пространство за нашей кормой. Оказалось, что огромная акула,—мнѣ еще не приходилось видѣть такую большую,—усердно работала надъ выброшеннымъ нами дохлымъ теленкомъ, а надъ ней съ крикомъ

---

*) Бой „Варяга“. *Ред.*

кружилась стая чаекъ. Всего за нѣсколько минутъ передъ этимъ нашъ морской агентъ, капитанъ Джэксонъ, мечталъ о томъ, какъ бы хорошо было выкупаться! Передъ нами открылось Чемульпо. Домики его частью тянулись по длинной прибрежной полосѣ, частью были построены на склонахъ холма. Гавань была почти вся заполнена коммерческими судами; здѣсь же стояли англійское, американское и итальянское военныя суда. „Варягъ“ уже былъ поднятъ. Со всѣхъ сторонъ его облѣпляли рабочіе, напоминавшіе муравьевъ своимъ числомъ и трудолюбіемъ. При нашемъ приближеніи они насъ встрѣтили громкимъ „Банзай“. Два другихъ корабля мирно покоились на илистомъ днѣ; такъ какъ они сильно затрудняли навигацію, въ скоромъ времени ихъ нужно было или поднять, или взорвать. Едва мы успѣли стать на якорь, какъ уже были присланы паровые катера за англійскимъ и итальянскимъ военными агентами съ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ.

Въ 7 часовъ вечера мы съѣхали на берегъ на заранѣе нанятомъ буксирномъ пароходѣ и провели въ городѣ нѣсколько часовъ. Темнота и разные азіатскіе запахи были очень непріятны, кромѣ того, не знаю, почему, но большинство жителей относилось къ намъ съ нескрываемой враждебностью. Нѣкоторые изъ насъ отправились въ Китайскую гостинницу, гдѣ встрѣтили Колькхауна, бывшаго на Хаймунѣ. Онъ состоялъ корреспондентомъ Times и хорошо выглядѣлъ послѣ своихъ тяжелыхъ трудовъ. Безуспѣшно попробовавъ собрать хоть нѣсколько свѣжихъ новостей, въ десять съ половиною часовъ вечера мы рѣшили возвратиться на пароходъ, предварительно закупивъ разныхъ запасовъ, которые

могли пригодиться впослѣдствіи. Шкиперъ нашего буксирнаго парохода медлилъ съ отправленіемъ, такъ какъ вѣроятно не понялъ отданныхъ ему приказаній, а потому передъ нами возникъ вопросъ: ждать, пока онъ рѣшится идти, или нанимать лодку?

Единогласно было рѣшено нанять сампанъ. Гребцы быстро двигали нашу хрупкую лодку, весело подбадривая себя криками: „Сара-ха! Сара-хей! Сара-ха!“ Главной опасностью гавани въ Чемульпо являются сильные приливы. Проходя по мѣсту, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ пошла ко дну шлюпка съ англійскаго военнаго корабля, мы невольно вспомнили объ ихъ печальной участи, но луна ярко свѣтила, приливъ былъ умѣренный и мы благополучно добрались до парохода. Ночь была такъ тиха, что мы ясно слышали звонъ судового колокола на судахъ, стоявшихъ далеко на рейдѣ, и гармоничное пѣніе ночной смѣны рабочихъ на русскомъ крейсерѣ. Нашъ сампанъ такъ хорошо шелъ противъ прилива, что мы пріѣхали на пароходъ ровно въ 11 часовъ.

Утромъ намъ сообщили предполагавшійся маршрутъ; центральнымъ пунктомъ программы безспорно являлось посѣщеніе Сеула, столицы Кореи. Кромѣ того насъ порадовали пріятнымъ извѣстіемъ о новомъ пораженіи русскихъ, опять потерявшихъ въ послѣднемъ сраженіи два миноносца отъ взрыва минъ.

Японское правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы впредь всѣ транспорты конвоировались военными судами во избѣжаніе повторенія несчастія, постигшаго транспорты въ Корейскомъ проливѣ. На слѣдующій день мы должны были присутствовать на пріемѣ у мэра Чемульпо. Фраки и цилиндры были

обязательны. Въ тотъ же вечеръ предполагалось выѣхать со спеціальнымъ поѣздомъ въ Сеулъ. Въ 11 часовъ мы сошли на берегъ, захвативъ съ собой нужныя вещи... Презабавно было наблюдать неистовыя усилія европейцевъ, боявшихся хотя на минуту разстаться со своимъ багажемъ. Волненія ихъ окончились только тогда, когда мы рѣшили всецѣло передать всѣ матеріальныя заботы въ руки нашихъ хозяевъ. Высадка въ Чемульпо является довольно затруднительной: гавань такъ мелководна, что наша лодка была принуждена стать на якорь, хотя сидѣла въ водѣ всего 2 фута. Насъ пересадили на сампаны и мы употребили почти полчаса на то, чтобы пробиться сквозь толчею лодокъ, несмотря на то, что мы находились всего въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ разрушившагося мола.

Г. Томаисо привѣтствовалъ насъ во главѣ небольшой депутаціи и прекрасно исполнилъ принятыя на себя обязанности. Всѣ предварительныя распоряженія относительно нашихъ удобствъ и комфорта были превосходны; багажъ былъ перевезенъ въ японское консульство, что избавляло насъ отъ непріятной возни съ таможней. Вѣжливые хозяева пригласили насъ въ обѣденную залу въ чайномъ домѣ, или гостинницѣ, стоявшей на высокомъ утесѣ, съ котораго открывался великолѣпный видъ на всю гавань. На наше счастье былъ приливъ, избавившій насъ отъ необходимости наслаждаться ароматами береговой полосы. Вдоль передняго фасада отеля шла широкая крытая веранда; здѣсь для иностранцевъ *) поставили нѣсколько столовъ и стульевъ. Полъ огром-

*) Японцы предпочитаютъ сидѣть на корточкахъ. *Ред.*

ной главной залы былъ устланъ цыновками; на немъ съ величайшей аккуратностью было разложено около 200 маленькихъ подушекъ. Рядомъ съ каждой изъ нихъ лежала карточка съ именемъ гостя. Мѣстный колоритъ празднеству придавали гирлянды разноцвѣтныхъ фонарей и флаговъ, качавшихся отъ вѣтра, пріятно освѣжавшаго воздухъ. Когда мы всѣ заняли свои мѣста, мэръ снова привѣтствовалъ насъ торжественной рѣчью. Затѣмъ хорошенькія прислужницы съ помощью гейшъ внесли и поставили передъ каждымъ гостемъ маленькіе низкіе столики съ изящно разставленными на нихъ кушаньями. Никто не начиналъ обѣдать, пока всѣмъ не было подано. Дѣвушки опустились противъ гостей на колѣни, ежеминутно готовыя оказать всякую услугу, начиная отъ наливанія саки до зажиганія папиросъ. Во время обѣда говорилось много рѣчей. Очень интереснымъ пунктомъ праздничной программы явился взрывъ множества петардъ. Этимъ японцы намѣревались оказать особую любезность присутствовавшимъ военнымъ корреспондентамъ. Виконтъ Инуйе замѣтилъ: „они постоянно просятъ, что-бы имъ показали сраженіе и дали понюхать пороху... Вотъ мы и подумали, отчего въ самомъ дѣлѣ не сдѣлать имъ этого маленькаго удовольствія?“

Эта невинная шутка всѣхъ очень развеселила и праздникъ кончился тостомъ за здоровье японскаго императора, который былъ принятъ съ величайшимъ энтузіазмомъ.

Звуки „самисана“ возвѣстили о началѣ пѣнія и танцевъ гейшъ. Нельзя было не любоваться граціозными позами и пируэтами группы молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ прозрачныя платья. Яркое солнце

освѣщало ихъ изящныя фигурки въ облакахъ тончайшаго шелка, выдѣлявшіяся на фонѣ голубого неба. Пришлось совершенно неожиданно прервать такое рѣдкое наслажденіе, услышавъ, что поѣздъ въ Сеулъ отходитъ въ 3 ч. 45 мин.

Зайдя въ клубъ, я встрѣтилъ тамъ своего знакомаго, очевидца сраженія „Варяга“ съ японскими крейсерами. Онъ говорилъ, что въ 40 минутъ все было кончено. Сотрясеніе воздуха отъ орудій было настолько сильно, что въ городѣ было выбито много стеколъ. Корейцы были такъ возбуждены и взволнованы происшедшимъ, что начали мечтать о грядущемъ величіи своего государства и, между прочимъ, о возможности сдѣлаться великой морской державой.

Быстрота движенія по корейскимъ желѣзнымъ дорогамъ почти одинакова съ нашими валлійскими: хотя Чемульпо всего въ 30 миляхъ отъ Сеула, переѣздъ занялъ почти три часа. Прямо съ вокзала я поѣхалъ въ Palace Hotel. Нашъ пріѣздъ далъ хорошій заработокъ носильщикамъ и рикшамъ, большинство которыхъ были наняты на цѣлый день. Что касается до меня, то я отправился осматривать Сеулъ на слѣдующій день съ самаго ранняго утра, такъ какъ пріемъ во дворцѣ былъ назначенъ въ полдень. Сеулъ—это не болѣе какъ груда лачужекъ. Жители большаго роста; походка ихъ очень надменная. Корейцы носятъ шляпы совершенно особаго фасона,—загнутыя подъ разными углами. Шляпа надѣвается не прямо на голову, а на „форму“, которая, какъ и сама шляпа, прекрасно сдѣлана изъ тончайшаго конскаго волоса и тѣсно охватываетъ черепъ. Длинное бѣлое шелковое платье похоже на костюмъ временъ Жозефины: низъ его широко развѣвается, когда ко-

реецъ, полный достоинства, медленно идетъ со своимъ вѣеромъ и трубкой. Женщины, подобно своимъ китайскимъ сестрамъ, носятъ широкія юбки и шаровары; маленькія ножки спрятаны въ туфли съ загнутымъ вверхъ носкомъ. На улицѣ онѣ надѣваютъ широкій плащъ, закрывающій лицо и голову, достигая такимъ образомъ двойной цѣли: скрыть свою красоту и предохранить себя отъ мухъ и пыли.

Дѣти постоянно одѣты въ самые яркіе цвѣта. Если на Сеулъ смотрѣть издали, съ холмовъ, то кажется, что цѣлыя стаи разноцвѣтныхъ попугаевъ наполняютъ его предмѣстья... По улицамъ тянутся безконечными вереницами малорослыя лошади, нагруженныя разными сельскими продуктами, и многострадальные корейскіе волы, навьюченные такими тяжестями, сдвинуть которыя, кажется, не подъ силу даже и слону! Лучше всѣхъ живется въ Сеулѣ собакамъ: украшенныя широкими разноцвѣтными ошейниками, онѣ бѣгаютъ вездѣ, гдѣ хотятъ, пользуясь полнѣйшей свободой. Корейцы вѣрятъ въ существованіе души у собакъ, чѣмъ и можно объяснить удивительную свободу, даваемую этимъ животнымъ. Дома въ Сеулѣ низкіе, безъ малѣйшихъ попытокъ къ какимъ-либо архитектурнымъ украшеніямъ, если не считать тѣхъ случаевъ, когда на стѣнѣ кричащими красками грубо намалеванъ какой-нибудь тигръ необыкновенно яростнаго вида. Одинъ кореецъ, высокій, благообразный старикъ, съ апостольскимъ выраженіемъ лица, съ гордостью показывалъ намъ свой домъ. Онъ былъ оклеенъ обоями. Хозяинъ употребилъ на это всѣ старыя газеты, попадавшіяся ему подъ руку, не разбирая годовъ и форматовъ! Запахи Сеула ужасны—помойныя ямы, колодцы, склады сухой рыбы

соперничаютъ другъ съ другомъ, заражая воздухъ отвратительнымъ зловоніемъ. А молодое поколѣніе весело рѣзвится посреди всѣхъ этихъ отбросовъ и гніющей падали!

Передъ городскими воротами высится трехъ-ярусная пагода, служившая въ старину караульней и сторожевой вышкой. Прекрасныя старинныя желѣзныя ворота мирно ржавѣютъ на своихъ петляхъ. Камни ограды уничтожены. Круглая стѣна, защищавшая главный входъ отъ внезапныхъ нападеній, вся искрошилась отъ времени и небрежнаго отношенія. Мчащійся мимо электрическій трамвай представляетъ разительный контрастъ съ этой картиной печальнаго запустѣнія. Вскочивъ на него, я быстро доѣхалъ до гостинницы. По дорогѣ пришлось проѣзжать мимо рынка, расположеннаго въ Сеулѣ подъ открытымъ небомъ. Особенность рынка та, что не хозяйки, а мужчины закупаютъ провизію. Надо видѣть, съ какимъ достойнымъ видомъ они торгуются, покупая лукъ и салатъ,—главныя составныя части корейской кухни.

Всюду проникающая грязь все облѣпляетъ и въ мясныхъ лавкахъ: мясо рубится безъ всякаго разбора большими кусками. Голова и ноги продаются отдѣльно для супа, или выварки клея; въ Кореѣ не существуетъ большой разницы между тѣмъ и другимъ. Толпа, одѣтая въ бѣлыя платья, спокойно отходитъ, давая дорогу пробѣгающему трамваю; другіе же экипажи пробираются, какъ умѣютъ, между горами рыбы, овощей, дровъ и иныхъ подобныхъ продуктовъ, наполняющихъ рынки восточныхъ городовъ. Въ 12 часовъ была назначена аудіенція во дворцѣ, но въ этотъ разъ императоръ насъ лично

не принялъ; всѣ обязанности по встрѣчѣ и пріему иностранныхъ гостей были возложены на гофмейстера и другихъ высшихъ придворныхъ сановниковъ. У императора два дворца: находящійся въ городѣ носитъ названіе дворца Неба; другой—дворецъ Благоденствія и Добродѣтели находится въ очаровательной загородной мѣстности и обнесенъ широкой стѣной.

Мы были приглашены во дворецъ Благоденствія и Добродѣтели. При входѣ насъ встрѣтила стража, осмотрѣвшая наши паспорта раньше, чѣмъ разрѣшить намъ идти дальше. Пейзажъ внутри стѣнъ походилъ на прелестный англійскій ландшафтъ: мелкій зеленый кустарникъ въ тѣни красивыхъ большихъ деревьевъ живо напоминалъ родныя деревья англійскихъ парковъ. Широкая, хорошо содержимая дорога, обсаженная по обѣимъ сторонамъ красивыми старыми деревьями, вела къ внутреннимъ воротамъ дворца, гдѣ насъ ожидали чиновники, тотчасъ взявшіе насъ на свое попеченіе. Мы подошли къ главному входу, прекрасному образчику древней китайской архитектуры, блиставшему ярко зеленой, алой и пурпуровой краской, сливавшимися въ одну удивительную общую гармонію. Второй придворный взялъ наши визитныя карточки для передачи ихъ первому министру. Пожавъ каждому изъ насъ руку, онъ обратился къ стоявшимъ рядомъ придворнымъ съ просьбой показать намъ дворцовые сады. Здѣсь на нѣкоторое время насъ оставили однихъ и мы могли спокойно наслаждиться восхитительнымъ ландшафтомъ. Всюду раскиданные пруды, поросшіе лотосомъ, мостики, причудливыя бесѣдки разныхъ формъ и величинъ, невольно переносили мысль въ сѣдую древность. Казалось, что

весь садъ былъ точной копіей знакомаго съ дѣтства рисунка старинныхъ англійскихъ столовыхъ сервизовъ. Завтракъ подали въ главномъ, двухъ-этажномъ павильонѣ, великолѣпно раскрашенномъ и славящемся красотой лакированныхъ красныхъ колоннъ, поддерживающихъ потолокъ средней залы. Нѣсколько ступенекъ вели въ верхнее помѣщеніе, гдѣ насъ ожидалъ приготовленный холодный завтракъ, сдѣлавшій бы честь лучшему европейскому ресторану. Подавалось шампанское и другія вина. Кореецъ-дворецкій разсказалъ съ большой гордостью, что сервировать и приготовлять кушанья на европейскій манеръ выучили ихъ японцы. Гостей было много, мѣста же— мало и не всякому удалось пробраться къ самому столу. Познакомившись съ нѣсколькими придворными, пришедшими, какъ и я, слишкомъ поздно, мы отправились собирать лакомые кусочки, взявъ въ одну руку палочки, а въ другую большую тарелку. Набравъ достаточное количество кушанья, мы удобно усѣлись на широкую низкую балюстраду балкона, находившуюся по счастью въ тѣни и основательно насладились импровизированнымъ пикникомъ. Въ моихъ похвалахъ удавшемуся завтраку, я между прочимъ замѣтилъ:

—„Вы много чѣмъ обязаны японцамъ“.

—„Мы имъ обязаны буквально всѣмъ“,—отвѣчали мои собесѣдники.—„Подъ ихъ благодѣтельнымъ руководствомъ и управленіемъ Корея будетъ великой и богатой провинціей славной японской имперіи“.

Послѣ завтрака мы снова долго гуляли по прекрасному саду, гдѣ точно по мановенію волшебнаго жезла мгновенно являлись сигары, кофе и прохладительные напитки во всякомъ павильонѣ, куда бы

мы только ни заходили. Закончилась наша длинная прогулка у подножія скалы, изъ подъ которой билъ хрустально чистый источникъ, снабжавшій водой всѣ дворцовыя владѣнія. На этой скалѣ крупными буквами высѣчена странная китайская надпись:

„Дворецъ Благоденствія и Добродѣтели.

Съ трехсотъ футъ вышины, высоко съ неба спадаютъ воды!

Посмотри,—вонъ тамъ появилась бѣлая радуга и потокъ будитъ громовый вѣтеръ въ десяти тысячахъ холмовъ!“

Наши фотографическіе аппараты усиленно работали. Вѣроятно, они были первыми подъ сѣнью этихъ древнихъ аллей! Возвратившись къ ожидавшимъ насъ паланкинамъ и рикшамъ, мы скрылись въ облакахъ пыли отъ любопытныхъ взоровъ цѣлой толпы собравшихся корейцевъ. Они были такъ поражены невиданнымъ зрѣлищемъ, что на этотъ разъ даже выпустили изо рта свои неизмѣнныя трубки. День закончился блестящимъ пріемомъ въ японскомъ клубѣ.

На слѣдующее утро мы получили приглашеніе присутствовать на императорской аудіенціи, назначенной во дворцѣ Неба въ 3 ч. 30 м. пополудни того же дня. Гостепріимные хозяева предложили руководить нами съ условіемъ, что мы заранѣе всѣ соберемся въ Hotel de Palais. Большинство поѣхало на джинрикшахъ, хотя, повидимому, избранное сеульское общество отдаетъ предпочтеніе паланкинамъ стариннаго фасона, выкрашеннымъ мрачной черной краской. Ѣхать пришлось по узкимъ, пыльнымъ улицамъ; носильщики и рикши немилосердно тол-

кали другъ друга, всячески стараясь перегнать, чтобы первому пріѣхать во дворецъ. Мы сошли у первыхъ воротъ: остальное пространство нужно было, согласно этикету, пройти пѣшкомъ. За нѣсколько времени до нашего пріѣзда дворецъ сгорѣлъ; было выстроено временное зданіе для пріемовъ знатныхъ иностранныхъ посѣтителей.

Насъ пригласили прежде всего въ большую залу, откуда нѣсколько дверей вело въ другія пріемныя комнаты. Встрѣтившій насъ придворный здоровался съ каждымъ по мѣрѣ того, какъ мы мимо него проходили. Въ комнатѣ, куда насъ провели, были поданы сигары, сладости и чай. Судя по температурѣ воздуха, было бы пріятнѣе обойтись безъ послѣдняго! Мебель и вся обстановка производила впечатлѣніе будничной, мелко буржуазной среды, но двѣ великолѣпныя эмалевыя вазы клуазонне странно дисгармонировали съ окружавшими ихъ мѣщанскими вещами. Церемоніймейстеръ установилъ порядокъ, въ которомъ должно было состояться представленіе императору... Его помощники провели насъ къ двери, задрапированной тяжелой портьерой, откинувъ которую мы очутились въ присутствіи Сына Неба.

На дальнемъ концѣ комнаты, на возвышенной эстрадѣ между двумя окнами, стояли императоръ и наслѣдный принцъ передъ великолѣпно вышитой шелковой ширмой. Изъ придворныхъ при аудіенціи присутствовалъ только главный евнухъ, высокаго роста, но дурно сложенный, небрежно прислонившійся къ одной изъ колоннъ, и два иностранныхъ военныхъ агента, благоразумно державшихся на заднемъ планѣ.

Императоръ—полный, добродушнаго вида чело-

вѣкъ, держится съ достоинствомъ, хотя веселый блескъ маленькихъ глазъ выдаетъ человѣка, любящаго весело пожить и насладиться жизнью. Лицо наслѣднаго принца было совершенно безстрастно; повидимому, онъ совершенно не интересовался происходившимъ вокругъ него. Онъ очень любитъ чеснокъ, а чтобы скрыть эту слабость и уничтожить его ѣдкій запахъ, онъ постоянно сосетъ кусокъ имбиря, перебрасывая его со щеки на щеку, подобно матросу, жующему табакъ. Отецъ и сынъ были одинаково одѣты въ бѣлыхъ національныхъ костюмахъ; на головѣ—волосяныя „формы“. Поочередно проходя мимо императора, мы кланялись ему два раза, а наслѣдному принцу—одинъ. Нѣкоторые изъ насъ съ подобающимъ уваженіемъ раскланивались даже и съ евнухомъ! По окончаніи церемоніальнаго пріема, мы поѣхали въ японское посольство, гдѣ насъ ждалъ ужинъ, поданный al fresco. Ѣли мы его палочками подъ звуки отрывковъ изъ оперъ, исполненныхъ дворцовымъ оркестромъ. День блестяще закончился прочтеніемъ только что полученной телеграммы отъ адмирала Того, возвѣщавшей о вторичномъ пораженіи русскаго флота. На слѣдующій день мы возвратились въ Чемульпо и на свой пароходъ. Снявшись рано утромъ съ якоря, мы пошли умѣреннымъ ходомъ,—но куда—намъ не сказали.

Оказалось, что цѣлью этого перехода былъ дикій и уединенный заливъ Хайджу, служившій адмиралу Того секретной базой въ первый періодъ войны. (Не лишнее вспомнить, что русскія донесенія обвиняли англичанъ въ данномъ адмиралу Того разрѣшеніи пользоваться, какъ базой, Вей-ха-веемъ).

Главной привлекательностью залива Хайджу была

глубокая таинственность, его окружавшая. Адмиралъ Того устроилъ здѣсь телеграфную станцію, работавшую такъ успѣшно, что, несмотря на разстояніе въ 1700 миль отъ Токіо, депеши доходили туда въ десять минутъ. Такараби любезно разрѣшилъ намъ высадиться на берегъ, предупредивъ только не ходить по травѣ, въ которой кишатъ ядовитыя змѣи. Обойдя ближайшія окрестности въ сопровожденіи офицера, завѣдывавшаго станціей, мы возвратились на пароходъ, нагруженные цѣлыми снопами полевыхъ цвѣтовъ.

На слѣдующій день намъ неожиданно пришлось остановиться: наступилъ туманъ, настоящій корейскій туманъ, продержавшій насъ ровно три дня на одномъ мѣстѣ. Каждый, кому хоть однажды довелось испытать туманъ въ морѣ, знакомъ съ нагоняемой имъ смертельной тоской! Бывшіе на пароходѣ два японскихъ художника, Тоджи и Мураси старались развлечь насъ, показывая изумительные образчики своего волшебнаго искусства. Особенное восхищеніе во всѣхъ возбуждала вѣтка бѣлыхъ хризантемъ на бѣлой же бумагѣ! Нѣкоторые европейцы старались имъ подражать, но я долженъ сознаться, что наши первыя усилія на этомъ поприщѣ выглядѣли достаточно неуклюжими!

Во время этой невольной стоянки, однажды ночью мы вдругъ неожиданно увидѣли огни и услышали громъ большихъ орудій. Матросы сбѣжались со всѣхъ сторонъ; шлюпочная команда стояла около шлюпокъ, готовясь спустить ихъ на воду по первому приказанію. Возбужденіе скоро улеглось, услышавъ рѣшеніе Такараби немедленно уйти, несмотря ни на какой туманъ. Былъ данъ ходъ въ семнадцать узловъ, и

мы скоро избѣгли опасности быть взятыми въ плѣнъ. Я рано ушелъ въ каюту. Вдругъ, около девяти часовъ вечера, мой вѣстовой, вбѣжавъ ко мнѣ, началъ быстро завинчивать глухія ставни иллюминаторовъ, что-то объясняя насчетъ прожекторовъ и броненосцевъ. Опять въ воздухѣ запахло боевой тревогой. Кое-какъ ощупью я выбрался наверхъ, на палубу, гдѣ увидѣлъ, что всѣ огни уже потушены. Затаивъ дыханіе, въ полномъ безмолвіи, отдѣльныя группы съ тревожнымъ безпокойствомъ всматривались въ темноту. Мы снова услышали гулъ орудій и увидѣли ищущіе лучи прожекторовъ. Удалось ли пробиться русской эскадрѣ? Или это насъ ищутъ владивостокскіе крейсеры? Отвѣта не было. Скрытые въ густомъ туманѣ, мы продолжали уходить полнымъ ходомъ отъ близкаго къ намъ непріятеля. Впродолженіе всей ночи отъ времени до времени тревога поднималась вновь. Многіе пассажиры долго не ложились, оставаясь на палубѣ, или въ салонѣ. Утромъ цѣлая батарея пустыхъ бутылокъ краснорѣчиво свидѣтельствовала о глубокомысленныхъ разсужденіяхъ на жгучую тему о томъ, что могли бы съ нами сдѣлать русскіе, неожиданно захвативъ насъ въ плѣнъ?

Въ субботу мы снова стали на якорь въ дружественныхъ водахъ бухты Хайджу. Корреспонденты рвались сообщить извѣстія о бывшемъ сраженіи, но Такараби рѣшительно этому воспротивился, сказавъ: „Это называется сообщеніемъ свѣдѣній... Мы не желаемъ, чтобы русскіе имѣли хотя малѣйшее представленіе о томъ, гдѣ мы находимся и что мы намѣреваемся дѣлать“...

При полученіи какихъ-либо важныхъ извѣстій съ театра войны, на „Маншу Мару“ было заведено обык-

новеніе извѣщать объ этомъ всѣхъ пассажировъ звономъ въ пожарный колоколъ. Энергичнѣйшій звонъ возвѣстилъ однажды, что будетъ читаться только что полученный Gogei. Капитанъ Такараби уже находился въ салонѣ. Объяснивъ и начертивъ на черной доскѣ положеніе эскадръ въ послѣдней битвѣ, онъ сообщилъ намъ непріятное извѣстіе, что по близости видѣли владивостокскіе крейсеры. Они были атакованы нашими контръ-миноносцами, но результатъ нападенія еще до сихъ поръ неизвѣстенъ. Очевидно, это и была та самая стычка, свидѣтелями которой мы невольно оказались, когда такъ поспѣшно пришлось бѣжать съ поля битвы, будучи только транспортнымъ судномъ! Болѣе молодые пассажиры волновались и сердились на наше бездѣйствіе, хотя не предвидѣлось ни малѣйшей возможности помочь этому обстоятельству. Было немыслимо подвергать риску „Маншу Мару“, особенно теперь, когда на ней находилось столько выдающихся государственныхъ дѣятелей, хотя русскіе, конечно, были не прочь вновь овладѣть своимъ пароходомъ.

Около полудня всѣ очень встревожились внезапнымъ появленіемъ пяти пароходовъ, державшихъ курсъ прямо на заливъ. Оказалось, что это японскіе транспорты; на одномъ изъ нихъ находились команды для смѣны матросовъ на Портъ-Артурской эскадрѣ. Эти транспорты, подобно намъ, зашли въ Хайджу получить свѣжія извѣстія о владивостокской эскадрѣ. Узнавъ, что она возвращается обратно, мы двинулись вверхъ по рѣкѣ. Еще до полудня слѣдующаго дня мы стали на якорь въ Чиннамбо. Это незначительное мѣстечко, перейдя въ японскія руки, уже становится большимъ и цвѣтущимъ городомъ, но главной

цѣлью нашей поѣздки являлся Пиньянгъ, древняя корейская столица. Первый выстрѣлъ настоящей войны былъ сдѣланъ въ Чиннамбо: японцы прогнали незначительное количество расквартированныхъ тамъ казаковъ. Офицеры и главные резиденты наперерывъ старались оказать намъ самое широкое гостепріимство, которое теперь мы даже начинали находить совершенно въ порядкѣ вещей.

Первую половину нашего путешествія въ Пиньянгъ мы сдѣлали на просторномъ комфортабельномъ пароходѣ „Кіодо-Мару“. Рѣка Таи-до-ко (въ переводѣ „большая похожая рѣка“) орошаетъ равнины Пиньянга, имя котораго означаетъ „жатвенныя поля“. Общій характеръ мѣстности мало интересенъ, если смотрѣть съ рѣки: илистая низменность съ небольшими возвышенностями на заднемъ планѣ. На рѣкѣ много рыбачьихъ лодокъ, занимающихся преимущественно ловлей креветокъ. Поднимаясь далѣе вверхъ по рѣкѣ, мѣстность мѣняетъ характеръ: илистая низменность переходитъ въ обширныя, плодородныя равнины. Это—входъ въ долину Пиньянга,—самую лучшую мѣстность для воздѣлыванія риса на всемъ востокѣ! Отмели рѣки очень походятъ на берега Темзы въ ея верхнемъ теченіи: тѣ же спокойныя заводи и тихіе, тѣнистые уголки.

Рѣка такъ обмелѣла, что „Кіодо-Мару“ не могъ подойти къ городу ближе, чѣмъ на три или четыре мили. Намъ пришлось пересѣсть на маленькій пароходикъ. Въ 4 часа мы стали на якорь противъ воротъ Пиньянга, типическаго китайскаго города, обнесеннаго стѣной. Верхніе зубцы стѣны и всѣ дома, находившіеся за внѣшней оградой, были облѣплены густой толпой любопытныхъ. Корейцы всегда флег-

матичны. Эта ихъ неизмѣнная апатія представляетъ крайній контрастъ съ неутомимой, бьющей черезъ край энергіей нашихъ хозяевъ. Передъ фронтомъ стѣны, густо занятой народомъ, вытянулась цѣпь японскихъ полицейскихъ. Опрятно одѣтыя дѣвочки—ученицы пропѣли нѣсколько привѣтственныхъ пѣсенъ. По истинѣ изумителенъ прогрессъ въ Пиньянгѣ и другихъ мѣстностяхъ со времени появленія тамъ у власти японцевъ! Корея теперь находится въ переходномъ состояніи и быстро цивилизуется подъ благотворнымъ вліяніемъ этихъ волшебниковъ, — этихъ англичанъ востока! Сойдя на берегъ по мосту изъ лодокъ, мы должны были протискиваться черезъ эту непріятную толпу къ воротамъ, гдѣ, по случаю дождя, давка и толкотня были еще сильнѣе. Нашъ пріемъ состоялся въ караульной комнатѣ, по которой свободно гулялъ вѣтеръ. Главная улица Пиньянга немногимъ лучше дурно протоптанной тропинки по грязному полю. Наши зонтики цѣплялись за карнизы домовъ, многіе изъ которыхъ гораздо хуже собачьихъ конуръ. Въ одномъ помѣщеніи съ людьми находятся ослы и свиньи; народъ вездѣ живетъ въ неописуемой, невообразимой грязи. Городская ратуша служитъ главной квартирой для солдатъ. Здѣсь насъ привѣтствовалъ командующій отрядомъ и показалъ различные образчики мѣстной добывающей и обрабатывающей промышленности.

Слѣдующій нашъ визитъ былъ сдѣланъ на поле битвы, гдѣ стоитъ памятникъ въ честь павшихъ въ сраженіяхъ японскихъ героевъ въ 1894—95 гг. Это небольшое пространство хорошо содержится, обнесено оградой и засажено фруктовыми деревьями. Прогулявшись по стариннымъ сосновымъ рощамъ, мы

дошли до древней могилы принца Ки-Тзи, погребеннаго, какъ говорятъ, 32 вѣка тому назадъ. Стѣны, окружающія городъ, сходятся подъ острымъ угломъ на высочайшей точкѣ поля сраженія—700 фут. отъ уровня моря. Видъ оттуда прелестенъ—передъ глазами раскидываются равнины, рѣка, горы, лѣса и развалины древнихъ городовъ.

Эта продолжительная прогулка возбудила въ насъ сильный аппетитъ и мы съ удовольствіемъ направились въ старый замокъ, гдѣ насъ ожидалъ обильный обѣдъ. Разсказываютъ, что много лѣтъ тому назадъ, знаменитый китайскій ученый, нѣкій Кин-ту-генъ, пріѣзжалъ сюда, чтобы изучить нѣсколько древнихъ поэмъ, частью украшавшихъ стѣны дома, частью напечатанныхъ въ хранящихся здѣсь старинныхъ книгахъ. Но, по его мнѣнію, ни одна изъ поэмъ не описывала въ достаточно яркой и сильной степени всю красоту разстилавшейся передъ глазами дивной картины. Неожиданно онъ почувствовалъ приливъ вдохновенія: выйдя вновь на веранду, онъ написалъ двѣ строки:

„Передъ замкомъ течетъ могучій потокъ божественной вѣчности; на востокѣ обширной равнины кое-гдѣ виднѣются горы“....

Красота природы, а вѣрнѣе реакція послѣ охватившаго его возбужденія такъ сильно его потрясли, что онъ, горько рыдая, убѣжалъ съ веранды и немедленно покинулъ эту мѣстность.

Въ Пиньянгѣ существуетъ своеобразное учрежденіе: школа для обученія императорскихъ наложницъ разнымъ искусствамъ, которая содержится исключительно для надобностей императорскаго двора, такъ какъ Пиньянгъ славится красотой своихъ женщинъ.

Со времени перехода власти въ руки японцевъ, это учрежденіе потеряло свой прежній блескъ; вѣроятно, подъ ихъ вліяніемъ скоро оно будетъ и совсѣмъ уничтожено.

По возвращеніи изъ этой экскурсіи, мы узнали о полученіи слѣдующей телеграммы: „Русская эскадра вышла изъ Портъ-Артура въ 6 ч. 30 м. Соединенныя эскадры адмирала Того двинулись ей на встрѣчу". Капитанъ Такараби тотчасъ отправился на „Маншу-Мару", по его словамъ,—къ устью рѣки, по нашимъ же предположеніямъ—на театръ военныхъ дѣйствій, такъ какъ нашъ вооруженный транспортъ, собственно, и предназначался для надобностей развѣдочной службы. На время отсутствія Такараби, всѣ заботы о нашемъ комфортѣ и удовольствіяхъ принялъ на себя капитанъ Ямагуши. Вообще, намъ не давали скучать. Маркизъ Курода, принадлежащій къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ Дайміо, устроилъ поѣздку въ прелестное живописное мѣстечко вверхъ по рѣкѣ. Мы отправились на большой джонкѣ, устланной цыновками и снабженной тентомъ, которую велъ на буксирѣ пароходъ. Поѣздка была тѣмъ интереснѣе, что дала намъ случай видѣть корейскаго земледѣльца въ его домашней обстановкѣ.

Деревенскіе дома корейцевъ ничѣмъ не отличаются отъ китайскихъ. Въ одинъ изъ нихъ мы зашли. Особенной зажиточностью онъ не отличался, но хозяинъ сказалъ намъ: „цѣлыя поколѣнія моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ жили и умирали на этой землѣ; я обязанъ остаться здѣсь, слѣдить и ухаживать за ихъ могилами". Передъ отъѣздомъ мы хотѣли сдѣлать любопытный фотографическій снимокъ молодого быка, окруженнаго цѣлой группой дѣтей, но онъ неожи-

данно оскорбился нашей фамильярностью, и, нагнувъ голову, стремительно кинулся на фотографа. Тотъ еле спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ. Хозяинъ изысканно вѣжливо извинился передъ нами за поведеніе быка, объясняя, что до сихъ поръ ему приходилось видѣть только бѣлыя платья, и что онъ испугался чернаго цвѣта нашихъ костюмовъ.

Мы познакомились съ мѣстнымъ крупнымъ помѣщикомъ, мальчикомъ 13 лѣтъ. Не зная обычаевъ страны, я пошутилъ съ нимъ, какъ съ подросткомъ, въ отвѣтъ на его просьбу взять съ собой, чтобы показать корабль. Очевидно, это его крайне оскорбило, такъ что одинъ изъ моихъ японскихъ друзей даже замѣтилъ мнѣ: „Вы его очень обижаете, называя мальчикомъ. Онъ молодой корейскій дворянинъ, имѣетъ жену 14 лѣтъ и владѣетъ большой земельной собственностью“.

Въ Пиньянгѣ мнѣ разсказали очень романическую исторію одной императорской фаворитки, специфически восточную, точно заимствованную изъ тысяча одной ночи.

Фаворитка эта очень низкаго происхожденія: ея родители были такъ бѣдны, что даже не могли прокормить своихъ дѣтей. Тринадцати лѣтъ ей пришлось поступить въ услуженіе къ одной придворной корейской дамѣ, гдѣ на ея обязанности лежало варить рисъ и мыть грязную посуду. Но она недолго оставалась на этой низкой должности. Какъ-то разъ ей приказали причесать госпожу, что она исполнила съ такой удивительной ловкостью, что съ этой минуты прическа хозяйки сдѣлалась ея исключительной обязанностью. Женщины всего міра одинаковы—другія придворныя дамы очень быстро обратили вниманіе

на новую изящную прическу своей подруги. Въ скоромъ времени всѣ онѣ сдѣлались кліентками этой дѣвушки. Только сознаніе своего высокаго положенія удерживало покойную императрицу отъ выраженія своего женскаго любопытства и отъ зависти. Наконецъ, когда во всемъ дворцѣ только ея одна куафюра не носила на себѣ слѣдовъ волшебнаго прикосновенія искусной парикмахерши, гордость императрицы была сломлена. Она потребовала, чтобы къ ней немедленно привели эту дѣвушку и съ той минуты голова ея величества была причесана достойнымъ образомъ.

Молодая парикмахерша стала жить во дворцѣ, постоянно прислуживая императрицѣ. Въ скоромъ времени на нее обратилъ свое вниманіе и императоръ, подпавъ подъ вліяніе чаръ,—не ея парикмахерскаго искусства, но ея обворожительной внѣшности.

Между ними возникла тайная связь, продолжавшаяся безъ перерыва, пока о ней не донесли императрицѣ, которая была очень ревнивой женщиной. Узнавъ о завязавшейся интригѣ между императоромъ и своей парикмахершей, она сильно разгнѣвалась и съ позоромъ выгнала ее изъ дворца.

Всѣ придворныя дамы, внезапно лишившіяся драгоцѣнныхъ услугъ, дѣлавшихъ ихъ гораздо плѣнительнѣе въ глазахъ ихъ возлюбленныхъ, стали придумывать разныя мѣры, чтобы возвратить эту незамѣнимую дѣвушку. Рѣшивъ употребить всѣ усилія, онѣ стали вліять на императрицу, уговаривая ее простить виновную и позволить ей снова вернуться ко двору. По словамъ моего собесѣдника, убѣжденія придворныхъ дамъ наконецъ возымѣли должное дѣйствіе; императрица, хотя неохотно, но согласилась

на возвращеніе дѣвушки. Я же, со своей стороны, утверждаю, не колеблясь, что въ этомъ случаѣ мой собесѣдникъ ошибся. Самому наивному человѣку въ мірѣ ясно какъ Божій день, что императрица скучала и томилась по прежнимъ изящнымъ прическамъ, такъ украшавшимъ ея царственное чело, и что только дурно причесанная голова сломила ея сопротивленіе.

Итакъ, молоденькая парикмахерша снова возвратилась во дворецъ и снова принялась оказывать придворнымъ дамамъ свои неоцѣнимыя услуги. Дворцы въ Азіи — гнѣздо самыхъ запутанныхъ интригъ, а Сеульскій дворъ всегда былъ специфически азіатскимъ. Вскорѣ послѣ возвращенія дѣвушки, врагамъ императрицы удалось такъ повернуть колесо фортуны, что ея величество поспѣшно оставила дворъ и, поселившись въ уединенномъ мѣстечкѣ, вела тамъ самый скромный, замкнутый образъ жизни. Значеніе и вліяніе маленькой парикмахерши такъ возвысились послѣ ея отъѣзда, императоръ осыпалъ ее такими милостями, что положеніе ея было немногимъ ниже царствующей императрицы. Но дни ея величія были кратковременны: партія императрицы снова одержала верхъ. Императрица возвратилась изъ добровольнаго изгнанія, пылая намѣреніемъ съ избыткомъ отплатить за все прошлое, и—дѣвушкѣ пришлось скрыться, спасая свою жизнь.

Во время ея бѣгства изъ дворца ей было всего 27 лѣтъ.

Какъ много она переиспытала въ теченіе своей короткой жизни! Подняться до высшихъ ступеней общественной лѣстницы, о чемъ ей не могло грезиться даже въ самыхъ смѣлыхъ мечтахъ и затѣмъ внезапно выпить до самаго дна горькую чашу все-

возможныхъ униженій и оскорбленій! Скрываясь отъ преслѣдованій, опасаясь за самую жизнь, ей удалось найти пріютъ у старинной знакомой, простой женщины, занимавшейся стиркой бѣлья. Чтобы себя пропитать, ей пришлось трудиться. Она пекла пирожки изъ смѣси дешевыхъ зеленыхъ бобовъ съ рисомъ, продавая ихъ чернорабочимъ. Но это занятіе не было прибыльнымъ: въ скоромъ времени ей пришлось ходить въ старыхъ лохмотьяхъ. Знакомая прачка тоже не могла ничѣмъ ей помочь—ея собственныя дѣла были очень плохи и она еле зарабатывала на насущный хлѣбъ. На помощь къ несчастной дѣвушкѣ пришло Провидѣніе въ лицѣ нѣкоего Коу, бѣднаго торговца платьемъ въ Сеулѣ, который сдѣлалъ ей предложеніе. Безвыходное положеніе заставило ее согласиться стать его женой; они тайно обвѣнчались и у нея сначала родился сынъ, а затѣмъ дочь.

Спустя продолжительное время, одной придворной дамѣ всетаки удалось разузнать мѣстопребываніе своей любимой парихмахерши. Она тотчасъ навѣстила бѣдную хижину Коу, откуда вышла причесанная прежнимъ неподражаемымъ образомъ. Сдѣлавшись постоянной посѣтительницей ихъ семьи, знатная дама стала интересоваться не только парикмахерскимъ искусствомъ жены, но и самимъ почтеннымъ господиномъ Коу. Желая загладить обиду, нанесенную парикмахершѣ, какъ супругѣ, придворная дама усердно начала хлопотать о возвращеніи ея ко двору. Смерть императрицы, послѣдовавшая 8 октября 1895 года, облегчила ея старанія. Дѣвушка вновь поселилась во дворцѣ.

Теперь она не имѣла соперницъ и нераздѣльно

господствовала надъ сердцемъ императора. Къ сожалѣнію, занявъ высокое положеніе покойной императрицы, она стала выказывать такую же бѣшеную ревность, какая характеризовала ея предшественницу. Въ скоромъ времени по рожденіи ея сына, принца Ина, (20 октября 1899 г.) ей донесли, что на одномъ изъ торжественныхъ обѣдовъ императоръ повидимому нашелъ большое удовольствіе въ дружескомъ разговорѣ съ дамой, имя которой въ переводѣ значитъ Лунный Свѣтъ. Не теряя времени, она тотчасъ приказала арестовать эту придворную даму и подвергнуть ее пыткѣ. Для точности слѣдуетъ прибавить, что послѣ такого, конечно немного рѣзкаго выраженія неудовольствія, дама вскорѣ была освобождена. Другой непріятный инцидентъ произошелъ, когда во дворецъ были приглашены дамы изъ Пиньянга, славящіяся своей красотой, мужествомъ и музыкальными совершенствами. Къ несчастью, императоръ выпилъ вина болѣе обыкновеннаго и взявъ за руку одну изъ приглашенныхъ пиньянгскихъ дамъ, съ энтузіазмомъ выражалъ ей свое удовольствіе и одобреніе. Объ этомъ прискорбномъ случаѣ шпіоны тотчасъ донесли фавориткѣ. Пиньянгскія дамы начали уговаривать свою подругу немедленно возвратиться домой, опасаясь гнѣва всесильной любимицы, но та съ мужествомъ отказалась. „На свѣтѣ нѣтъ высшей чести“, сказала она, „какъ удостоиться пожатія руки императора; испытавъ это счастье, я не боюсь смерти“. Но ея пріятельницы, обладавшія повидимому, наравнѣ съ очаровательной внѣшностью, большой дозой здраваго смысла, всячески старались ее убѣдить. Наконецъ, ихъ совѣты возымѣли дѣйствіе: она согласилась бѣжать изъ

дворца. Разсказываютъ однако, что на обратномъ пути она „пропала неизвѣстно куда“. Это не болѣе, какъ осторожная корейская манера констатировать фактъ, что одинъ изъ посланныхъ фавориткой убійцъ подстерегъ ее на дорогѣ и исполнилъ данное ему порученіе.

Теперь бывшей парикмахершѣ 50 лѣтъ. Она полновластно царитъ во дворцѣ въ ожиданіи дня, когда оффиціально будетъ провозглашена императрицей, а сынъ ея, принцъ Инъ, законнымъ наслѣдникомъ трона.

ГЛАВА III.

Искусство доктора Яби. Отплытіе въ базу адмирала Того. „*Извѣстное* *) убѣжище“. Экскурсія въ Таліенванскій заливъ. Посѣщеніе адмиральскаго корабля. Адмиралъ Того. Снова владивостокская эскадра. Возвращеніе въ Японію.

По возвращеніи на „Маншу-Мару“ намъ сообщили радостное извѣстіе о томъ, что „русская эскадра 1 іюля прошла Корейскій проливъ, держа курсъ на Владивостокъ“. Это и былъ день нашего переполоха, когда мы такъ поспѣшно скрылись въ бухту Хайджу. Запасшись водой и углемъ, мы вышли къ Ялу. Военныя власти пригласили насъ посѣтить Антунгъ, главный городъ этого округа, съ тѣмъ однако условіемъ, что мы будемъ сами заботиться о себѣ и на свой собственный счетъ наймемъ джонки для дальнѣйшаго путешествія въ Ку-хе-шенгъ, мѣсто первой и самой серьезной сухопутной битвы. Именно здѣсь, въ Ку-хе-шенгѣ, японцы доказали всему свѣту, что они брали уроки не у одной только Англіи, но и у Германіи, и что японская

---

*) Японцы не только во время войны тщательно скрывали, гдѣ была база Того, но продолжали скрытничать и по окончаніи военныхъ дѣйствій. Поэтому и авторъ книги нигдѣ не упоминаетъ, гдѣ именно была эта база и называетъ ее „*извѣстнымъ* убѣжищемъ“. *Ред.*

армія ничѣмъ не уступаетъ флоту. Мѣсто высадки въ устьѣ Ялу защищено со стороны открытаго моря скалами и мелями; запутанный извилистый фарватеръ постоянно мѣняется. Когда мы туда пришли, тамъ стояли на якорѣ госпитальное судно „Іокогама Мару“, нѣсколько транспортовъ и пароходовъ. Къ величайшему нашему огорченію, маркизъ Курода и докторъ Яби заразились въ Сеулѣ тифомъ и имъ пришлось воспользоваться услугами плавучаго госпиталя. Къ доктору Яби я чувствую глубочайшую благодарность. У меня сдѣлалась какая-то опухоль на нижнемъ лѣвомъ вѣкѣ, которую мнѣ никакъ не удавалось вылѣчить въ продолженіи цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ. Три или четыре доктора, осматривавшіе меня, сходились на томъ, что это полипъ, для удаленія котораго необходимо сдѣлать разрѣзъ до самой скулы. Рѣшивъ подвергнуться операціи, я отправился въ больницу, но за отсутствіемъ хирурга, операцію пришлось отложить до его возвращенія. Тѣмъ временемъ я ушелъ на „Маншу Мару“. Докторъ Яби, обративъ вниманіе на мой больной глазъ, поинтересовался узнать, чѣмъ именно я его лечу. Я отвѣтилъ, что по возвращеніи въ Токіо намѣреваюсь подвергнуться операціи.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Вѣдь это же полипъ...

— Извините, но я не думаю, что это полипъ. Позвольте мнѣ осмотрѣть вашъ глазъ...

Послѣ краткаго осмотра онъ сказалъ:

— Я дамъ вамъ примочку, которая, по моему мнѣнію, васъ вполнѣ излечитъ...

Дѣйствительно, послѣ десятидневнаго употребленія этой примочки опухоль совершенно исчезла.

Къ нашему великому разочарованію, военнымъ властямъ не удалось осуществить ихъ добрыхъ намѣреній: мы получили приказаніе идти въ базу адмирала Того и ждать тамъ дальнѣйшихъ инструкцій. Проходя мимо мѣста, гдѣ въ 1894 г. было большое сраженіе, *) мы съ тріумфомъ обнесли на рукахъ вокругъ всей палубы двухъ участниковъ этой битвы — капитана Ямагуши и одного кондуктора.

Одинъ изъ минопосцевъ блокирующей эскадры у борта парохода-базы, въ „извѣстномъ убѣжищѣ“.

Въ этотъ же день мы прошли мимо нѣсколькихъ группъ острововъ... Прямо передъ нами виднѣлся длинный, высокій островъ. За нимъ находился сборный пунктъ всего флота адмирала Того, извѣстный цѣлому міру только подъ краткимъ названіемъ — „извѣстное убѣжище“. Мы обогнули мрачный, высокій мысъ и передъ глазами иностранцевъ въ первый и послѣдній разъ поднялась завѣса съ таинственнаго „извѣстнаго убѣжища“. Готовые къ немедленному отплытію, съ поднятыми парами, тамъ стояли длинные ряды военныхъ кораблей во главѣ съ грознымъ „Миказа“, флагманскимъ кораблемъ адмирала Того. Открывшееся зрѣлище на нѣсколько минутъ

*) Морское сраженіе при Ялу.

захватило наше дыханіе. Въ густомъ дыму, заволакивавшемъ бухту, корабли казались какими то сказочными богатырями, производившими потрясающее впечатлѣніе силы и могущества. На своемъ вѣку я видѣлъ много морскихъ смотровъ, но никогда нигдѣ мнѣ не представлялось болѣе великолѣпнаго зрѣлища, чѣмъ эти могучіе корабли, одѣтые стальной броней, которые, подобно сказочнымъ драконамъ, дышали огнемъ и дымомъ. Ихъ уединенное пристанище было со всѣхъ сторонъ ограждено бонами и минами отъ внезапныхъ атакъ. Безпроволочный телеграфъ безпрерывно передавалъ извѣстія о малѣйшихъ движеніяхъ русскихъ судовъ, за которыми неотступно наблюдали быстроходные крейсеры. Надъ бухтой господствовала гигантская скала, напоминавшая Гибралтаръ.

Бинокли и зрительныя трубы,—все было пущено въ ходъ. Недовольные и нетерпѣливые члены нашей компаніи, и тѣ, наконецъ, вполнѣ удовлетворились: наше давно лелѣянное, завѣтное желаніе наконецъ исполнилось: мы находились на театрѣ настоящихъ активныхъ операцій. Въ каждый моментъ мы могли стать дѣйствующими лицами въ сраженіи, отъ рѣшенія котораго зависѣла бы участь народовъ. Приблизительно въ двадцати миляхъ виднѣлся манджурскій берегъ; его бѣлые утесы, блестѣвшіе подобно мѣловымъ скаламъ Англіи, были такъ тихи и невозмутимо спокойны, точно за ними не крылось никакихъ кровавыхъ тайнъ. Въ защищенной бухтѣ былъ разбитъ большой военный лагерь, къ которому и направился нашъ пароходъ. Съ замираніемъ сердца ожидали мы высадки на берегъ, но намъ не позволили подойти ближе и сигналомъ приказали остановиться.

Этотъ достопамятный день, такимъ образомъ, въ общемъ скорѣе принесъ намъ разочарованіе: мы должны были ошвартовиться во внѣшней гавани, подъ прикрытіемъ орудій съ судовъ адмирала Того.

Вечеромъ на пароходъ возвратился Такараби. Его посылали съ порученіемъ къ генералу Ноги, главнокомандующему арміей, осаждавшей Портъ-Артуръ. Онъ обѣщалъ на слѣдующій день сообщить намъ результаты своей интересной поѣздки. Оказалось, что онъ доѣзжалъ до передовыхъ линій и видѣлъ непріятельскія арміи на позиціяхъ въ восьми миляхъ другъ отъ друга. По его мнѣнію, было очень вѣроятно, что Портъ-Артуру удастся продержаться долѣе предполагаемаго срока, такъ какъ встрѣтились непредвидѣнныя затрудненія при взятіи нѣкоторыхъ фортовъ. Вслѣдствіе этого, намъ приходилось отказаться, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ отъ проэктированнаго посѣщенія Дальняго и Таліенвана. Японцы опасались даже возможности внезапнаго нападенія со стороны русскихъ и потому „Маншу-Мару“ приказано было сняться съ якоря и отойти въ совершенно защищенную, укромную бухту въ тылу позиціи адмирала Того. Тамъ насъ окружили рыбаки на своихъ лодкахъ и началась оживленная торговля. Забавно было наблюдать съ какой осторожностью и недовѣрчивостью относились продавцы китайцы къ покупателямъ—они ни за что не выпускали рыбу изъ рукъ, пока на ладони не было соотвѣтствующей монеты.

Мы всѣ впали въ глубочайшее уныніе, прочтя утромъ вывѣшенное на доскѣ объявленіе: „пароходъ немедленно возвращается въ Нагасаки“. Этотъ ударъ насъ ошеломилъ. Подойти такъ близко къ интерес-

ному мѣсту и возвратиться назадъ, даже не побывавъ на театрѣ военныхъ дѣйствій! Мнѣ сказали частнымъ образомъ, что единственной причиной отсылки насъ въ Японію было опасеніе внезапнаго движенія со стороны русскихъ. Въ этомъ случаѣ „Маншу Мару“ могъ въ любой моментъ оказаться въ безвыходно критическомъ положеніи. Мы немного воспрянули духомъ, когда около 10 часовъ вечера намъ сигнализировали, что на слѣдующее утро мы будемъ приняты адмираломъ Того на его флагманскомъ суднѣ. Предварительно же, намъ разрѣшалось подойти на разстояніе 10 миль къ Портъ-Артуру, чтобы окинуть взглядомъ театръ общихъ военныхъ дѣйствій. Затѣмъ, въ сопровожденіи быстроходнаго крейсера „Тсукай“, перваго изъ вновь построенныхъ въ Японіи судовъ, мы должны были идти на соединеніе съ адмираломъ Того на другой его сборный пунктъ, у острововъ Блондъ.

Мы двинулись къ Таліенванскому заливу; тамъ были цѣлыя флотиліи миноносцевъ и контръ-миноносцевъ, идущихъ, или возвращающихся со своихъ позицій въ блокадѣ. Ровно въ полдень мы увидѣли ожидавшіе насъ въ назначенномъ мѣстѣ броненосцы „Миказа“ и „Ашами“ *). На броненосцѣ „Миказа“ офицеры приняли насъ очень любезно и провели въ очень просто убранную свою каютъ-компанію. На буфетѣ лежалъ осколокъ 12-дюймовой бомбы, вырвавшей кусокъ изъ ноги лейтенанта Матсумура,— тяжелое, но славное воспоминаніе!

Скоро вышелъ къ намъ и адмиралъ Того. Ему лѣтъ 50 слишкомъ. Онъ высокаго роста, хорошо

---

*) Вѣроятно „Асахи“. *Ред.*

сложенъ, но немного сутуловатъ. При появленіи человѣка, имя котораго было на устахъ всего цивилизованнаго міра, всѣ разговоры разомъ замолкли. Лицо его несомнѣнно должно производить сильное впечатлѣніе, хотя общее его выраженіе добродушно привѣтливое, часто встрѣчающееся у людей науки. Оно все изрѣзано глубокими морщинами,—результатъ сознанія тяжелой отвѣтственности и постоянныхъ заботъ въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ. Глаза у него черные и блестящіе, какъ и у всѣхъ японцевъ; легкія морщинки въ углахъ глазъ указываютъ на прирожденный юморъ. Небольшой отвислый носъ, сжатый ротъ съ немного выдающейся верхней губой, большая голова хорошей формы съ ясно обрисованными выпуклостями, жидкіе, очень коротко остриженные волосы,—вотъ главныя черты его наружности. Онъ носитъ небольшую бороду, уже сѣдѣющую на подбородкѣ, хотя жидкіе усы еще совершенно черны. Подобно всѣмъ великимъ людямъ, онъ легко можетъ обходиться безъ всякаго общества. Говорятъ, что онъ въ состояніи цѣлыя недѣли проводить въ полномъ одиночествѣ, не имѣя другого товарища, кромѣ своей трубки, безъ которой, подобно Бисмарку, онъ не можетъ обойтись ни минуты. Ни съ кѣмъ изъ насъ онъ не вступилъ въ какой либо продолжительный разговоръ, хотя очень любезно замѣтилъ, что считаетъ нашъ визитъ большой для себя честью. Были поданы бокалы и шампанское. Выпивъ за наше здоровье, онъ пожелалъ намъ благополучнаго возвращенія въ Японію. „Миказа“ выглядѣлъ такимъ изящнымъ и безупречно чистымъ, что свободно могъ бы участвовать въ любомъ смотру на Спитгэдскомъ

Мой разговоръ съ адмираломъ Того на броненосцѣ „Миказа“.

рейдѣ. Мы сидѣли группами на палубѣ, весело разговаривая съ японскими офицерами. Оркестръ исполнялъ типическую англійскую программу... А между тѣмъ, мы находились вблизи сферы дѣйствія русскихъ орудій, злобно рявкавшихъ цѣлый день. Единственнымъ видимымъ доказательствомъ того, что и „Миказа“ принималъ участіе въ сраженіи, былъ слѣдъ, оставленный бомбой на гротъ-мачтѣ. Мы обошли весь броненосецъ. Казалось, на всей командѣ лежалъ отпечатокъ томительнаго шестимѣсячнаго напряженія, такъ ясно замѣтнаго на ихъ адмиралѣ! За все это время, немногимъ матросамъ удавалось спать больше 4 часовъ каждую ночь.

Какъ только мы вернулись на „Маншу-Мару“, якорь сейчасъ-же былъ поднятъ, и мы, безъ всякихъ остановокъ, пошли прямо въ Японію. До Нагасаки мы дошли безъ всякихъ приключеній. Здѣсь нашъ маршрутъ снова измѣнился—было получено извѣстіе о вторичномъ выходѣ владивостокской эскадры. Намъ пришлось возвращаться внутреннимъ моремъ, оставивъ дорогу Тихимъ океаномъ въ рукахъ непріятеля. Извѣщеніе главной квартиры гласило: „рыбаки доносятъ, что владивостокская эскадра идетъ черезъ проливъ Хокдидо“. Мы были принуждены зайти въ Кобе и ожидать тамъ дальнѣйшихъ извѣстій. По прибытіи туда оказалось, что никакихъ новыхъ свѣдѣній мы тамъ получить не могли. Не желая безцѣльно ждать, все наше общество разъѣхалось по разнымъ направленіямъ. Большинство направилось въ Токіо. Мнѣ хотѣлось попасть въ Іокогаму на пароходѣ общества Р. и О. *), но агенты не могли

*) Англійское общество Peninsular and Oriental совершающее рейсы на дальній востокъ. *Ред.*

ручаться за безопасный переходъ. Вскорѣ они получили телеграфное распоряженіе изъ Лондона выгрузить весь грузъ въ Кобе и отослать пароходъ обратнымъ рейсомъ въ Англію *). Дѣлать было нечего: я поѣхалъ въ Токіо по желѣзной дорогѣ. Прибывъ туда, я снова началъ дѣлить свое время между посольствомъ и морскимъ министерствомъ.

Уличная жизнь въ Токіо представляетъ для европейца особый интересъ. Тамъ совсѣмъ неизвѣстны грохотъ и суматоха нашихъ европейскихъ городовъ. Почти вся переноска тяжестей совершается носильщиками, ловкія, безшумныя движенія которыхъ поражаютъ непривычнаго человѣка. Шумъ колесъ джинирикшей **), замѣняющихъ наши кэбы, едва слышенъ. Единственнымъ уличнымъ шумомъ являются крики разнощиковъ, продающихъ разный товаръ, да заунывный свистъ автоматическаго пароваго свистка. Развѣ изрѣдка долетитъ до слуха прохожаго грустное пѣніе работающихъ кули... Впрочемъ, толпы веселыхъ дѣтей, два раза въ день, по дорогѣ въ школу и на обратномъ пути, оживляютъ тихія улицы своимъ веселымъ щебетаньемъ и криками. Большею же частью городъ молчитъ. Но это безмолвіе отнюдь не сопряжено съ праздностью: наоборотъ,—на каждомъ шагу видна работа, напряженіе, тяжелый, упорный трудъ.

Въ Токіо два съ половиной милліона жителей и каждый изъ нихъ обязательно по крайней мѣрѣ

---

*) Это соотвѣтствуетъ тому времени (середина Іюля по старому стилю), когда владивостокская эскадра держалась у восточныхъ береговъ Японіи. *Ред.*

**) Колясочки, которыя возятся людьми. *Ред.*

разъ въ день беретъ ванну. Это прекрасный обычай и многіе изъ цивилизованныхъ центровъ могли бы съ успѣхомъ послѣдовать примѣру японцевъ и не безъ пользы у нихъ поучиться. Отъ берега моря вплоть до вершинъ горъ вся Японія блещетъ чистотой. Народъ чистъ не только по виду, онъ опрятенъ въ дѣйствительности. Японцы настойчиво трудятся, но въ нихъ нѣтъ того бѣшенаго стремленія къ наживѣ, которое является проклятіемъ нашего современнаго промышленнаго строя. Они всегда веселы, довольствуясь малымъ. Прогулка за городъ всей семьей, чтобы полюбоваться кленами, или цвѣтущими вишневыми деревьями, катанье въ джонкѣ вдоль по рѣкѣ,—это ихъ любимыя удовольствія, поражающія своей простотой. Японцы любятъ природу; они наслаждаются ею и умѣютъ цѣнить ея чудеса. Весь строй жизни этой страны,—наглядный урокъ жизни простой, патріархальной, не пресытившейся наслажденіями всякаго рода; словомъ, той самой жизни, недостатокъ которой начинаетъ такъ сильно чувствоваться за послѣднее время въ Англіи.

ГЛАВА IV.

Разрѣшеніе ѣхать въ Сасебо. Назначеніе на крейсеръ. Японская ванна. Японскій обѣдъ. Распредѣленіе дня на крейсерѣ. Осмотръ пищи. Нѣкоторыя подробности организаціи.

Я проводилъ время въ Токіо очень пріятно, но я пріѣхалъ на Востокъ отнюдь не съ цѣлью сидѣть сложа руки и наслаждаться Японіей. Все сильнѣе начали меня одолѣвать сомнѣнія въ томъ, удастся ли мнѣ наконецъ добиться своей цѣли и побывать на театрѣ войны. Легко себѣ представить, до чего я былъ счастливъ и гордъ, получивъ изъ министерства распоряженіе безотлагательно ѣхать въ Сасебо, гдѣ я узнаю о дальнѣйшемъ моемъ назначеніи. По прибытіи туда, я представился адмиралу Самиджима, который сообщилъ мнѣ, что уже имѣетъ распоряженіе о немедленномъ назначеніи меня на одинъ изъ уходящихъ крейсеровъ. „Какъ скоро могу я собраться?“

— Я готовъ,—отвѣтилъ я.

— Прекрасно, — продолжалъ адмиралъ.—Завтра въ шесть часовъ утра крейсеръ снимается съ якоря. Вамъ было бы удобнѣе немедленно перебраться на крейсеръ.

Возвратившись въ гостинницу и быстро уложивъ свои вещи, въ 7 часовъ вечера я уже былъ на

крейсерѣ и надъ моей головой вновь гордо развѣвался гостепріимный флагъ страны Восходящаго Солнца.

Казалось, на крейсерѣ былъ полнѣйшій хаосъ. Онъ грузился углемъ; всѣ палубы были загромождены тюками, ящиками, запасами разнаго рода. Въ погрузкѣ угля, на ряду съ мужчинами, участвовали и женщины. Онѣ честно зарабатывали свои 35 центовъ въ день, трудясь съ такой-же выносливостью какъ и мужчины, усердно передавая корзины съ углемъ, но все же находя время подбодрить себя и мужчинъ веселыми шуточками и пѣсенками. Онѣ всѣ одѣты въ кимоно, и особенно кокетливый видъ имъ придавали полотенца, обвязанныя кругомъ головы для защиты отъ пыли. Ноги были обвернуты кусками темносиней матеріи; національные „обжи“ дополняли костюмъ. Покрытыя угольной пылью съ ногъ до головы, эти испачканныя, измазанныя дочери Евы весело смѣялись и болтали, показывая свои бѣлые зубки и заразительно веселые черные глаза.

Я замѣтилъ стоявшему рядомъ со мной капитану, что искренно сожалѣлъ бы о нашихъ женщинахъ, если бы имъ пришлось исполнять такой непосильно тяжелый трудъ.

„Да, работа безусловно трудная“, согласился онъ, „но зато она честная. Вѣдь какъ легко онѣ могли бы заняться гораздо болѣе дурнымъ дѣломъ“. Одной изъ главныхъ причинъ высокой нравственности характеризующей вообще японскихъ женщинъ, является, по моему мнѣнію, это неутомимое трудолюбіе. Многіе изъ миссіонеровъ, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться, вполнѣ подтвердили мое наблюденіе.

Нашъ уходъ былъ отложенъ до 4 часовъ пополудни. Всѣ офицеры были заняты, и я обѣдалъ совершенно одинъ. Ловкость, съ которой я обращался съ палочками, привела въ полнѣйшій восторгъ моего новаго вѣстового, Накаи. Любуясь красивымъ закатомъ солнца и огненно красными облаками, я невольно вспомнилъ слова старинной пѣсенки: „вечернее красное небо— наслажденіе моряка“. Затѣмъ взошла надъ холмами чудная луна. Былъ праздникъ Бомъ (луны), соотвѣтствующій нашему мѣсяцу жатвы—сентябрю. Народъ его празднуетъ пирами и танцами.

Моими новыми товарищами были капитанъ Ямамуши (отецъ его принадлежалъ къ свитѣ послѣдняго Шіогуна), морской докторъ Накамура и еще восемь другихъ офицеровъ. Меня со всѣми съ ними познакомили. Начавшійся съ заходомъ солнца вѣтеръ и быстро падавшій барометръ предсказывали приближеніе тайфуна. Капитанъ рѣшилъ укрыться въ ближайшей гавани Шисики, хладнокровно замѣтивъ, что не желаетъ лишній разъ испытывать тайфунъ, достаточно познакомившись съ ними на своемъ вѣку. Мы прибыли въ Шисики, сдѣлавъ переходъ въ 40 миль. Кромѣ насъ въ гавани укрывались отъ непогоды плавучій госпиталь Краснаго Креста и нѣсколько другихъ судовъ. Къ счастью, насъ захватилъ только край цик-

лона. Меня заинтересовалъ живой грузъ крейсера, и я счелъ долгомъ сдѣлать животнымъ визитъ. Птицамъ была дана полная свобода, что конечно лучше и дольше поддерживало ихъ здоровье, чѣмъ постоянное сидѣнье въ клѣткахъ. Тутъ же находились и три мертвеннаго вида тощихъ свиньи, измученныхъ неоднократными обливаніями морской воды. Около полуночи погода прояснилась. Въ 4 часа была вызвана на верхъ команда, и въ 5 часовъ утра, поднявъ якорь, мы двинулись по назначенію, имѣя впереди себя госпитальное судно. На военныхъ судахъ разрѣшается носить „кимоно“ только до восьми часовъ утра и послѣ 8 часовъ вечера. Мой вѣстовой Накаи пришелъ освѣдомиться, когда я желаю принимать ванны— утромъ, или вечеромъ. Въ этомъ отношеніи европейцы отличаются отъ японцевъ, которые всѣ берутъ ванну на ночь. Можно сказать многое въ защиту вечерней ванны: послѣ тяжелаго дневного труда теплая ванна вечеромъ необыкновенно освѣжаетъ и располагаетъ ко сну. Всѣ офицеры, взявъ ванну, надѣваютъ „кимоно“ и приходятъ въ каютъ-компанію кончать вечеръ въ этомъ удобномъ костюмѣ. Я предполагалъ брать ванну утромъ, подобно большинству англичанъ. На нѣкоторыхъ военныхъ судахъ ванны устроены на европейскій манеръ, но чаще встрѣчаются японскія—въ видѣ широкаго четыреугольнаго чана, настолько глубокаго, чтобы вода доходила до подбородка сидящему въ немъ человѣку. Прежде, чѣмъ войти въ ванну, японцы намыливаютъ тѣло особымъ полотенцемъ, украшеннымъ рисунками. Натеревъ имъ спину хозяина, слуга во время мытья нѣсколько разъ полощетъ и выжимаетъ это полотенце, употребляя потомъ его-же для обсушиванія тѣла. Японцы только погружаются въ

ванну, даже не вполнѣ смывая съ себя мыло. Каковы бы ни были невыгодныя стороны японской ванны, нельзя отрицать ея благотворнаго вліянія на кожу, которая пріобрѣтаетъ особую свѣжесть и мягкость. Распредѣленіе обѣденныхъ часовъ въ японскомъ флотѣ отличается отъ нашего. Завтракъ офицерамъ подается между 7 ч. 30 м. и 9 ч. 30 м. утра; обѣдъ въ полдень; офицеры, вступающіе на вахту, обѣдаютъ получасомъ раньше. Ужинъ—въ 5 ч. 30 м. Начиная съ 8 часовъ, въ теченіе всего вечера, желающимъ подается чай и папиросы, иногда саке, который пьютъ горячимъ. Слѣдуетъ однако особенно отмѣтить тотъ фактъ, что на театрѣ войны саке подавался лишь въ исключительныхъ случаяхъ и его употребляли въ самомъ незначительномъ количествѣ. Чай у японцевъ совершенно не похожъ на нашъ; онъ зеленый и заваривается водой, лишь доведенной до точки кипѣнія *). Съ теченіемъ времени къ нему можно такъ привыкнуть и даже пристраститься, что положительно трудно безъ него обходиться. То же самое можно сказать и о японской пищѣ. Для меня она имѣетъ еще ту особую добавочную прелесть, что, только благодаря ей, я излечился отъ хроническаго катарра желудка. Вообще нужно замѣтить, что желудочныя заболѣванія почти неизвѣстны въ Японіи.

Обѣдъ на крейсерѣ часто сервировался на европейскій манеръ; столъ, накрытый согласно требованіямъ японскихъ обычаевъ, представляетъ для европейскаго глаза не совсѣмъ обычное зрѣлище. Японцы не употребляютъ ножей и вилокъ. Послѣ того, какъ

---

*) Англичане *варятъ* чай, какъ супъ. *Ред.*

обѣдающіе займутъ свои мѣста, передъ каждымъ ставится по длинѣ стола маленькій ящикъ съ парой палочекъ слоновой кости, или лакированныхъ, или же просто деревянныхъ. Затѣмъ приносятъ небольшія фарфоровыя, или лакированныя чашечки съ бобовой похлебкой, — главнымъ и основнымъ кушаньемъ всякаго японскаго обѣда. Иногда она варится съ рыбой, иногда съ цыплятами; очень часто въ нее кладутъ нѣсколько ломтиковъ „дайконъ“,— овощей, очень похожихъ на нашу крупную редиску. Пахнетъ эта похлебка очень нехорошо, но вкусъ очень недуренъ. Бобы содержатъ въ себѣ такъ много питательныхъ веществъ, что этой похлебки вполнѣ достаточно для поддержанія силъ человѣка въ теченіе цѣлаго дня. Роль хлѣба играетъ рисъ. Японцы ѣдятъ его съ подающейся послѣ супа сухой или свѣжей рыбой, и съ печеными яйцами, подающимися на отдѣльномъ маленькомъ блюдечкѣ. Затѣмъ въ меню обѣда входятъ пикули и засахаренные бобы. Сначала европеецъ ломаетъ себѣ голову—какъ ѣсть супъ безъ ложки, но вскорѣ ему становится яснымъ, что вѣдь самый простой и удобный способъ пить супъ прямо изъ чашечки, придерживая палочками мясо и зелень. На буфетъ ставится большое деревянное ведро съ рисомъ, изъ котораго деревянной же ложкой его раскладываютъ по маленькимъ чашечкамъ. Держа ее въ одной рукѣ, легко выбирать лакомые кусочки изъ нѣсколькихъ стоящихъ на столѣ блюдечекъ съ кушаньемъ, заѣдая каждый глотокъ рисомъ. Обыкновенный японскій напитокъ—чай „Ниппонъ-ча“, наливается въ чашечки такой же формы, какъ и для саке, только немного большого размѣра. За завтракомъ каждый съѣдаетъ обыкновенно три или четыре

чашечки рису, часто разбавляя послѣднюю порцію чаемъ до густоты хорошихъ сливокъ; смѣсь эта имѣетъ очень тонкій и нѣжный вкусъ. Въ концѣ обѣда вѣстовые наливаютъ въ рисовую чашечку немного чаю для того, чтобы обмыть палочки прежде чѣмъ спрятать ихъ обратно въ деревянный ящикъ. Распредѣленіе времени на японскомъ крейсерѣ также отличается отъ росписанія, принятаго въ англійскомъ флотѣ. Вотъ таблица ежедневныхъ матросскихъ обязанностей:

7 ч. утра. Люди встаютъ.

7 ч. 40 м. Завтракъ.

8 ч. — м. Медицинскій осмотръ.

8 ч. 15 м. Мытье палубы, (если нѣтъ мороза). Чистка орудій и ружей.

9 ч. 45 м. Свободное время. Разрѣшается курить 15 минутъ.

10 ч. — м. Разводка вахтенныхъ людей по обязанностямъ. Распредѣленіе на разныя работы.

11 ч. 30 м. Метеніе и уборка палубы.

По окончаніи—свободное время.

11 ч. 45 м. Раздача обѣда.

Полдень—обѣдъ.

1 ч. 15 м. Новая вахтенная смѣна разводится по обязанностямъ.

2 ч. 15 м. Свободное время.

2 ч. 30 м. Продолженіе прерванныхъ работъ.

3 ч. 30 м. Метеніе палубы.

3 ч. 45 м. Раздача ужина.

4 ч. — м. Ужинъ.

4 ч. 45 м. Боевая тревога.

5 ч. — м. Свободное время.

5 ч. 15 м. Фронтовое ученье для матросовъ; упражненія для механиковъ.

5 ч. 40 м. Метеніе палубы.

Закатъ солнца. Тушатся всѣ огни. Приготовленія къ отраженію могущихъ быть минныхъ атакъ: всѣ орудія наготовѣ, зарядные ящики стоятъ около орудій; провѣряются ночные прицѣлы. Орудійная прислуга вся на своихъ мѣстахъ у пушекъ и зорко слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ на морѣ; на каждую пушку назначается одинъ дежурный. (Эти мѣры составляютъ безспорно наиважнѣйшую часть всей морской организаціи и адмиралъ Того строжайше требовалъ ихъ неукоснительнаго соблюденія отъ всѣхъ судовыхъ командировъ).

7 ч. — м. Обходъ судна.

7 ч. 30 м. Раздача коекъ. Разводка часовыхъ по частямъ крейсера.

Остальную часть вечера матросы проводятъ по своему желанію: пьютъ чай, курятъ папиросы и маленькія серебряныя или мѣдныя трубки „Чези“, куда входитъ табаку всего на двѣ или на три затяжки. Матросы любятъ сидѣть на корточкахъ вокругъ „фитиля“,—т. е. ведерка съ тлѣющимъ фитилемъ для закуриванія папиросъ,—нѣчто вродѣ нашего стариннаго фитильнаго пальника. Нѣкоторые изъ нихъ играютъ въ карты, другіе въ шахматы, или въ старинную игру „го-бангъ“. Большинство посвящаетъ ежедневно часъ или два на изученіе иностранныхъ языковъ, или на изученіе деталей своей спеціальности.

Если же совсѣмъ нечего дѣлать, матросы принимаются за плетенье и вязанье. Праздность и лѣность японцамъ неизвѣстны; людямъ всегда весело и они постоянно въ хорошемъ расположеніи духа. Наказаній

во флотѣ не существуетъ, да въ нихъ не является никакой надобности,—каждый матросъ проникнутъ сознаніемъ, что и его небольшой личный трудъ совершенно также важенъ и необходимъ для Японіи, какъ и личность самого адмирала Того. Всѣ поголовно воодушевлены однимъ глубокимъ пламеннымъ чувствомъ „Бушидо“, означающемъ въ буквальномъ смыслѣ „долгъ и любовь къ отечеству“.

На большихъ судахъ готовится европейскій и японскій столъ. Вся пища тщательнѣйшимъ образомъ осматривается дважды, до и *послѣ* приготовленія.

Матросская пища, взятая изъ перваго попавшагося котла, ежедневно приносится квартирмейстеромъ для пробы и осмотра доктору и ревизору *). Та же система примѣняется къ пищѣ, подаваемой въ каютъ-компаніи. Этотъ превосходный способъ, обезпечивающій всѣмъ находящимся на кораблѣ полученіе вполнѣ здоровыхъ и свѣжихъ припасовъ, введенъ повсемѣстно и въ арміи.

Не менѣе заботливо относятся японцы и къ здоровью матросовъ; при малѣйшемъ недомоганіи докторъ внимательнѣйшимъ образомъ осматриваетъ больного. Каждый солдатъ и каждый матросъ подвергается обязательному взвѣшиванію по крайней мѣрѣ разъ въ годъ.

Если вѣсъ оказывается выше или ниже нормальнаго, сообразно съ его ростомъ и лѣтами, назначается особая медицинская комиссія для изслѣдованія причинъ. Словомъ, вся система у японцевъ основана на наукѣ, разумно прилагаемой къ жизни, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ.

---

*) Завѣдуетъ на кораблѣ хозяйствомъ и денежной частью. *Ред.*

ГЛАВА V.

Сраженіе адмирала Камимура съ владивостокскими крейсерами. Потопленіе „Рюрика“. Сабля „самурая“. Снова „извѣстное убѣжище“. Смерть боцмана. Прибытіе въ Таліенванскую бухту. Адмиралъ Муйра. Дальній. Погоня за „Новикомъ“ и его гибель.

Проходя Корейскимъ проливомъ, мы оставили островъ Цусиму съ лѣвой стороны далеко за кормой. Впереди въ голубой дымкѣ вырисовывалось на корейскомъ берегу Мозампо. Пройдя мимо мѣста, вскорѣ прославившагося знаменитой побѣдой адмирала Того, мы шли въ теченіи двухъ дней на сѣверъ.

15 Іюля *) утромъ мы услышали громъ орудій и увидѣли прямо передъ собой дымъ. Оказалось потомъ, что это было сраженіе между эскадрой адмирала Камимуры, (въ составъ которой входили почти исключительно суда построенныя въ Эльсвикѣ) и русскими владивостокскими крейсерами. Спустя нѣсколько времени мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ участниковъ боя, сообщившимъ мнѣ точныя свѣдѣнія о всемъ происшедшемъ. Привожу его собственныя слова.

„Въ 5 ч. 3 м. утра мы усмотрѣли передъ собой три русскихъ крейсера, шедшихъ на SW 53°“.

*) Авторъ очевидно путаетъ числа. Это сраженіе происходило, по новому стилю, 14-го Августа. *Ред.*

„Въ этотъ моментъ русскіе не имѣли ни малѣйшаго представленія о нашей близости, но въ 5 ч. 11 м. они внезапно увидѣли насъ и тотчасъ измѣнили свой курсъ на востокъ. Мы открыли огонь около 5 ч. 20 м. изъ 8-дюймовыхъ носовыхъ орудій, оказавшійся довольно дѣйствительнымъ. Дальномѣръ показалъ дистанцію въ 10.000 метровъ. Русскіе стали намъ отвѣчать; возгорѣлась сильная канонада съ обѣихъ сторонъ. Черезъ 40 минутъ послѣ начала боя намъ показалось, что „Рюрикъ“ началъ терпѣть бѣдствіе. Непріятельскія суда тогда раздѣлились: „Громобой“ и „Россія“ замедлили ходъ, давая возможность „Рюрику“ подойти ближе, но онъ очевидно былъ поврежденъ слишкомъ сильно. Сраженіе продолжалось съ прежнимъ ожесточеніемъ и черезъ нѣсколько минутъ на двухъ русскихъ судахъ вспыхнулъ пожаръ. Тогда мы сосредоточили весь свой огонь на Рюрикѣ, который едва двигался и очень далеко отсталъ отъ товарищей. Обстрѣливаніе его было столь успѣшно, что крейсеръ вскорѣ загорѣлся, и кромѣ того у него былъ поврежденъ руль. Но „Рюрикъ“ продолжалъ отстрѣливаться, хотя и находился въ безпомощномъ положеніи. „Россія“ и „Громобой“ вернулись къ нему, желая оказать помощь. Они обмѣнялись сигналами, которыхъ, конечно, мы не могли понять, но было ясно, что „Рюрикъ“ просилъ помощи. Мы вполнѣ сочувствовали русскимъ судамъ, которымъ приходилось покинуть на нашъ произволъ бѣднаго безпомощнаго товарища, а самимъ идти къ сѣверу во Владивостокъ. Нашъ крейсеръ погнался за ними. Черезъ нѣсколько времени мы увидѣли, что на „Россіи“ пожаръ; прошло около 15 минутъ, пока его потушили: изъ пор-

товъ вырывались длинные пламенные языки; весь корабль казался демономъ, летящимъ на огненныхъ крыльяхъ. Эффектъ былъ поразительный. Мы продолжали преслѣдованіе около 20 минутъ, затѣмъ вернулись къ мѣсту, гдѣ оставили „Рюрика“. Это было въ 11 ч. утра. Но мы уже ничего не увидѣли, кромѣ нѣсколькихъ ящиковъ и обломковъ, плававшихъ на поверхности моря въ густомъ дыму, разстилавшемся по водѣ подобно бѣлому савану“.

Суда нашей эскадры, не принимавшія участія въ преслѣдованіи, спасли несчастную команду крейсера. Плѣнныхъ размѣстили по разнымъ кораблямъ; мы получили 80 человѣкъ. Снявъ съ себя мокрое платье, они облачились въ сухую одежду—морскую форму своихъ враговъ. Въ числѣ нашихъ плѣнныхъ находились три офицера, одинъ кондукторъ и священникъ. Когда ихъ подбирали, офицеровъ сразу помѣщали на офицерскія мѣста въ шлюпкахъ, а матросовъ съ командой. Повидимому, они были очень слабы; одинъ изъ офицеровъ—штурманъ былъ легко раненъ въ лѣвую руку. Нашъ докторъ немедленно предложилъ свои услуги, которыя были приняты съ признательностью. Часовой на трапѣ отдалъ честь и русскіе офицеры ему отвѣтили. Японцы помогали плѣннымъ входить по трапу... Было смѣшно смотрѣть на нашихъ маленькихъ матросиковъ, рядомъ съ которыми русскіе казались настоящими великанами. Въ числѣ плѣнныхъ было около 10 раненыхъ; одинъ изъ нихъ поцѣловалъ помогавшаго ему матроса, чѣмъ немало смутилъ и удивилъ послѣдняго. Русскимъ подали все, чего они просили: принесли папиросы и вѣера; виски и содовая вода были отпущены изъ лазаретныхъ запасовъ. Всѣ они, исключая ра-

Гибель „Рюрика".

неныхъ, были собраны на шканцахъ, а затѣмъ ихъ помѣстили въ жилой палубѣ; офицерамъ отвели лазаретное помѣщеніе.

На ночь мы встали на якорь у острова Цусимы, а утромъ пошли въ Сасебо. Прибыли туда въ 4 ч. пополудни. Я попытался заговорить съ русскимъ инженеръ-механикомъ, спросивъ, какъ онъ себя чувствуетъ. „Мы всѣ вполнѣ вамъ сочувствуемъ“, прибавилъ я, „вы храбрецы, мы удивляемся вашему мужеству“.

Онъ сдержанно отвѣтилъ: „Благодарю васъ, я совершенно здоровъ“.

Вообще, хотя русскіе были очень спокойны и деликатны, но держали они себя съ большимъ достоинствомъ, даже съ оттѣнкомъ нѣкоторой надменности.

Мы не долго оставались у Цусимы, и скоро получили приказаніе идти въ Манджурію.

Проходя мимо Порта-Гамильтонъ, я сдѣлалъ нѣсколько моментальныхъ снимковъ съ команды во время ихъ обѣда. На очень опрятныхъ блюдечкахъ были разложены кушанья: двѣ маленькихъ рыбы, пикули, особыя овощи „окра“, считающіяся чрезвычайно питательными и здоровыми. Рису дается каждому неограниченное количество. Мой обѣдъ состоялъ изъ слѣдующихъ блюдъ: супа, рыбы „тай“, свиныхъ котлетъ, лука, риса, пары селедокъ и вмѣсто салата—два корня имбиря, запиваемаго японскимъ чаемъ. Я очень сошелся съ моими японскими друзьями, хотя разговаривалъ съ ними черезъ переводчика, и старался по мѣрѣ силъ отплатить за гостепріимство въ каютъ-компаніи, угощая ихъ сигарами и шампанскимъ. Прогуливаясь по кораблю, я заходилъ во всѣ помѣщенія: матросскія общія столовыя

въ жилой палубѣ ничѣмъ почти не отличаются отъ помѣщенія матросовъ на англійскихъ военныхъ корабляхъ. Въ каютахъ кондукторовъ висѣли ярко раскрашенныя картины, стояло нѣсколько растеній, за которыми они заботливо ухаживали. Многіе матросы взяли съ собой любимыхъ сверчковъ, которые неумолчно рѣзко трещали, сидя въ крошечныхъ бамбуковыхъ клѣткахъ. Имъ прекрасно жилось въ неволѣ: хозяева кормили ихъ тыквой или арбузомъ, а для освѣженія изрѣдка вспрыскивали холодной водой, набравъ ее въ ротъ.

Въ полночь мы отдали якорь у группы острововъ Корейскаго архипелага, называемой Міангкоанъ. Она лежитъ подъ $34^0\ 12'$ сѣверной широты и $125^0\ 56^1/_2'$ восточной долготы. Безпроволочный телеграфъ, этотъ волшебный посолъ, принесъ намъ таинственное извѣстіе о нахожденіи гдѣ-то въ Китайскомъ морѣ русской канонерской лодки. Имѣя на борту цѣнный грузъ, нашъ капитанъ предпочелъ укрыться на ночь въ совершенно пустынной бухтѣ, лишенной всякой растительности, но защищенной песчаными мелями и островками. Луна, стоявшая высоко, отражала свой фосфористый блескъ въ морѣ; отдаленные островки неясно виднѣлись въ движущихся клубахъ бѣлаго тумана. Ночь, мѣстность, вся обстановка невольно воскрешали въ памяти разсказы о китайскихъ морскихъ разбойникахъ... Пиратство вѣдь еще до настоящаго времени процвѣтаетъ въ этихъ водахъ. Кто знаетъ, какіе склады награбленныхъ сокровищъ могли таиться зарытыми на разбросанныхъ кругомъ насъ песчаныхъ островкахъ и пустынныхъ отмеляхъ!..

Въ шесть часовъ утра грохотъ цѣпи возвѣстилъ

о поднятіи якоря. Мы двинулись, но скоро опять остановились. Туманъ, окутавшій крейсеръ со всѣхъ

Портретъ артиллерійскаго кондуктора съ его подписью по англійски и по японски.

сторонъ, дѣлалъ дальнѣйшее плаваніе въ этой мѣстности очень рискованнымъ. На крейсерѣ приходилось просыпаться въ 6 часовъ утра: въ это время пѣтухи начинали свой утренній концертъ... Въ по-

мощь имъ неслась со всѣхъ сторонъ оглушающая рѣзкая трескотня сверчковъ: дальнѣйшій сонъ становился немыслимъ. Туманъ постепенно разсѣевался по мѣрѣ восхожденія солнца, только на болѣе высокихъ мѣстахъ еще виднѣлись отдѣльныя облака. Около десяти часовъ утра небо совсѣмъ прояснилось и ярко засвѣтило солнце. Мы шли хорошимъ ходомъ въ сопровожденіи трехъ транспортовъ, тоже задержанныхъ туманомъ. Предполагалось добраться до Дальняго черезъ 48 часовъ.

Осматривая крейсеръ, я замѣтилъ, что кромѣ шлюпокъ мы везли съ собой два большихъ плоскодонныхъ сампана съ заостреннымъ носомъ; ихъ приводятъ въ движеніе боковыми веслами, причемъ гребутъ стоя. Этотъ типъ лодокъ удивительно приспособленъ для успѣшной высадки войскъ. Имѣя очень неглубокую осадку, онѣ подходятъ почти вплотную къ берегу; люди высаживаются, почти не замочивъ ногъ. Кромѣ того, ихъ размѣры позволяютъ перевозить сразу большое количество людей; всѣ садятся на корточки на дно сампана, чтобы не мѣшать движенію веселъ. На всѣхъ японскихъ корабляхъ имѣются подобныя лодки; это и есть ключъ къ разгадкѣ секрета той поразительной быстроты, съ которой японцы производили высадку своихъ войскъ на сушу.

Вдобавокъ къ запасамъ для эскадры адмирала Того у насъ на борту находилось много матросовъ и кондукторовъ для пополненія судовыхъ командъ. Японскій кондукторъ—это интеллигентный, хорошо воспитанный человѣкъ, на котораго можно вполнѣ положиться. Всѣ, съ которыми мнѣ ни приходилось встрѣчаться, могли писать по англійски; большинство

могло говорить. Многіе изъ нихъ принадлежали къ стариннымъ родамъ самураевъ и везли съ собой свои

Старшій машинный кондукторъ.

драгоцѣнныя сабли,—реликвіи глубокой древности. Онѣ переходятъ изъ рода въ родъ и высоко цѣнятся

владѣльцами, которые обращаются съ ними съ величайшимъ почтеніемъ, заботливо завертывая ихъ въ чехолъ желтаго шелка, и часто вынимаютъ ихъ для тщательнаго осмотра. Клинокъ такъ отточенъ, что требуетъ самаго осторожнаго обращенія: удобнѣе всего положить саблю тупой стороной крестообразно на ножны, держа ихъ въ одной рукѣ; онѣ являются тогда вродѣ подставки. Осторожно повертывая саблю, при хорошемъ освѣщеніи можно легко разсмотрѣть всѣ мѣтки закала клинка. Обыкновенно онъ бываетъ прикрѣпленъ къ эфесу легко вынимающимися гвоздями изъ китовой кости. Имя мастера часто пишется на рукояткѣ золотыми буквами. Въ старину существовалъ обычай, когда юношѣ исполнялось 15 лѣтъ, вручать ему съ торжественными церемоніями саблю, и съ этого момента онъ уже считался мужчиной. Рукоятка дѣлается изъ лучшаго матеріала, но всѣ эти украшенія ничто по сравненію съ красотою клинка. Его сталь дивнаго голубоватаго оттѣнка, какъ бы сотканная изъ шелковыхъ нитей, лезвее отточено такъ удивительно, что имъ можно перерубить газовую матерію, а изгибъ клинка, автоматически углубляющій рану, дѣлаетъ японскій мечъ самымъ грознымъ холоднымъ оружіемъ до настоящаго времени.

Мѣсто назначенія нашего крейсера—была „извѣстная база“ адмирала Того. Я съ радостью привѣтствовалъ это извѣстіе, надѣясь, что наконецъ мнѣ удастся присутствовать при какой-нибудь битвѣ. Флотъ адмирала Того по прежнему стоялъ въ полной боевой готовности. Казалось, что не далѣе какъ вчера я былъ здѣсь у острововъ Блондъ на своемъ старомъ другѣ „Маншу-Мару“. Всѣ мелочи моего

перваго посѣщенія глубоко запечатлѣлись въ моей памяти, я не забылъ ни одной мельчайшей подробности и эта величественная картина навсегда останется однимъ изъ самыхъ яркихъ впечатлѣній моей скитальческой жизни, столь богатой разными воспоминаніями.

Теперь мы вошли въ бухту черезъ южный фарватеръ, огражденный бонами и минами. Немедленно по отдачѣ якоря ревизоръ и докторъ отправились на брандвахтенное судно „Тайчу-Мару“ донести о прибытіи и получить инструкціи. Это тоже очень важная особенность японской морской организаціи. Всѣ суда, шедшія на театръ войны, обязательно заходили на всѣ сигнальныя станціи, расположенныя по ихъ пути. и испрашивали дальнѣйшихъ распоряженій. Нужно признать, что, конечно, благодаря этому, быстрота движенія нѣсколько замедлялась, но внутренняя цѣнность этой системы очевидна: главнокомандующій и морское министерство находятся въ постоянномъ соприкосновеніи со всѣми судами своего флота во все время ихъ плаванія. Кромѣ того, этимъ предотвращалась опасность появленія непріятельскихъ пароходовъ въ сферѣ военныхъ дѣйствій.

На другой день послѣ нашего прибытія Портъ-Артуръ обстрѣливали тяжелыми орудіями съ моря и съ суши; до насъ хорошо доносился глухой гулъ канонады.

Въ бухту пришелъ крейсеръ „Идзуми“, строившійся въ Эльсвикѣ, первоначально заказанный чилійскимъ правительствомъ, но купленный Японіей. Отдавъ якорь, онъ тотчасъ спустилъ шлюпки и вся команда дѣятельно принялась за очистку подводной части. Эта постоянная заботливость предупредить

обростаніе корабля тоже является однимъ изъ важныхъ правилъ японской морской организаціи.

Большинство кондукторовъ, прибывшихъ на крейсерѣ, перешли на брандвахту въ ожиданіи отправки по мѣстамъ назначенія.

Вернувшійся ревизоръ обрадовалъ насъ пріятной новостью, что завтра въ полдень мы идемъ въ Дальній.

На рейдъ вошелъ транспортъ, привезшій почту. Обходя всѣ суда, онъ дѣлалъ рожкомъ сигналъ тому кораблю, для котораго имѣлись письма. Немедленно спускалась шлюпка, забиравшая почту, а транспортъ продолжалъ свой обходъ. Вставъ въ 4 часа утра на слѣдующій день, я любовался восходомъ солнца надъ огромной скалой, о которой уже говорилъ. Въ утреннихъ лучахъ она походила на притаившуюся гигантскую допотопную ящерицу, пристально смотрѣвшую на Портъ-Артуръ. Бухта немного опустѣла: госпитальное судно и два или три транспорта ночью ушли дальше. Вѣтеръ перемѣнилъ направленіе и сильно дулъ съ юга. Капитанъ сказалъ мнѣ, что слѣдуетъ ожидать „неблагопріятной“ погоды.

Выборомъ своей базы адмиралъ Того оказалъ важную услугу мѣстнымъ рыбакамъ; сотни джонокъ занялись поставкой свѣжей рыбы для его флота. До прибытія эскадры они причиняли не мало хлопотъ китайскому правительству, занимаясь кромѣ ловли рыбы еще и пиратскимъ промысломъ. Для поддержанія порядка китайцы отправили отрядъ хусанскихъ солдатъ, которые сами немногимъ лучше бандитовъ. Между обѣими сторонами быстро состоялось дружественное соглашеніе, результатомъ котораго были постоянные разбойничьи набѣги на прибрежныя се-

ленія и бѣдные жители облегченно вздохнули, когда на сценѣ появился адмиралъ Того. Во время нашего перехода въ Дальній на крейсерѣ произошелъ трагическій случай. Западный вѣтеръ развелъ сильную волну и, по выходѣ съ рейда, мы подверглись жестокой качкѣ. Море захлестывало черезъ шкафуты. Командѣ было приказано выбросить за бортъ пустые ящики. На матросахъ не было сухой нитки, но они весело смѣялись и шутили между собой. Вдругъ ящикъ со льдомъ, вѣсомъ въ три или четыре тонны, неожиданно сорвался съ найтововъ и, покатившись къ гротмачтѣ, придавилъ ногу боцмана между мачтой и желѣзными битенгами, превративъ ее въ безформенную массу. Матросы бережно отнесли бѣднягу въ каютъ-компанію и положили его тамъ на полъ. Докторъ немедленно наложилъ перевязку на раздробленную ногу, хотя по сосредоточенному выраженію его лица можно было догадаться о вполнѣ безнадежномъ состояніи боцмана. Два товарища поддерживали голову раненаго, одинъ обмахивалъ его вѣеромъ, четвертый держалъ стаканъ холодной воды. Для предохраненія его отъ толчковъ при размахахъ корабля съ обѣихъ сторонъ на колѣняхъ стояло по четыре матроса. Онъ все время жаловался на холодъ, хотя жара въ каютѣ была удушающая, и его продолжали прикрывать одѣялами. Невольно хотѣлось вслушаться въ его невнятный предсмертный шопотъ. Улетѣли ли его мысли къ далекому отечеству, къ маленькому ребенку и женѣ, или ему еще продолжали представляться такъ трагически прерванныя обязанности службы?.. Только одинъ разъ онъ вполнѣ ясно произнесъ слова, наполнившія отчаяніемъ сердца окружавщихъ товарищей:

„Мнѣ такъ невыносимо холодно“. Хотя онъ былъ закрытъ цѣлой грудой одѣялъ, матросы прибавили еще нѣсколько штукъ, чтобы доставить ему хоть минуту облегченія. Докторъ давно потерялъ всякую надежду; въ послѣдній разъ выслушали его сердце; ноги и руки были мертвенно холодны, хотя мозгъ еще работалъ. Смерть его была легкая; онъ мирно погрузился въ вѣчность. Въ ту минуту, когда боцманъ вздохнулъ въ послѣдній разъ, яркій лучъ солнца прорѣзалъ темный покровъ облаковъ. Кто осмѣлится утверждать, что у великаго Творца всей вселенной не найдется мѣста для этой бѣдной языческой души?

Тѣло умершаго поставили въ каютѣ рядомъ съ моей. Быстро воздвигнувъ небольшой алтарь, его покрыли снѣжно-бѣлой скатертью, поставили рисовыя лепешки и двѣ зажженныхъ свѣчи по краямъ. Передъ алтаремъ курились благовонія. Съ наступленіемъ ночи тѣло положили въ гробъ, обративъ его головой къ алтарю. Товарищи умершаго всю ночь бодрствовали у гроба, наблюдая за тѣмъ, чтобы куренье предъ алтаремъ не погасло. Къ утру весь корабль былъ полонъ его ароматомъ. Спать въ эту ночь было почти невозможно: завинченныя глухія ставни иллюминаторовъ не допускали въ каюту притокъ свѣжаго воздуха, а ѣдкій запахъ куренья проникалъ во всѣ щели. Наконецъ, несмотря на удушливую атмосферу, мнѣ удалось забыться тревожнымъ сномъ, полнымъ кошмарныхъ видѣній. Внезапно разбуженный огромной крысой, карабкавшейся мнѣ на грудь, я увидѣлъ свою каюту, плавающую въ облакахъ густого дыма.

Утромъ состоялось погребеніе: гробъ съ останками былъ помѣщенъ на сампанъ, гдѣ находился священ-

никъ и его товарищи. На берегу были совершены послѣднія прощальныя церемоніи: товарищи покойнаго всѣ продефилировали по очереди передъ тѣломъ, отдавая ему послѣднюю честь. Въ ожиданіи совершенія надъ нимъ обряда сожженія, простой гробъ съ тѣломъ умершаго былъ поставленъ на скалу въ уединенной бухточкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ глухо рокочущаго океана. Одинъ изъ офицеровъ замѣтилъ мнѣ: „Боцманъ счастливъ, скончавшись такимъ образомъ. Каждый долженъ мечтать о смерти при исполненіи своего долга".

Прямо на западъ въ разстояніи семи миль возвышался Квантунгъ-Шанъ. Вмѣстѣ съ небольшимъ островкомъ Санъ-Шамъ и отмелями, покрытыми минными загражденіями, онъ защищалъ входъ въ Таліенванскую бухту. Если-бы на немъ были установлены тяжелыя орудія, онъ былъ-бы въ состояніи охранять одновременно и Дальній и Портъ-Артуръ. Намъ разсказали, что въ бывшемъ третьяго дня ожесточенномъ сраженіи, японцамъ все-таки удалось овладѣть двумя важными позиціями. Около трехъ часовъ пополудни, пройдя мимо дежурнаго судна, мы обмѣнялись сигналами съ госпиталемъ Краснаго Креста „Коте-Мару", шедшимъ по неизвѣстному назначенію. Глубина бухты быстро убывала по мѣрѣ приближенія къ сигнальной горѣ Тай-о-шо. Это наивысшая точка. Мѣстность затѣмъ начинаетъ постепенно понижаться, обрываясь у моря невысокими утесами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берегъ изрѣзанъ мелкими песчаными бухточками. Въ маленькомъ заливѣ находятъ пристанище многочисленныя торговыя джонки; мѣстность кругомъ него обрабатывается окрестными китайцами самымъ первобытнымъ способомъ. При входѣ въ заливъ открывается

прекрасный видъ на берегъ, описывающій огромную кривую; надъ всѣмъ пейзажемъ господствуютъ высокія горы „Дай-о-ношанъ“, что значитъ въ переводѣ „великій монахъ“, или „епископъ“. Высота ихъ 2200 ф., но онѣ кажутся значительно выше, благодаря своему уединенному положенію. Крутые хребты чередуются другъ съ другомъ вплоть до зубчатой вершины, напоминающей Альпы. Въ маленькой гавани Одинкове (Тайко-ко) стояло сторожевое судно, на команду котораго была возложена тяжелая обязанность—обслуживать Сигнальную гору. Заливъ дѣлаетъ изгибъ по направленію къ Дальнему, расположенному почти совершенно напротивъ. Фарватеръ хорошо обставленъ, но въ виду разбросанныхъ мѣстами минныхъ заграждений, по нему можно было двигаться лишь крайне осторожно съ помощью спеціальныхъ картъ и створовъ. Естественная оборона мѣстности сильна сама по себѣ, но китайцы еще ее усилили, выстроивъ нѣсколько фортовъ. Этого было бы вполнѣ достаточно для отраженія цѣлой эскадры, но добавивъ минныя заграждения и боны, крѣпость становилась фактически неприступной. Мы отдали якорь мили за три отъ города, гдѣ стояло много судовъ третьей эскадры подъ начальствомъ адмирала Хосойя. Къ намъ подошелъ паровой катеръ съ флагманскаго судна и я воспользовался случаемъ: прыгнулъ въ катеръ и отправился къ адмиралу, чтобы представить ему рекомендательныя письма.

Повидимому, мой поступокъ явился важнымъ нарушеніемъ морского этикета; адмиралъ поручилъ своему секретарю передать мнѣ, что меня долженъ ему оффиціально представить адмиралъ—командиръ порта. По возвращеніи на корабль, капитанъ сооб-

щилъ мнѣ, что я долженъ тотчасъ отправиться въ канцелярію завѣдующаго портомъ въ сопровожденіи доктора. Вмѣстѣ съ нами поѣхали ревизоръ и нѣсколько другихъ офицеровъ, имѣвшихъ особыя служебныя порученія.

Уже стемнѣло, когда мы высадились на берегъ. Намъ пришлось, поминутно ощупывая дорогу, перелѣзать черезъ грубо обтесанные камни, составлявшіе часть стѣнки пристани. Въ потьмахъ мы еле добрались до канцеляріи завѣдующаго портомъ. Меня представили адмиралу Муйра, командиру порта. На его вопросъ, имѣю ли я къ нему рекомендательныя письма, пришлось отвѣтить отрицательно, показавъ для удостовѣренія личности свои документы и объяснивъ цѣль настоящаго моего посѣщенія. Адмиралъ — красивый, молодой энергичный человѣкъ. Онъ завѣдывалъ Портъ-Артурскимъ портомъ во время короткой японской оккупаціи въ 1894 г. и я слышалъ, что правительство намѣревалось послѣ взятія крѣпости вновь возложить на него исполненіе прежнихъ обязанностей. Проведя нѣкоторое время въ очень пріятномъ разговорѣ, мы возвратились на пристань въ сопровожденіи вѣстового, посланнаго адмираломъ насъ проводить. По прибытіи туда, нашего сампана на мѣстѣ не оказалось; пришлось прождать не менѣе часу, пока вѣстовой его розыскивалъ. Кое-какъ мы размѣстились, и наконецъ возвратились на крейсеръ.

Мнѣ очень хотѣлось какъ можно скорѣе представить мои рекомендательныя письма адмиралу Хосойя, но на слѣдующее утро капитанъ надъ портомъ сигнализировалъ намъ: „всѣ пассажиры должны оставаться на крейсерѣ“.

Нечего было дѣлать, и я старался найти утѣшеніе въ моемъ разочарованіи, разсматривая въ подзорную трубу Дальній и его окрестности. На сѣверозападѣ тянулась длинная, плоская возвышенность Нан-Санъ, гдѣ японскіе солдаты одержали первую побѣду на сухомъ пути, но красивое воздѣланное плоскогоріе имѣло подъ яркими лучами утренняго манджурскаго солнца невозмутимо мирный видъ. Въ гавани стояло очень много судовъ: канонерскія лодки, транспорты, крейсеры, вспомогательные крейсеры, госпитальныя суда и все-таки еще оставалось много свободнаго мѣста.

Самый городъ дѣлится на двѣ части: торговый кварталъ рѣзко отличается отъ гавани своими высокими трубами и окутывающими его день и ночь густыми облаками дыма и пыли. Другая часть города очень похожа на обыкновенное лондонское предмѣстье съ длинными рядами домовъ, между которыми тамъ и сямъ виднѣются церкви или другія общественныя зданія.

Китайскій кварталъ расположенъ сзади города и съ рейда его не видно. По направленію къ горамъ тянется общественный паркъ: въ его сосѣдствѣ разбросаны большіе, отдѣльно стоящіе дома. При постройкѣ преимущественно употреблялся красный кирпичъ; многіе дома оштукарены и украшены бѣлыми лѣпными работами. Среди города проходитъ желѣзная дорога, ведущая къ пристани и гавани, перешедшими въ вѣдѣніе военныхъ властей. Эта часть гавани защищена отъ сѣверо-восточныхъ штормовъ брекватеромъ въ милю длиной. Сторожевыя будки на немъ еще были выкрашены косыми черными и бѣлыми полосами,—оффиціальные казенные

русскіе цвѣта. Наконецъ очень живописнымъ фономъ для города являлись горы. Самая высокая вершина носитъ названіе „Маленькій Фуджи“, на основаніи нѣкотораго сходства со знаменитой японской горой того же имени.

На слѣдующій день, послѣ даннаго войскамъ трехдневнаго отдыха для возстановленія силъ, возобновилась бомбардировка Портъ - Артура. Японцы настойчиво продолжали стягивать вокругъ крѣпости желѣзное кольцо. Не подлежало никакому сомнѣнію, что въ скоромъ времени они овладѣютъ городомъ и такимъ образомъ довершатъ величайшій военный подвигъ новѣйшаго времени. Весь день до насъ доносилось глухое рокотаніе орудій.

Къ борту крейсера подошелъ миноносецъ и меньше чѣмъ въ часъ взялъ 25 тоннъ воды; также снабдили мы углемъ нѣсколько мелкихъ судовъ. Въ японскомъ флотѣ снабженіе водой и углемъ вещь весьма простая и несложная и мало чѣмъ отличается отъ англійскаго метода. Ставъ бортъ о бортъ и открывъ люки, уголь уже заранѣе насыпанный въ мѣшки перегружается очень быстро; въ это же самое время накачивается и вода.

Ежедневно прибывавшія подкрѣпленія немедленно отправлялись къ передовымъ линіямъ, что служило доказательствомъ, что взять Портъ-Артуръ — задача далеко не легкая.

Только что подошедшіе отряды, меньше чѣмъ черезъ пять часовъ послѣ высадки въ Дальнемъ, становились уже обстрѣлянными ветеранами въ траншеяхъ Портъ-Артура.

Къ борту подошла канонерка взять угля и воды. Она только что возвратилась изъ Портъ-Артура,

гдѣ занималась постановкой минъ и на ней были видны ясные слѣды тяжелой ея службы. Чистое, нарядное военное судно было совершенно неузнаваемо подъ прикрытіемъ изъ старыхъ канатовъ, подвѣшенныхъ бухтами противъ жизненныхъ частей корабля. Особенно

Истребитель миноносцевъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на защиту мостика отъ осколковъ, посредствомъ канатовъ *).

густымъ слоемъ эта оригинальная „броня“ прикрывала мостикъ, превращая его въ нѣчто подобное боевой рубкѣ.

---

*) Изображенное на фотографіи судно не имѣетъ никакого сходства ни съ истребителемъ миноносцевъ, ни съ канонеркой. Повидимому, это небольшой коммерческій пароходъ, вооруженный нѣсколькими мелкими пушками и приспособленный для постановки минъ загражденія. *Ред.*

Во флотѣ техническое названіе такой защиты—мантелеты, и на практикѣ они оказываются чрезвычайно полезными для задерживанія осколковъ снарядовъ.

Не получая отъ адмирала Того ни слова въ отвѣтъ на посланное ему письмо, я томился въ ожиданіи распоряженій. Время тянулось убійственно долго и монотонно; отъ скуки я занялся уженьемъ крупной рыбы, во множествѣ плававшей кругомъ крейсера. Спортъ этотъ напоминалъ муки Тантала: рыбы часто обнюхивали приманку, даже брали ее въ ротъ, но никогда не клевали.

Во время нашего пребыванія въ Дальнемъ, въ гавани стояла лодка „Акаги“—та самая канонерская лодка, на которой, во время китайской войны, былъ убитъ въ штурманской рубкѣ разорвавшимся снарядомъ капитанъ Сакамото.

На ней производились исправленія незначительныхъ поврежденій, полученныхъ ею въ сраженіи съ русской канонеркой.

Дуэль, происходившая на далекомъ разстояніи, длилась около двухъ часовъ, пока „Акаги“ не удалось попасть въ русское судно, которое тотчасъ повернуло назадъ. Въ гавани находилась еще другая достопримѣчательность—колесный пароходъ съ роскошнымъ помѣщеніемъ, изъ котораго вышла-бы превосходная яхта для адмирала. Онъ стоялъ въ Дальнемъ, когда японцы взяли городъ. Русскіе были такъ твердо убѣждены, что занятіе Дальняго только временное, что потопили его въ гавани на незначительной глубинѣ, предварительно наложивъ внутри и снаружи густой слой краски для предохраненія отъ порчи.

Наконецъ мнѣ улыбнулось счастье—я получилъ разрѣшеніе осмотрѣть адмиралтейство въ Дальнемъ. Передъ оставленіемъ города русскіе сожгли машинныя мастерскія и онѣ находились въ разрушенномъ видѣ, но станція электрическаго освѣщенія была въ полной исправности. Вездѣ кипѣла самая оживленная дѣятельность. Толпы кули очищали развалины отъ мусора, приготовляя мѣсто для будущихъ новыхъ построекъ—временныхъ или постоянныхъ. Въ сухомъ докѣ исправлялось три миноносца.

На берегу мнѣ бросилась въ глаза кучка оживленно разговаривавшихъ китайцевъ. Скоро выяснилась и причина ихъ возбужденнаго состоянія—мимо меня прошелъ нарядъ матросовъ, окружавшихъ арестованнаго китайца. Его поймали на мѣстѣ преступленія, когда онъ пробовалъ испортить водопроводъ и присудили къ разстрѣлу. Приговоръ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе—до меня вскорѣ донесся сухой трескъ ружейнаго залпа.

По возвращеніи на крейсеръ, мнѣ сообщили только что полученныя извѣстія съ передовыхъ линій. Произошло большое сраженіе подъ Лаояномъ.

Передавали, какъ слухъ, что Куропаткинъ серьезно раненъ и что изъ всей русской арміи уцѣлѣло только 12 тысячъ, спасшихся отъ смерти, или отъ плѣна. Новости были хороши до неправдоподобности; мы опасались имъ вѣрить, чтобы не испытать разочарованія и напряженно ожидали правительственнаго сообщенія.

Съ увѣренностью можно сказать, что битва подъ Лаояномъ явилась поворотной точкой всей кампаніи. Дѣйствительно, въ случаѣ побѣды Куропаткина, онъ могъ придти на выручку Портъ-Артура, хотя даже

и при наличности такихъ благопріятныхъ условій, до полученія Куропаткинымъ значительныхъ подкрѣпленій, онъ рѣшительно не могъ перейти въ наступленіе.

Въ день осмотра адмиралтейства вечеромъ на крейсеръ пріѣхалъ командиръ истребителя миноносцевъ „Икадзучи“ (Громъ)—капитанъ Мимура и остался у насъ обѣдать. Онъ только что возвратился съ линіи блокады и утверждалъ, что русскій флотъ неминуемо долженъ въ скоромъ времени выйти и дать сраженіе. Японцы поставили много минъ внѣ русскихъ минныхъ заграждений, и возникалъ интересный вопросъ о борьбѣ минъ съ контръ-минами. Эти японскія мины ставились на глубинѣ приблизительно шести футъ отъ поверхности воды, и могли взрываться не только при ударѣ, но и замыканіемъ электрическихъ проводовъ, соединявшихъ ихъ съ миноносцами. Это дѣлалось для того, чтобы предупредить попытки со стороны русскихъ посылать маленькіе пароходы для вылавливанія поставленныхъ минъ. Капитанъ Мимура разсказывалъ, что за два или за три дня передъ его отъѣздомъ, изъ гавани выходилъ „Севастополь“ для обстрѣла сухопутныхъ позицій. Его атаковали суда эскадры Того и принудили возвратиться въ гавань. На обратномъ пути онъ коснулся мины, сдѣлавшей пробоину въ его лѣвомъ борту, такъ что онъ едва не затонулъ.

Во время нашего разговора съ капитаномъ Мимура на рейдъ вошелъ крейсеръ „Читозе“ и далъ знать сигналами, что русскій крейсеръ „Новикъ“, бѣжавшій изъ Шанхая, погибъ у береговъ Сахалина.

Одинъ изъ офицеровъ крейсера, потопившаго

„Новикъ“, впослѣдствіи передалъ мнѣ слѣдующія подробности погони за „Новикомъ“.

Послѣ полудня 10 августа, по окончаніи большого сраженія подъ Портъ-Артуромъ, „Цесаревичъ“ ушелъ въ Кіао-Чау, разсчитывая воспользоваться германскимъ нейтралитетомъ, а „Новикъ“ прорвался въ Шанхай *). „Читозе“, гнавшійся за русскими истребителями до самаго Чифу, 11-го августа получилъ приказаніе отъ адмирала Того преслѣдовать „Новика“ и, если возможно, взять его въ плѣнъ. Предполагая, что русскій крейсеръ направится во Владивостокъ, и зная, что, въ такомъ случаѣ, ему непремѣнно придется избрать дорогу черезъ Тихій океанъ, „Читозе“ пошелъ кратчайшимъ путемъ—Корейскимъ проливомъ, чтобы перерѣзать „Новику“ дорогу. Изъ Кагошимы по безпроволочному телеграфу ими было получено извѣстіе, что „Новикъ“ прошелъ мимо, держа курсъ на сѣверъ. Не получая дальнѣйшихъ извѣстій, по прибытіи въ Сангарскій проливъ, Читозе пошелъ въ Хакодате. Здѣсь къ нему присоединился крейсеръ III класса „Сума“ и они оба погрузили уголь. Вскорѣ была получена новая безпроволочная депеша адмирала Того, приказывавшая идти по направленію къ Сойа Кайкіо **). Черезъ нѣкоторое время, въ морѣ, они получили второе сообщеніе адмирала: „Новикъ“ прошелъ островъ Этолегъ“. По полученіи этой депеши, имъ стало ясно, что „Новику“ отъ нихъ никакъ не уйти. Крейсируя въ проливѣ, въ 5 часовъ вечера 21-го числа, они получили новое сообщеніе по безпроволочному телеграфу:

*) На самомъ дѣлѣ „Новикъ“ былъ въ Кіао-Чау, гдѣ и взялъ уголь. *Ред.*

**) Лаперузовъ проливъ. *Ред.*

„Новикъ“ грузится углемъ въ Корсаковской бухтѣ“. Этотъ заливъ находится на Сахалинѣ. Идя полнымъ ходомъ, они вскорѣ услышали громъ пушечныхъ выстрѣловъ и подоспѣли къ сраженію „Сумы“ съ Новикомъ, но ко времени ихъ подхода уже смерклось и бой прекратился. Оба судна получили поврежденія, хотя „Сума“, будучи меньшихъ размѣровъ, все-таки пострадалъ меньше „Новика“. Съ наступленіемъ ночи „Новикъ“ пытался прорваться изъ залива, но „Сума“ крейсеровалъ все время передъ выходомъ изъ бухты, блокируя такимъ образомъ „Новика“ и въ то же время исправляя свои повреждения. „Читозе“ вошелъ въ самую бухту. Новикъ былъ тамъ, но была такая непроглядная тьма, что невозможно было разсмотрѣть, гдѣ именно онъ находился. Оба японскихъ судна всю ночь крейсеровали передъ выходомъ изъ бухты. Съ разсвѣтомъ они усмотрѣли, что „Новикъ“ стоитъ у самаго берега. Подойдя на разстояніе 3000 метровъ, японскіе крейсеры открыли по нему огонь, разстрѣливая его, точно мишень. Вскорѣ обнаружилось дѣйствіе попадавшихъ снарядовъ: „Новикъ“ сѣлъ носомъ *) и было очевидно по вырывавшимся клубамъ дыма, что на немъ вспыхнулъ пожаръ. Команда спасалась на шлюпкахъ. Убѣдившись, что „Новикъ“ окончательно выведенъ изъ строя, въ 7 час. утра оба японскіе крейсера ушли въ Сасебо. „Читозе“ остался тамъ, а „Сума“ направился въ Іокосуко для починки поврежденій.

---

*) На самомъ дѣлѣ „Новикъ“ былъ затопленъ самими русскими. *Ред.*

ГЛАВА VI.

Того назначаетъ меня на „Тайнанъ Мару“. Взятіе китайской джонки. Вспомогательный крейсеръ. Рыбная ловля вечеромъ. Поѣздка въ Дальній. Минные водолазы. Причина хорошей артиллерійской стрѣльбы японскихъ моряковъ. Взрывъ мины въ гавани.

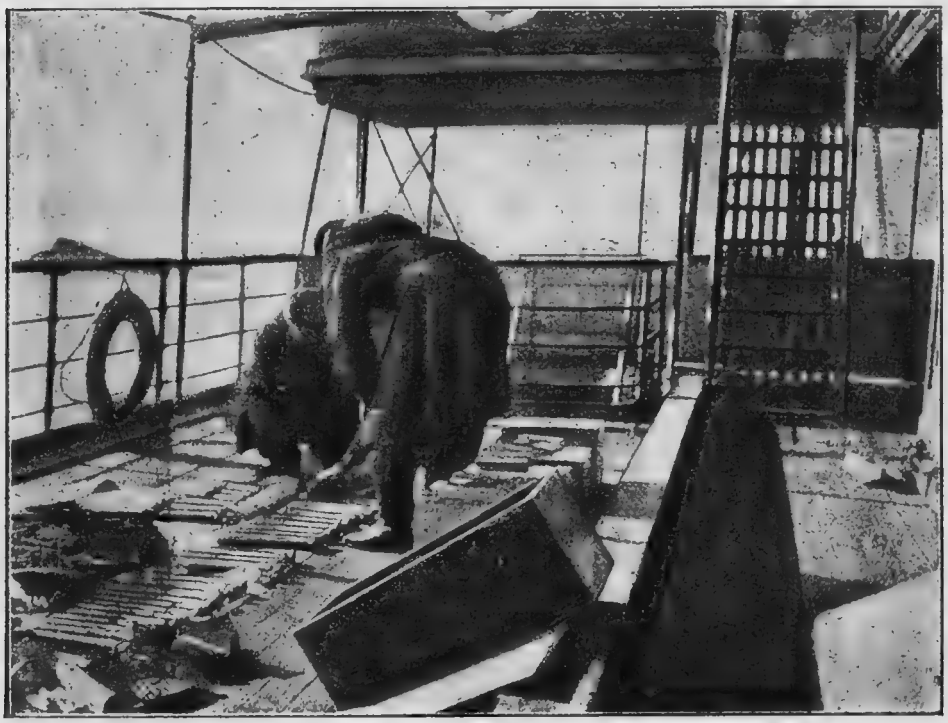
1-го сентября на крейсеръ пріѣхалъ ревизоръ Аихара и сообщилъ мнѣ, что, по распоряженію адмирала Того, я назначенъ на крейсеръ „Тайнанъ-Мару“. На укладку моихъ вещей не потребовалось много времени. Дружески распрощавшись съ капитаномъ и товарищами по каютъ-компаніи, я спустился съ Аихара въ ожидавшій насъ паровой катеръ. На крейсерѣ „Тайнанъ-Мару“ я долженъ былъ войти въ составъ служащихъ, но обязанности мои были очень не сложны.

Мнѣ назначено было мѣсто и по пожарной тревогѣ и при спускѣ шлюпокъ; вообще при всѣхъ тревогахъ я долженъ былъ находиться въ распоряженіи старшаго механика. При входѣ на трапъ часовые отдали мнѣ честь, а вахтенный офицеръ вышелъ на встрѣчу. Столпившіеся впереди матросы смотрѣли на меня съ любопытствомъ и съ улыбкой со мной раскланивались. Вахтенный офицеръ представилъ меня командующему судномъ. Капитанъ Такахаши, подобно всѣмъ встрѣченнымъ мною японцамъ, былъ

человѣкомъ вполнѣ благовоспитаннымъ. Обмѣнявшись нѣсколькими любезностями, онъ самъ проводилъ меня въ каютъ-компанію, гдѣ меня радушно встрѣтили мои новые сотоварищи. Подали чай и папиросы и я скоро совершенно освоился съ новой обстановкой. „Тайнанъ-Мару“—вспомогательный крейсеръ, и каютъ-компанія представляла обыкновенный, просторный салонъ, хорошо освѣщенный и съ массой воздуха. По обѣимъ сторонамъ стояло два длинныхъ стола, за которыми свободно могло размѣститься около сорока человѣкъ. Мы же помѣщались въ ней болѣе чѣмъ комфортабельно, такъ какъ въ нашей каютъ-компаніи было всего 25 человѣкъ. Подъ свѣтлымъ люкомъ, въ центрѣ каютъ-компаніи на четыреугольномъ кускѣ клеенки, былъ устроенъ характерный японскій садикъ: тутъ были карликовыя деревья, кустарники, рисовое растеніе и нѣсколько дикихъ травъ и кустиковъ, взятыхъ съ горъ Нанъ-Санъ. Въ крошечномъ прудѣ жилъ меланхолически настроенный китайскій угорь, вѣчно зарывавшійся въ песокъ. Намъ часто приходилось расшевеливать его кускомъ угля, чтобы узнать, живъ ли онъ еще. Молодой зеленый сверчокъ весело трещалъ въ бамбуковой клѣточкѣ, общипывая нѣжные побѣги пихты, а пара перепелокъ, гнѣздившихся между красивыми цвѣточными горшками, иногда подбѣгала къ столу, чтобы подбирать упавшія крошки и зерна риса.

Хотя я уже успѣлъ пообѣдать, но радушные хозяева настаивали на томъ, чтобы меня угостить. Вскорѣ былъ поданъ прекрасный обѣдъ, состоявшій изъ рыбы, плодовъ и хлѣба, котораго я не пробовалъ уже цѣлые десять дней. За это время я настолько освоился съ употребленіемъ палочекъ, что

ножъ и вилка казались мнѣ тяжелыми и неуклюжими. Послѣ обѣда, по приглашенію капитана и старшихъ офицеровъ, мы перешли на мостикъ, гдѣ наслаждались прекраснымъ закатомъ. Въ отдаленіи неясно виднѣлись свѣтившіе лучи портъ-артурскихъ прожекторовъ.



Осмотръ боевыхъ припасовъ на крейсерѣ.

Насколько это было совмѣстимо съ его служебнымъ долгомъ, капитанъ ежедневно дѣлился со мной итогомъ полученныхъ свѣжихъ новостей. Въ первый вечеръ онъ разсказалъ, что японскіе солдаты усиленно работаютъ надъ копаніемъ траншей, подводя параллели постепенно все ближе къ Портъ-Артуру, что очень истомляетъ русскихъ, заставляя ихъ всегда быть на сторожѣ.

По временамъ на мгновеніе зловѣще отражался на облакахъ блескъ выстрѣловъ тяжелыхъ орудій крѣпости, а черезъ нѣсколько секундъ послѣ каждой вспышки до нашихъ ушей долеталъ глухой гулъ выстрѣла.

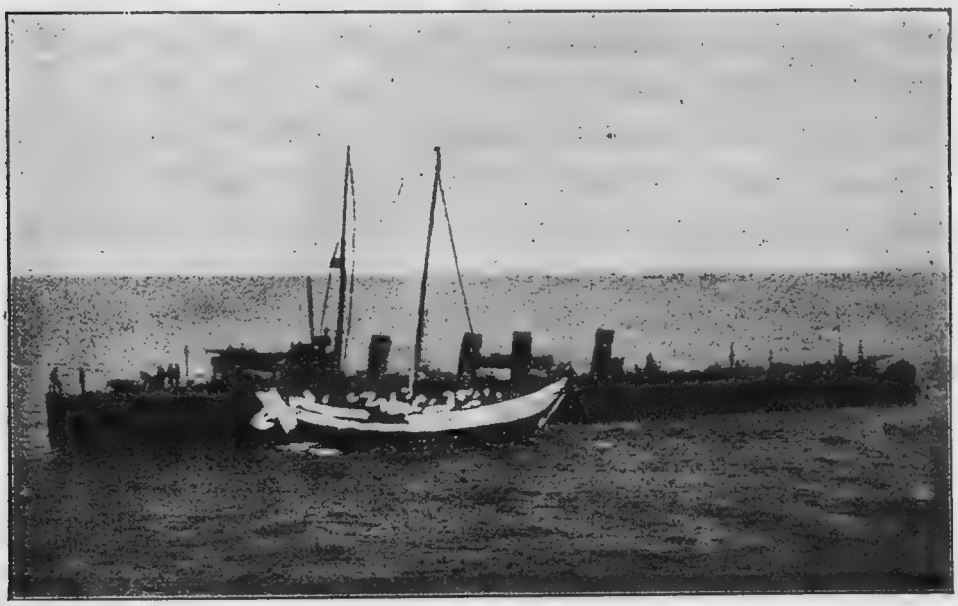
Другой услышанной новостью была судьба миноносца, такъ недавно забиравшаго уголь и воду на моемъ прежнемъ крейсерѣ. „Подкрадываясь“ къ минамъ, онъ взлетѣлъ на воздухъ: нѣсколько человѣкъ утонуло, а одного страшно изувѣчило. Плаваніе теперь по этимъ морямъ вещь очень опасная, расшатывающая всю нервную систему: въ любой моментъ корабль можетъ коснуться мины и взлетѣть на воздухъ со всѣмъ экипажемъ.

Въ гавань пришелъ миноносецъ, ведя на буксирѣ захваченную джонку съ курами, свиньями и сотней лошадей, предназначавшимися для осажденнаго гарнизона. Этотъ цѣнный призъ являлся полезнымъ добавленіемъ къ перевозочнымъ средствамъ нашей арміи.

Положеніе капитана и команды джонки было очень печальное, но не безъ оттѣнка комизма: старая лодка неслась съ такой быстротой, о которой ей не могло и сниться. Короткій буксиръ былъ такъ туго натянутъ, что носъ китайскаго шкипера, правившаго рулемъ, почти касался дула 4,7 дюймовки на миноносцѣ.

Каждый матросъ чувствовалъ, что надъ его головой виситъ смертный приговоръ и соотвѣтственно выражалъ это своей фигурой. Никогда, во всю свою жизнь, мнѣ не приходилось видѣть болѣе унылой, подавленной кучки людей! Капитанъ, выпрямившись, стоялъ у румпеля, не спуская глазъ съ оскалившa-

гося жерла пушки, неотразимо притягивавшаго его взоръ. Сверкавшее солнце немилосердно палило его не мигавшіе глаза и лицо пепельно-сѣраго цвѣта. По всей вѣроятности, въ теченіи многихъ часовъ онъ не измѣнялъ своей позы и страшное напряженіе всѣхъ мускуловъ его тѣла ни на минуту не



Японскій истребитель миноносцевъ съ захваченной джонкой, направлявшейся въ Портъ-Артуръ.

ослабѣвало. Въ смертельномъ испугѣ, съ запекшимися отъ ужаса губами, онъ ни однимъ звукомъ не отвѣчалъ на насмѣшки издѣвавшихся надъ нимъ японцевъ.

Я ушелъ въ каюту въ 10 часовъ вечера. Она была высокая и просторная, но съ неудовлетворительной вентиляціей. Ставни иллюминаторовъ были закрыты наглухо, чтобы наружу не могъ пробиться ни одинъ лучъ свѣта. Адмиралъ Того строжайшимъ образомъ настаивалъ на самомъ точномъ соблюденіи

этого правила. Я заснулъ подъ гулъ выстрѣловъ тяжелыхъ орудій.

Мой новый вѣстовой, Араи, разбудилъ меня, открывая ставни и ласково поздоровался, пожелавъ добраго утра—„охайо!“ Вставъ, я прежде всего занялся осмотромъ корабля и я думаю, что описаніе японскаго вспомогательнаго крейсера не можетъ не заинтересовать читателя. На бакѣ и на кормѣ на поворотныхъ станкахъ были установлены два 4,7 д. орудія Эльсвикскихъ заводовъ. Между бакомъ и пассажирской рубкой лежали бухты стального троса для минъ загражденія,—этого ужаснаго разрушительнаго оружія, явившагося самой яркой, характерной чертой настоящей войны. Здѣсь обыкновенно команда беретъ ванны и спитъ. Въ виду жаркой погоды, были поставлены верхній и боковые тенты.

Для освѣженія воздуха въ помѣщеніи команды, надъ переднимъ люкомъ поставленъ виндзейль, направляющій туда струю свѣжаго воздуха, даже при самомъ слабомъ вѣтрѣ. На спардекѣ имѣлся обычный комплектъ спасательныхъ шлюпокъ. Ниже, по обѣимъ сторонамъ кормы находилось по одному 12 фунтовому 2,7 (?) дюймовому орудію. Здѣсь же находились дополнявшія боевое вооруженіе крейсера двѣ 3-хъ фунтовки и нѣкоторое количество минъ загражденія. Надъ кормовымъ рѣшетчатымъ люкомъ помѣщались четыре большихъ лодки для высадки, типа плоскодонныхъ сампановъ. Здѣсь-же было отведено мѣсто для стирки матросскаго бѣлья; на туго натянутыхъ веревкахъ развѣвались маленькія японскія полотенца.

Подвахтенные курили свои крошечныя трубки, весело разговаривая и смѣясь; при моемъ приближе-

ніи многіе съ любопытствомъ встали, желая лучше меня разсмотрѣть. Столовая второго класса отведена была кондукторамъ.

По срединѣ каюты стояли два длинныхъ стола. По всей длинѣ переборки тянулся рядъ плотно сдвинутыхъ сундуковъ, а на другомъ концѣ находились небольшіе шкафчики по числу членовъ каютъ-компаніи. На крейсерѣ были установлены два прожектора, каждый силою въ 60 тысячъ свѣчей; одинъ на мостикѣ, а другой позади трубы. Съ ними каждую ночь производилось ученье. Верхній мостикъ почти ничѣмъ не отличался отъ мостика всякаго иного парохода съ той только разницей, что на немъ былъ установленъ дальномѣръ. Нижнюю палубу, гдѣ въ мирное время помѣщались-бы третьеклассные пассажиры, теперь приспособили для команды. Къ бимсамъ были подвѣшены полочки, на которыхъ лежали обѣденныя принадлежности матросовъ: желѣзная тарелка, чашка, вилка, ложка, ножикъ. Здѣсьже хранятъ матросы ящички съ фотографіями и тому подобными маленькими своими сокровищами.

Въ скоромъ времени послѣ моего назначенія на этотъ крейсеръ, мнѣ пришлось присутствовать при проводахъ, устроенныхъ старшему механику, возвращавшемуся въ Сасебо. Вся команда выстроилась для пожеланія ему пріятнаго и счастливаго путешествія. Въ ласковой рѣчи онъ поблагодарилъ матросовъ за образцовое исполненіе ихъ обязанностей, выразивъ надежду, что и впредь они будутъ также радовать его замѣстителя. Платки и фуражки замелькали въ воздухѣ, когда, пожавъ руку каждому изъ офицеровъ, онъ съѣзжалъ съ крейсера при громкихъ крикахъ: „Банзай!“ На выраженное мной удивленіе мнѣ

объяснили, что подобная церемонія неизмѣнно соблюдается всякій разъ при полученіи офицеромъ иного назначенія. Этотъ похвальный обычай устанавливаетъ такимъ образомъ и поддерживаетъ болѣе близкое общеніе между офицерами и командой.

На слѣдующее утро за завтракомъ разговоръ зашелъ о достоинствахъ минъ и связанныхъ съ ними опасностяхъ. Многіе офицеры горячо защищали мнѣніе, что мины должны перевозиться и сохраняться непремѣнно въ разобранномъ видѣ, подвергаясь сборкѣ лишь передъ самымъ употребленіемъ въ дѣло. Этотъ вопросъ очень важенъ и его слѣдуетъ обсудить очень серьезно, хотя, конечно, при такой системѣ надо очень тщательно обучить команду, чтобы отдѣльныя части минъ собирались настолько быстро, чтобы постановка ихъ производилась безъ малѣйшаго замедленія. Во время общаго оживленнаго спора у меня мелькнула мысль, что вѣдь это разрушительное оружіе съ успѣхомъ можетъ употребляться противъ подводныхъ атакъ и я ни на минуту не сомнѣваюсь, что, съ введеніемъ подводныхъ лодокъ во флоты всего міра, мина явится наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ обороны.

Приготовленное мнѣ къ завтраку особое блюдо такъ пришлось мнѣ по вкусу, что я чувствовалъ потребность выразить повару свою благодарность какимъ нибудь осязательнымъ образомъ. На мое предположеніе угостить его стаканомъ саке мнѣ отвѣтили, что это совершенно противно морскимъ правиламъ. Никому не разрѣшается угощать матросовъ напитками безъ особаго разрѣшенія, получить которое также трудно, какъ и добиться повышенія по службѣ.

Рокотъ бомбардировки продолжался изо дня въ день. Русскіе обыкновенно открывали огонь послѣ завтрака, поддерживая его до 4-хъ часовъ пополудни. Затѣмъ наступало затишье. Въ 9 часовъ вечера огонь возобновлялся, совершенно прекращаясь послѣ полуночи. Эти методическія привычки русскихъ артиллеристовъ очень забавляли японцевъ.

Работы въ гавани производились съ величайшей правильностью. Паровые барказы буксировали цѣлыя вереницы джонокъ съ кули, перевозя ихъ въ Кію-тонъ, маленькій городокъ за 10 миль отъ Дальняго. Тамъ шла постройка складовъ, дорогъ и пристани для новой базы. Иногда мимо насъ проходилъ транспортъ или госпитальное судно, перевозившее на родину больныхъ и раненыхъ солдатъ съ театра войны.

Разъ вечеромъ, уже въ сумерки, капитанъ предложилъ мнѣ отправиться ловить рыбу со шлюпки стоящей за кормой. Взятыя рыболовныя принадлежности были очень несложны: большой крючокъ на короткой лесѣ и нѣсколько мелкихъ рыбокъ для насаживанія на удочку. Эта мелюзга кишѣла вокругъ корабля, стараясь избѣгнуть безпрерывныхъ нападеній мечъ-рыбы и легко зачерпывалась сачкомъ. Нашъ уловъ былъ очень обиленъ: поймали не менѣе двадцати крупныхъ рыбъ; у многихъ были откушены хвосты ихъ болѣе прожорливыми собратьями. Вкусъ этой рыбы нельзя назвать пріятнымъ, хотя китайцы ее очень любятъ, но по опредѣленію одного изъ моихъ японскихъ друзей „китаецъ на половину свинья, на половину обезьяна и вообще, животное всеядное“.

Однажды мы высадили на берегъ отрядъ матро-

совъ. Обмундированіе ихъ нѣсколько отличается отъ принятаго въ британскомъ флотѣ. Шерстяное одѣяло у нихъ носится на лѣвомъ плечѣ. Пищевые раціоны находятся не въ ранцѣ, а въ длинномъ мѣшкѣ, перекинутомъ въ видѣ перевязи черезъ правое плечо. Сшитъ онъ изъ синей парусины и носитъ техническое названіе „скатерти для завтрака", (Бенто фукуро). Фляжка съ водой, портупея, лядунка носятся по англійскому способу. Выступая навстрѣчу непріятелю, матросы были въ возбужденно-радостномъ настроеніи, но я невольно задумался надъ вопросомъ, сколько изъ нихъ вернется назадъ невредимыми?

При вторичномъ посѣщеніи Дальняго, я рѣшилъ осмотрѣть его самымъ основательнымъ образомъ. Пройдя черезъ адмиралтейство, мы пересѣкли рельсы, и направились въ китайскій городъ. Тамъ, какъ и во всѣхъ китайскихъ городахъ, улицы были очень узкія, грязныя и на нихъ вѣчно толпилась масса народа. Передъ низенькими лавочками, тянувшимися по главной улицѣ, были выстроены длинные ряды балагановъ изъ бамбука и парусины. Въ нихъ продавались овощи, плоды и съѣстные припасы возмутительно неопрятнаго вида, но судя по довольнымъ лицамъ хозяевъ, торговля ихъ процвѣтала. Китайскій театръ выглядѣлъ такимъ грязнымъ, что я не рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе его посѣтить и предпочелъ прогулку по предмѣстьямъ. Дорога была запружена множествомъ двухколесныхъ повозокъ, везшихъ припасы въ городъ. Въ таратайку обыкновенно запрягали лошадь или мула, привязывая корову или осла сбоку.

Русскіе проложили въ Дальнемъ хорошія дороги

и великолѣпные бульвары. Шедшій въ западномъ направленіи былъ обсаженъ деревьями и примыкалъ къ прекрасному обширному ботаническому саду, обнесенному низкой стѣной. Мы вошли черезъ проломъ, бывшій на мѣстѣ воротъ. Турникеты и контора сада разрушены, главная широкая дорога заросла травой, разсаженные для украшенія кусты и деревья заглушены сорными травами. Былъ сезонъ фруктовъ; на многихъ деревьяхъ еще висѣли груши, несмотря на старательное поѣданіе ихъ китайской дѣтворой. Въ помѣщеніи медвѣдей находились два прекрасныхъ экземпляра, доставленныхъ съ Гималаевъ; въ клѣткѣ рядомъ былъ великолѣпный бенгальскій тигръ, сытый и лоснившійся. Разсказываютъ, что именно этому звѣрю разъ, въ видѣ особаго лакомства, была отдана на съѣденіе японская женщина. Само собою разумѣется, что это чистѣйшій вздоръ.

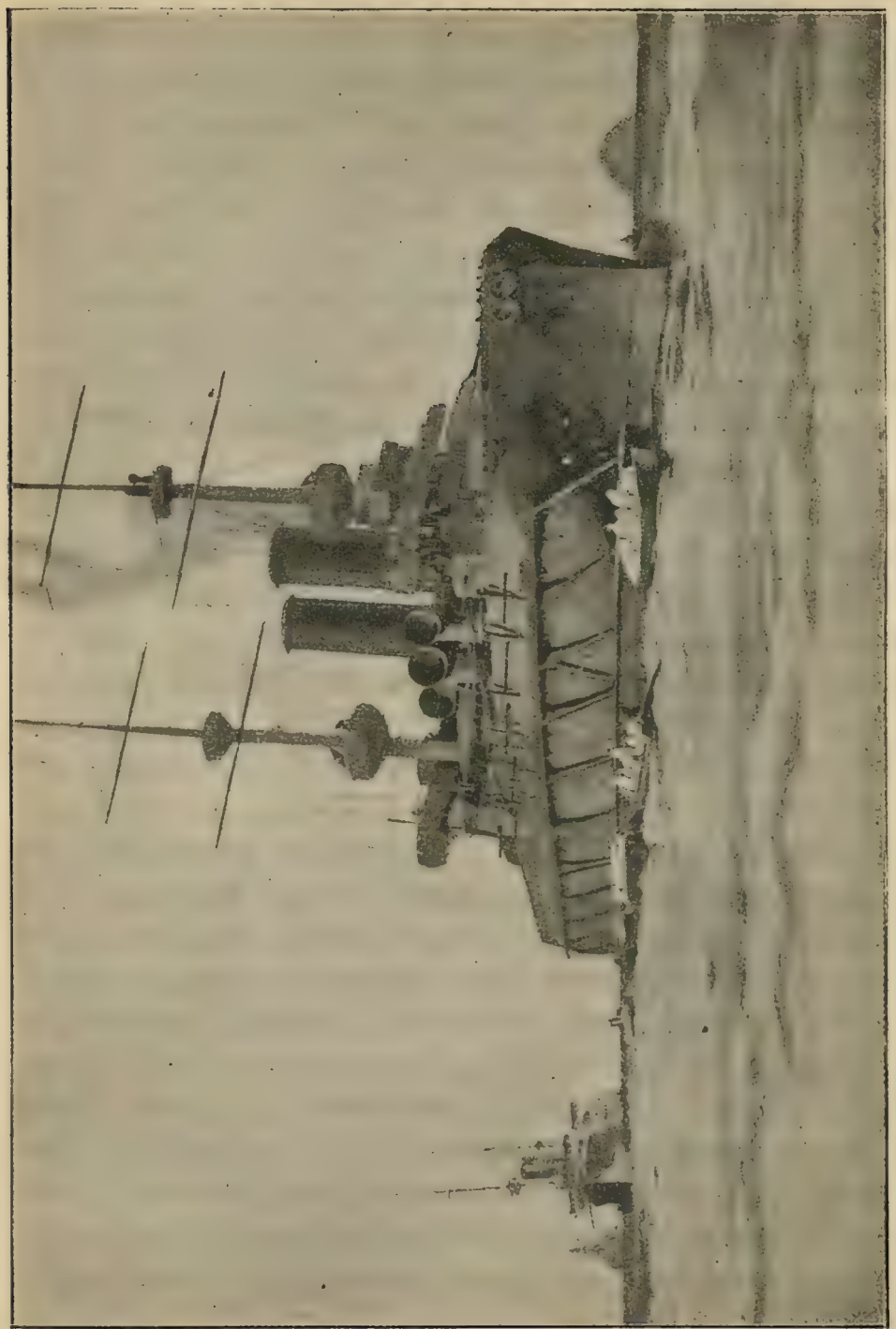
Садъ очарователенъ. По нему пробѣгаетъ ручей, питающійся изъ горныхъ источниковъ. Онъ кристально чистъ и прозраченъ, хотя въ дождливую погоду становится настоящимъ бурнымъ потокомъ. На каждомъ шагу цвѣты. Циніи, ноготки, иммортели—верхъ совершенства! Въ саду, кажется, находятся представители всевозможныхъ видовъ деревьевъ. Я замѣтилъ между другими растеніями смородину съ мыса Доброй Надежды. Мы зашли къ завѣдующему садомъ, въ высшей степени интеллигентному человѣку, комфортабельно устроившемуся въ домѣ своего русскаго предшественника. Вѣроятно, съ цѣлью предупрежденія снѣговой слѣпоты, стекла дверей и оконъ краснаго и зеленаго цвѣтовъ. Я долго разговаривалъ съ завѣдующимъ. Онъ пригласилъ меня

посмотрѣть кормленіе звѣрей,—„хотя“, прибавилъ онъ, „послѣ вашего великолѣпнаго зоологическаго сада о нашемъ даже стыдно и упоминать“. Мы пошли вмѣстѣ. Тигру при насъ бросили живаго кулика; огромный звѣрь поймалъ его съ тѣми же ухватками, съ какими домашняя кошка ловитъ воробья. Птичники и другія помѣщенія въ развалинахъ.

„Въ скоромъ времени все это будетъ исправлено и занято“, говорилъ завѣдующій. „Если вы возвратитесь на будущій годъ, нашъ садъ будетъ въ полнѣйшемъ порядкѣ“. Онъ питаетъ твердую надежду такъ развить и улучшить свой садъ, чтобы онъ могъ выдержать сравненіе съ подобными садами всего міра.

Возвращались мы черезъ городъ, гдѣ дома вновь живо напомнили мнѣ лондонскія предмѣстья. Знакомыя виллы полуособняки стояли, окруженныя отдѣльными садами. Теперь вездѣ размѣщались войска; ненужные дома были обращены подъ склады и магазины, садовые заборы очень пригодились для привязыванія лошадей. Городская дума и правительственныя мѣста выходили на площадь, въ центрѣ которой былъ разведенъ садъ, съ большимъ вкусомъ усаженный цвѣтущими растеніями. Несмотря на то, что сорныя травы все заглушили, намъ удалось нарвать прелестный букетъ.

Снова пройдя черезъ адмиралтейство, мы увидѣли у пристани нѣсколько водолазныхъ ботовъ. Это большіе сампаны, прикрытые подвижной настилкой изъ досокъ, подъ которой сохраняются различные запасы. Водолазы живутъ на своихъ лодкахъ, спятъ и ѣдятъ на борту подъ защитой тентовъ изъ цы-



Очистка подводной части броненосца на рандеву въ Портъ-Артурскомъ заливѣ.

новокъ, предохраняющихъ ихъ отъ непогоды. Около пятидесяти лодокъ занимались разыскиваніемъ минъ. Смотря на водолазовъ, осторожно вытаскивавшихъ ихъ на поверхность, капитанъ Такахаши замѣтилъ мнѣ: „они обращаются съ минами, какъ съ новорожденными дѣтьми“... Но я нашелъ это вполнѣ въ порядкѣ вещей.

Возвратившись на крейсеръ, мы перенеслись на нѣкоторое время въ отдаленные вѣка сѣдой японской древности. Любители изъ команды, одѣтые въ старинные живописные костюмы, устроили состязаніе въ фехтовальномъ искусствѣ. Фехтовались на бамбуковыхъ палкахъ, соотвѣтствующихъ по своей длинѣ саблѣ съ двойной рукояткой. Какой необыкновенный контрастъ представляли собою люди въ этомъ вооруженіи изъ бамбука, одѣтые въ оригинальные костюмы изъ полотна и шелка рядомъ съ матросами въ форменной одеждѣ, которые окружили ихъ тѣснымъ кольцомъ и критически слѣдили за каждымъ выпадомъ бойцовъ!

На слѣдующее утро вся команда ревностно чистила и красила подводную часть крейсера. Въ японскомъ флотѣ внимательнѣйшимъ образомъ слѣдятъ за тѣмъ, чтобы корабль никогда не рисковалъ потерей своей быстроходности и очень часто производятъ эту работу. Нужно сознаться, что для живущихъ на суднѣ она крайне непріятна, такъ какъ корабль накреняютъ подъ угломъ 15 градусовъ. Для крена выкачиваютъ водяной балластъ съ одной стороны, оставляя другую нетронутой; кромѣ того, спускаютъ шлюпки съ одной стороны до воды, а съ другой наполняютъ ихъ водой. Такимъ образомъ легко получается желаемый кренъ.

Нашъ капитанъ обращался съ командой, какъ съ собственными дѣтьми; повидимому и они относились къ нему, какъ къ заботливому отцу. Вообще, въ японскомъ флотѣ внѣ службы всѣ офицеры смотрятъ на матросовъ, почти какъ на равныхъ себѣ и я убѣжденъ, что невозможно привести ни одного случая злоупотребленія этой снисходительностью со стороны начальства.

До насъ дошло извѣстіе, что японскимъ орудіямъ удалось разбить два русскихъ прожектора въ Портъ-Артурѣ. Первый былъ жертвой счастливаго выстрѣла, но во второмъ случаѣ орудія были тщательно наведены днемъ и какъ только прожекторъ далъ первый лучъ, 100-фунтовое ядро раздробило въ дребезги весь аппаратъ. Это была чувствительная потеря для русскихъ, потому что у нихъ остались только нѣсколько прожекторовъ, притомъ болѣе слабыхъ.

Въ ожиданіи сдачи Портъ-Артура во флотѣ все было въ полной готовности для немедленнаго нападенія на Владивостокъ.

Разъ къ завтраку мнѣ подали коренья тигровой лиліи. Плотностью они вродѣ тертаго картофеля; вкусъ—нѣчто среднее между печеными яблоками и печеными каштанами.

Меня очень безпокоили москиты, такъ что пришлось просить ревизора выдать и на мою долю зеленый кисейный пологъ, такой-же какими матросы закрывали свои койки.

Нѣкоторыя причины разрушительнаго дѣйствія японской артиллеріи выяснились для меня изъ интереснаго разговора съ однимъ изъ офицеровъ. Онъ говорилъ, что японскія бомбы, начиненныя порохомъ

„шимоза“ дѣйствуютъ гораздо разрушительнѣе на броню, чѣмъ снаряды, употребляемые русскими. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что японскіе комендоры болѣе мѣтко попадаютъ въ цѣль, такъ какъ они всегда практикуются исключительно на большихъ разстояніяхъ отъ 10.000 до 12.000 ярдовъ. За то на этой дистанціи они такъ искусно попадаютъ въ цѣль, что выбранныя мишенью огромныя скалы разлетаются въ дребезги. Огонь по русскимъ кораблямъ обыкновенно открывался съ 10.000 ярдовъ.

Японскіе матросы моютъ палубу очень оригинальнымъ способомъ, совершенно отличающимся отъ способовъ, принятыхъ во всѣхъ флотахъ. Они размѣщаются длинными рядами другъ за другомъ, сидя на корточкахъ. Передніе ряды скребутъ палубу щетками, а задніе моютъ швабрами, подпрыгивая какъ лягушки. Подобное мытье палубы, право, является прелюбопытнымъ зрѣлищемъ.

Однажды на рейдѣ, посреди всѣхъ кораблей, взорвалась мина загражденія; гулъ отдался по всему заливу, осколки кружились и свистѣли въ воздухѣ подобно гранатамъ, но никто не обращалъ на нихъ особаго вниманія; нѣсколько кусковъ упало къ намъ. Плаваніе по этимъ водамъ, усѣяннымъ минами,— очень рискованное предпріятіе.

Однимъ изъ самыхъ странныхъ ощущеній, испытанныхъ мною на крейсерѣ, было бритье японскимъ цирюльникомъ, исполненное съ обычной японской добросовѣстностью. У него былъ съ собой удивительный подборъ инструментовъ, начиная отъ круглой щетки и кончая ящичкомъ съ лезвеями бритвъ, самое маленькое изъ которыхъ скорѣе походило на расплюснутое шило. На мой вопросъ о ихъ назначе-

„Итцукушима“—флагманское судно адмирала Ямара.

Пароходъ для вылавливанія минъ.

Взрывъ мины въ Портъ-Артурскомъ заливѣ.

ніи онъ объяснилъ мнѣ, что эти маленькія лезвея предназначаются для бритья *внутренности носа* и тотчасъ же приступилъ къ демонстрированію своего искусства. Взявъ прежде всего крошечными щипчиками кусокъ мягкой корпіи, онъ проворно и ловко повертывалъ ее въ носу до тѣхъ поръ, пока волосы внутри не смягчились въ достаточной степени. Потомъ, пустивъ въ ходъ одну изъ маленькихъ бритвъ, онъ съ дивной ловкостью и точностью удалилъ всѣ волосы, не причинивъ ни единаго крошечнаго порѣза. Это была очень деликатная, но не особенно пріятная операція; долго времени спустя у меня продолжали слезиться глаза.

ГЛАВА VII.

Я перехожу на „Никко-Мару“. Госпитальное судно „Кобе-Мару“. Миноносецъ № 67. За мной посылаетъ Того. Свиданіе съ адмираломъ. Джонка съ грузомъ ословъ. Передъ Портъ-Артуромъ. Блокада. Я служу на миноносцѣ № 67. Русскіе пробуютъ сдѣлать выстрѣлъ на дальнее разстояніе. Взрывъ на Сѣверномъ фортѣ. Выходъ „Ретвизана“. Предостерегающій сигналъ Того.

Жизнь въ Дальнемъ начала утомлять меня своей монотонностью и я стремился къ чему нибудь болѣе возбуждающему. Поэтому меня очень обрадовало неожиданно полученное предписаніе перейти на минное судно „Никко-Мару“, стоявшее въ скрытой бухточкѣ почти на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ Портъ-Артура. Это назначеніе возбудило во мнѣ надежду, что быть можетъ, мнѣ удастся присутствовать при всѣхъ минныхъ операціяхъ.

На мое новое судно меня долженъ былъ доставить миноносецъ № 67, который послѣ донесенія адмиралу Того, шелъ въ эту таинственную бухту. Сдѣлавъ прощальный визитъ адмиралу Хосойя на флагманскомъ суднѣ, я также побывалъ передъ отъѣздомъ на плавучемъ госпиталѣ „Кобе-Мару“, гдѣ у меня былъ знакомый докторъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что мои друзья, два японскихъ художника—Тоги и Мурати, наводили обо мнѣ справки и надѣялись по возвращеніи повидаться со мной. Послѣ обѣда мнѣ

показали весь госпиталь. Вездѣ было безукоризненно чисто и опрятно; операціонныя палаты были снабжены всѣми нужными приспособленіями для поддержанія равномѣрной температуры, несмотря на измѣненія погоды. Вмѣсто обычныхъ круглыхъ иллюминаторовъ въ каютахъ были большія четыреугольныя окна. Выздоравливающіе могли прогуливаться по палубѣ, для чего на ней отведено обширное мѣсто. Всѣ пацієнты одѣты одинаково въ бѣлые кимоно и бѣлыя шапочки, что очень удобно и вмѣстѣ съ тѣмъ прохладно. Во время моего присутствія прибыло двое раненыхъ. Ихъ подняли на бортъ въ ящикѣ изъ бамбука. Это—превосходное изобрѣтеніе, такъ какъ эластичность дерева избавляетъ пацієнта отъ всякихъ толчковъ и тряски. До войны „Кобе-Мару“ совершалъ рейсы между Глазго и Америкой.

Возвратившись на „Тайнанъ-Мару“, я провелъ мой послѣдній вечеръ на палубѣ, разговаривая съ капитаномъ и ревизоромъ и наслаждаясь прелестной лунной ночью. Прожекторы все время свѣтили. Въ 8 часовъ утра къ борту подошелъ за мной миноносецъ № 67 подъ начальствомъ лейтенанта Таира. Капитанъ любезно разрѣшилъ мнѣ взять съ собой своего вѣстового Араи. Миноносецъ № 67 носилъ на себѣ слѣды войны: на бортахъ виднѣлись впадины и зазубрины; около трапа, ведущаго въ капитанскую каюту была задѣланная пробоина,—память русской бомбы, ранившей матроса, спускавшагося въ это время по трапу. Другое круглое пятно на палубѣ указывало мѣсто, куда проникъ 4,7 д. снарядъ, взорвавшійся въ машинномъ отдѣленіи. Противъ всякаго ожиданія, онъ не причинилъ никакого значительнаго вреда, только перерѣзавъ паровую

трубу. Все это случилось во время третьей попытки закупорить Портъ-Артуръ. Это хорошенькое маленькое судно, носившее на себѣ слѣды непогоды и тяжелой службы, было построено исключительно японцами и прослужило во все время блокады безъ перерыва.

Кромѣ всякаго другого груза, палуба миноносца была загромождена почтовыми чемоданами, большимъ количествомъ мѣшковъ со свѣжимъ хлѣбомъ для эскадры Того и моими вещами. Мы шли ходомъ въ 17 узловъ, хотя намъ приходилось мѣнять курсъ изъ за встрѣчавшихся на пути блуждающихъ минъ; мы ихъ разстрѣливали изъ ружей. На встрѣчу намъ попадалось много джонокъ. Длинная полоса моря разнообразилась броненосцами, входившими въ составъ четвертой эскадры, главная квартира которой находилась въ той уединенной гавани, куда мы направлялись. Эта бухта была однимъ изъ маленькихъ тайныхъ мѣстечекъ, избранныхъ Того для починокъ, отдыха и общаго пересмотра кораблей. Мы надѣялись быть на мѣстѣ не позже, какъ черезъ два часа.

Кромѣ меня, на миноносцѣ находился еще другой пассажиръ—капитанъ Іошитаро-Мори, принадлежавшій къ штабу главной квартиры и ѣхавшій по особому порученію. Мѣсто его службы было Чифу. Онъ разсказывалъ, что между Дальнимъ и Чифу совершаетъ рейсы небольшой пароходикъ, спеціально перевозящій кули для работъ на желѣзной дорогѣ, по переноскѣ тяжестей, очисткѣ лагеря и т. п. Онъ не разсказывалъ мнѣ о своей спеціальной службѣ и я его не спрашивалъ, хорошо зная о существованіи приказа по министерству о томъ, что офицеры,

во время совмѣстныхъ путешествій, не должны упоминать о данныхъ имъ порученіяхъ и вообще вести разговора о возложенныхъ на нихъ обязанностяхъ. Іошитаро-Мори ѣздилъ повидаться со своимъ другомъ, генераломъ Ноги и жаждалъ присутствовать при послѣдней атакѣ Портъ-Артура. Онъ говорилъ, что его другъ генералъ обѣщалъ ему телеграфировать, когда моментъ паденія крѣпости будетъ уже близокъ.

На этотъ разъ эскадра Того расположилась къ югу отъ своей обыкновенной стоянки, находившейся между „извѣстнымъ“ островомъ и „извѣстнымъ“ пунктомъ, лежащимъ напротивъ Вей-ха-вея. Мы подошли къ эскадрѣ около часу дня. Окрашенная въ боевой цвѣтъ, она имѣла могучій и зловѣщій видъ. Корабли стояли въ двойной колоннѣ, обращенной къ Портъ-Артуру. У борта нѣкоторыхъ изъ нихъ находились угольщики и пароходы съ припасами. Рядомъ съ кораблемъ Того стоялъ угольщикъ и я замѣтилъ, что мостики и марсы предохранялись канатными мантелетами и койками. Только что мы успѣли подойти, какъ адмиралъ Того прислалъ за мной. Онъ ожидалъ меня въ своей каютѣ, держа въ лѣвой рукѣ вѣеръ, съ которымъ не разставался во все время свиданія. Прежде всего онъ спросилъ, успѣлъ ли я позавтракать. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ подать чай и папиросы. Каюта его была убрана очень просто; на каминѣ стоялъ подарокъ почитателей изъ Кобе—корзина искусственныхъ цвѣтовъ изъ перьевъ, а въ самомъ каминѣ, въ китайскихъ вазахъ стояли два карликовыхъ дерева — 500-лѣтній кедръ и сосна приблизительно такого же возраста,—оба дерева были подарены

Букетъ искусственныхъ цвѣтовъ.

Снарядъ, который чуть было не убилъ адмирала.

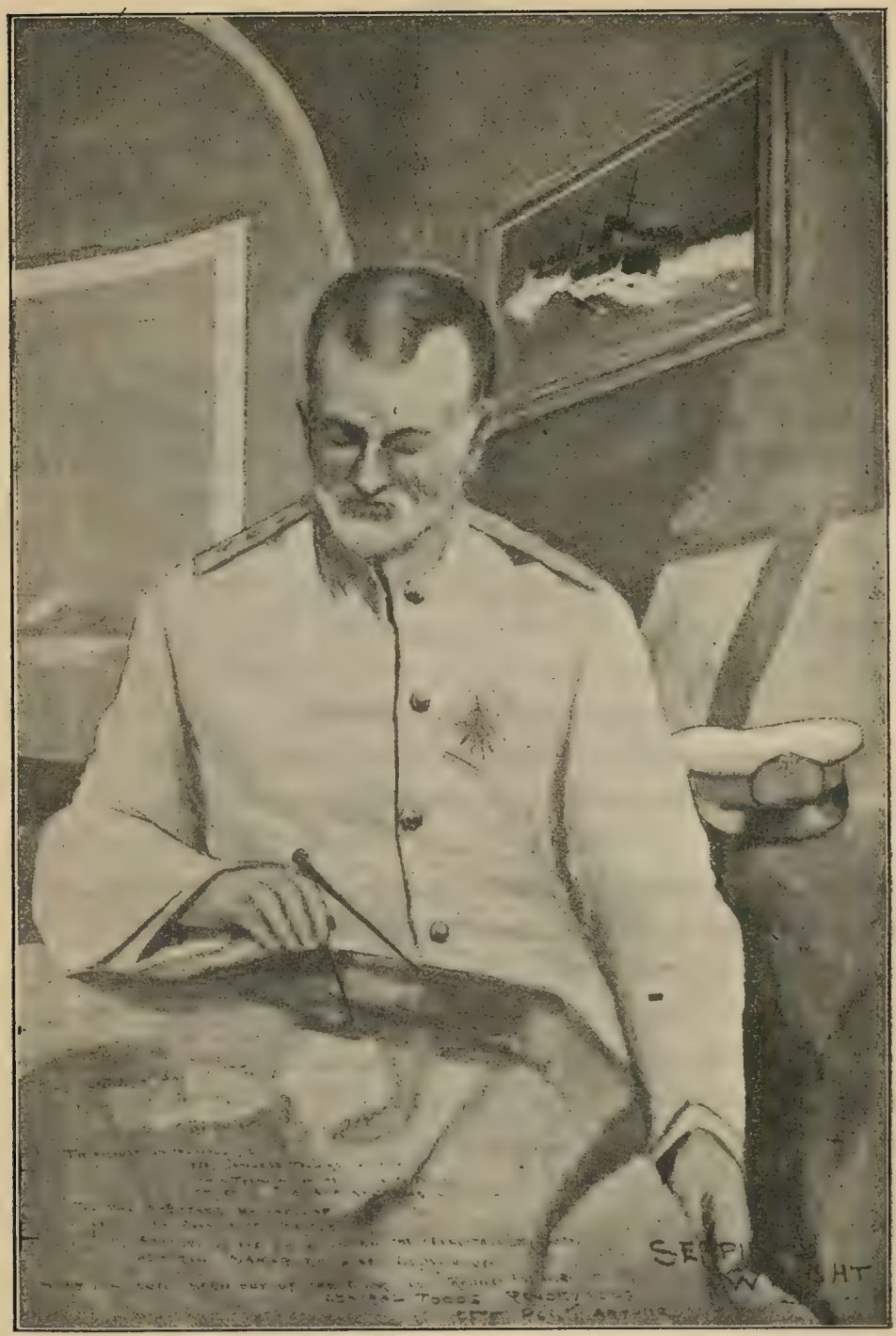
Карликовыя деревья, подаренныя адмиралу графомъ Окума.

Кресло адмирала.

Разговоръ съ адмираломъ Того въ его каютѣ на броненосцѣ „Миказа“ у Портъ-Артура.

адмиралу графомъ Окума. По обѣимъ сторонамъ каюты были диваны. На лѣвомъ лежало два чертежа послѣдняго сраженія подъ Портъ-Артуромъ. Адмиралъ указалъ мнѣ на нихъ, говоря: „Это сдѣлалъ мой буфетчикъ и они очень точно передаютъ все происшедшее“. На одномъ изъ чертежей было обозначено положеніе судовъ въ минуту взрыва Петропавловска; другой изображалъ планъ сраженія. На стѣнѣ висѣло нѣсколько фотографій и картина масляными красками, изображавшая учебную эскадру подъ командой адмирала Того во время тайфуна на пути въ Австралію. На иллюминаторахъ были желтыя занавѣски. На диванѣ справа лежала голубая подушка и грубое шерстяное одѣяло; очевидно здѣсь адмиралъ отдыхалъ послѣ обѣда. Маленькій столъ, который ставится на колѣни работающаго, висячая рѣшетчатая полка, набитая картами, столъ, два или три стула дополняли незатѣйливую обстановку. Въ каютѣ находились три зловѣщихъ воспоминанія войны: русская бомба, чуть не убившая адмирала Того, обломокъ которой глубоко ранилъ въ ногу лейтенанта Матсамура; другой снарядъ, съ отбитымъ концомъ, и головная часть мины, запутавшейся въ сѣть. Куски бомбы были заботливо собраны и склеены цементомъ.

Адмиралъ говорилъ со мной о Дальнемъ, Токіо и живописи. Когда къ разговору присоединился его секретарь, хорошо знавшій Великобританію, нашъ разговоръ естественно перешелъ на Англію и воспоминанія Того. „Мнѣ очень нравилась Англія“, замѣтилъ онъ. Отозвавшись съ похвалой о нашихъ городахъ, онъ очень тепло вспоминалъ о многихъ друзьяхъ, съ которыми сошелся во время службы



Планы сраженія при Портъ-Артурѣ, сдѣланные буфетчикомъ адмирала.

Адмиралъ Того надъ планомъ блокады Портъ-Артура въ своей каютѣ на броненосцѣ „Миказа“. Сквозь открытую дверь видѣнъ круглый островъ (Round Island).

на англійской учебной эскадрѣ. Черезъ дверь, открытую на кормовой балконъ, виднѣлся уединенный островъ,—мѣсто рандеву Того. Его яркая бѣлизна, похожая на бѣлизну восходящей луны, глубоко прорѣзала лазурь моря и неба. Адмиралъ говоритъ по англійски неправильно, но понимаетъ языкъ въ совершенствѣ. Во время нашего разговора продолжалась погрузка угля; всѣ двери и окна каюты были заперты во избѣжаніе пыли. Адмиралъ на короткое время открывалъ то одно, то другое, жалуясь на жару.

Указавъ на островъ, онъ спросилъ меня:

— Знаете ли вы имя этой скалы?

Послѣ моего утвердительнаго отвѣта онъ продолжалъ:

— Я буду помнить этотъ островъ всю свою жизнь; я такъ долго имѣлъ его постоянно передъ глазами.

Пристально всматриваясь въ этотъ утесъ, я старался запечатлѣть въ памяти малѣйшія его подробности. Онъ почти круглый, несмотря на глубоко врѣзывающуюся въ него бухту. Отъ берега на вершину острова ведетъ неясная, мѣстами совсѣмъ незамѣтная тропинка. На вершинѣ водруженъ флагштокъ, съ котораго широкими складками величественно рѣетъ Восходящее Солнце Японіи. Два или три скалистыхъ островка гнѣздятся около главнаго утеса, окруженнаго кружевомъ пѣны отъ вѣчнаго морского прибоя. Мы долго смотрѣли на островъ и временами нашъ разговоръ снова возвращался къ Англіи. Адмиралъ поинтересовался узнать, гдѣ я живу и лицо его загорѣлось живымъ интересомъ, услышавъ знакомое названіе.

— Но вѣдь я знаю эту мѣстность, я проѣзжалъ черезъ нее на пути изъ Лондона въ Портсмутъ.

Скоро лицо его снова сдѣлалось озабоченнымъ и на высокомъ лбу рѣзче обозначились глубокія морщины... Очевидно, въ головѣ адмирала мелькнуло какое нибудь важное соображеніе, вызванное лежавшей на немъ громадной отвѣтственностью.

Зная, какъ цѣнно его время, я два раза его спрашивалъ, не задерживаю ли я его, но онъ всякій разъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, прошу Васъ, продолжайте!

Я набрасывалъ въ это время эскизъ его портрета и онъ прибавилъ:

— Я боюсь, что доставилъ Вамъ большое безпокойство, пригласивъ пріѣхать сюда.

Я возразилъ ему:—Это большая для меня честь и большое удовольствіе и я надѣюсь, что Вы позволите мнѣ еще разъ пріѣхать къ Вамъ.

— Пожалуйста, пріѣзжайте всегда, когда Вы захотите,—отвѣтилъ адмиралъ.—Миноносецъ можетъ всегда васъ доставить.

Радушный пріемъ знаменитаго адмирала доставилъ мнѣ глубокое удовольствіе, но все же я всталъ, чтобы откланяться, опасаясь злоупотребить его любезностью. Того-же просилъ меня остаться, положивъ свою руку на мою. По его звонку вошелъ секретарь въ сопровожденіи буфетчика, несшаго на лакированномъ подносѣ три бокала съ шампанскимъ. Мы выпили за здоровье другъ друга. Адмиралъ, обмахивавшій себя вѣеромъ впродолженіе всего моего визита, попросилъ меня на память нарисовать что нибудь на вѣерѣ. Но новаго вѣера не нашлось и поиски за таковымъ оказались тщетными. Тогда, доставъ альбомъ, онъ попросилъ меня нарисовать утесъ, казавшійся точно оправленнымъ въ

Набросокъ съ натуры адмирала Того, сдѣланный авторомъ на броненосцѣ „Миказа“.

рамку двери. Принявшись за работу, я въ нѣсколько мазковъ сдѣлалъ набросокъ острова, повидимому очень ему понравившійся. При разставаніи адмиралъ выразилъ увѣренность вскорѣ опять со мной увидѣться и я простился съ нимъ, сопровождаемый его сердечными пожеланіями. Когда я уже былъ въ дверяхъ, онъ повторилъ:

— Не забудьте-же... Пріѣзжайте ко мнѣ, когда только пожелаете со мной повидаться.

На обратномъ пути, приблизительно на половинѣ дороги между базой и Дальнимъ, мы увидѣли пробиравшуюся подъ берегомъ джонку очень невиннаго вида, но команда которой гребла изо всѣхъ силъ. Всякому, знающему полное отвращеніе китайцевъ къ какимъ бы то ни было физическимъ усиліямъ,— самая ярко выраженная черта національнаго характера, — становится весьма подозрительнымъ такое чрезмѣрное усердіе. Капитанъ Мори обратилъ вниманіе нашего командира Таира на необыкновенную энергію всегда апатичныхъ китайцевъ, предоставляющихъ судьбѣ рѣшеніе всѣхъ своихъ дѣлъ. Послѣ короткаго разговора капитанъ приказалъ дать выстрѣлъ по направленію джонки. Ядро упало въ воду за полмили впереди китайцевъ, но они моментально подчинились деликатному приглашенію подойти ближе. Мало того, казалось, они такъ жаждали скорѣе выяснить это недоразумѣніе, что съ удвоенной энергіей принялись грести по направленію къ намъ. Какъ только джонка подошла на разстояніе оклика, мы пригласили достопочтеннаго капитана украсить своимъ высокимъ присутствіемъ нашъ маленькій презрѣнный миноносецъ. Китаецъ всячески старался подчеркнуть свою боязнь подойти къ борту ближе.

съ ужасомъ указывая на наведенную на джонку 12-фунтовую пушку и дѣлая умоляющіе жесты по направленію молчаливо угрожавшаго орудія. Когда джонка поровнялась съ нашимъ бортомъ, на нее соскочили два матроса съ примкнутыми штыками и арестовали ее именемъ Японіи. Капитанъ, который прежде такъ стремился приблизиться къ миноносцу, теперь выказывалъ странное нежеланіе бросить руль, вдругъ потребовавшій основательнаго осмотра. Для улаженія дѣла къ намъ явился его первый штурманъ. На губахъ капитана Мори змѣилась веселая усмѣшка, когда онъ сказалъ ему: „Мнѣ бы хотѣлось видѣть капитана, если его не очень затруднитъ объяснить мнѣ, откуда и куда онъ везетъ этихъ прекрасныхъ молодыхъословъ“.

На джонкѣ ихъ было около 50 штукъ. Капитанъ, нервно наблюдавшій только углами глазъ за своимъ помощникомъ, началъ еще усерднѣе хлопотать надъ непослушнымъ рулемъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его приближенія. Кромѣ того, при первыхъ словахъ штурмана о томъ, что приглашеніе явиться на миноносецъ относится лично къ самому капитану, съ нимъ случился внезапный припадокъ полнѣйшей глухоты.

Наконецъ, съ нетерпѣливымъ жестомъ онъ бросилъ начатую ненужную возню съ рулемъ и съ любезной улыбкой быстро поднялся на бортъ миноносца. Давая объясненія капитану Мори, онъ между прочимъ замѣтилъ,—„что, собственно говоря, онъ торопится и желалъ бы скорѣе идти дальше, поэтому былъ бы очень счастливъ, если бы его не задерживали“...

— Конечно,—отвѣтилъ Мори,—вы можете про-

должать вашъ путь тотчасъ же, какъ только отвѣтите на мои вопросы.

Тогда китаецъ, принявъ веселый и самоувѣренный видъ, которымъ ясно хотѣлъ намъ сказать, что ему ничего не стоитъ уладить это маленькое недоразумѣніе, спустился на свою джонку, проворчавъ сквозь зубы что-то нелестное по адресу „карапузовъ“. Передавъ офицеру принесенную связку писемъ, онъ опустился на корточки съ видомъ непоколебимой увѣренности въ благопріятномъ результатѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ не спускалъ глазъ съ непроницаемаго лица нашего командира, тщетно стараясь прочесть на немъ хоть малѣйшій намекъ на ожидавшую его участь.

Приблизительно черезъ двѣ минуты капитанъ Мори уже пришелъ къ окончательному рѣшенію. Онъ отдалъ короткое приказаніе закрѣпить джонку за кормой и миноносецъ двинулся дальше.

Видя, что буксирный канатъ сильно натянулся, китаецъ воскликнулъ: „моя джонка разломится на куски, если вы пойдете такъ скоро!“

Его маленькіе свиные глаза сверкали и искрились бѣшеной злобой, но встрѣтивъ взглядъ Мори, онъ смирился и, не повертывая головы, заплакалъ медленными, тихими слезами. Я сдѣлалъ съ него эскизъ въ этой позѣ.

Обратившись ко мнѣ, капитанъ Мори сказалъ: „Это обыкновенная плутовская продѣлка, шитая бѣлыми нитками. Онъ утверждаетъ, что ослы предназначаются для одного его пріятеля въ Кіаокіао, но это письмо вполнѣ уличаетъ его во лжи. Кіаокіао лежитъ къ югу отъ насъ и джонкѣ слѣдовало-бы находиться миль на сто южнѣе. Также не выдержи-

ваетъ критики и смѣшная исторія о какомъ-то таинственномъ теченіи, занесшемъ его къ Портъ-Артуру. Но самымъ вѣскимъ доказательствомъ того, что джонка составляетъ законный призъ, является письмо,

Китаецъ, оплакивающій потерю своей джонки.

упоминающее о цѣнѣословъ по 45 ф. стерл. за штуку. Во всемъ Китаѣ цѣна осла никогда не поднимается выше двухъ или трехъ фунтовъ. Заплатить за каждаго осла по 45 ф. могутъ только русскіе въ Портъ-Артурѣ. Но эти ослы пригодятся и для нашей арміи“.

Все остальное время перехода китаецъ упорно

молчалъ. Насъ очень забавлялъ этотъ плѣнникъ съ видомъ полнымъ достоинства отказывавшійся отвѣчать на всѣ предлагаемые ему вопросы.

Взятый призъ увеличилъ стоявшую въ Дальнемъ флотилію захваченныхъ джонокъ. Мы были вынуждены тамъ переночевать: солнце уже сѣло, а фарватеръ былъ минированъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, я посѣтилъ свой прежній корабль „Тайнанъ-Мару“. Меня встрѣтили необычайно радушно: при моемъ прибытіи команда была вызвана на верхъ, а часовые отдали честь. Въ виду моего служебнаго положенія, меня всюду сопровождалъ мой вѣстовой.

Послѣ пріятно проведеннаго вечера, я возвратился на миноносецъ, а раннимъ утромъ мы вышли по западному фарватеру въ „извѣстную“ гавань. Нѣсколько недѣль тому назадъ этотъ фарватеръ былъ почти совершенно непроходимъ: русскіе минировали положительно чуть не каждый квадратный ярдъ, да и теперь было расчищено очень небольшое пространство и проходъ по нему былъ сопряженъ съ немалыми затрудненіями.

Миноносецъ № 67, принадлежавшій къ Первой эскадрѣ, обладалъ скоростью до 25 миль въ часъ. Въ сраженіи 10 августа онъ атаковалъ „Аскольда“. Изъ выпущенныхъ имъ нѣсколькихъ минъ съ разстоянія 1.000 метровъ не взорвалась ни одна, вѣроятно, вслѣдствіе неблагопріятной погоды.

Берега, мимо которыхъ пролегалъ нашъ путь, поражали меня своей величественно-дикой красотой. Одинъ большой утесъ живо напомнилъ мнѣ „Пастора на кафедрѣ“, хорошо извѣстную скалу, возвышающуюся въ морѣ между Даулисъ и Теньмаутсъ.

На пути мы увидѣли два судна Пятой эскадры. Вдругъ страшный выстрѣлъ и взрывъ потрясли весь нашъ миноносецъ. Оказалось потомъ, что одинъ изъ кораблей произвелъ взрывъ найденной имъ русской мины загражденія. Надъ нами вѣчно висѣла опасность взлетѣть на воздухъ и я чувствовалъ болѣзненное любопытство, смѣшанное со страхомъ, глядя на набѣгавшія встрѣчныя волны. По словамъ офицеровъ, и они тоже сначала испытывали этотъ нервный страхъ, но привычка вторая натура и ихъ нервное состояніе теперь было вещью, давно отошедшей въ вѣчность. Изъ скрытой бухточки внезапно вынырнули два истребителя и понеслись къ Портъ-Артуру, лежавшему прямо противъ насъ, но мы его не видѣли такъ какъ его закрывалъ мысъ Нико-Шаи. Обогнувъ его, мы вошли въ Портъ-Артурскій заливъ. Къ западу отъ насъ лежалъ городъ, но онъ былъ совершенно скрытъ въ густомъ туманѣ пыли и порохового дыма. Батареи, расположенныя на высотахъ Ляотешана и на гребняхъ горъ, тянувшихся на десять или двѣнадцать миль параллельно дугообразной береговой линіи, были окутаны пламенемъ и облаками густого дыма. Издали ихъ можно было принять за огромную цѣпь дѣйствующихъ вулкановъ. Передъ нашимъ прибытіемъ Пятая эскадра начала обстрѣливать вновь обнаруженную русскую батарею.

Японцы довели систему своей развѣдочной организаціи до совершенства. Сигнальная станція въ гавани была въ состояніи давать намъ всѣ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на передовыхъ линіяхъ. Мы узнали, что работы по устройству платформы для 11-дюймоваго орудія уже почти были закончены. А съ момента его

установки и начала обстрѣла положеніе броненосцевъ въ Портъ-Артурской гавани должно было сдѣлаться критическимъ.

Подкрѣпленія продолжали подходить непрерывной струей и черезъ два дня предполагалось произвести

Видъ „извѣстной бухты". Одна изъ лучшихъ видѣнныхъ мною бухтъ.

рѣшительный общій штурмъ, который, какъ разсчитывали, заставитъ русскихъ выйти навстрѣчу эскадрѣ Того.

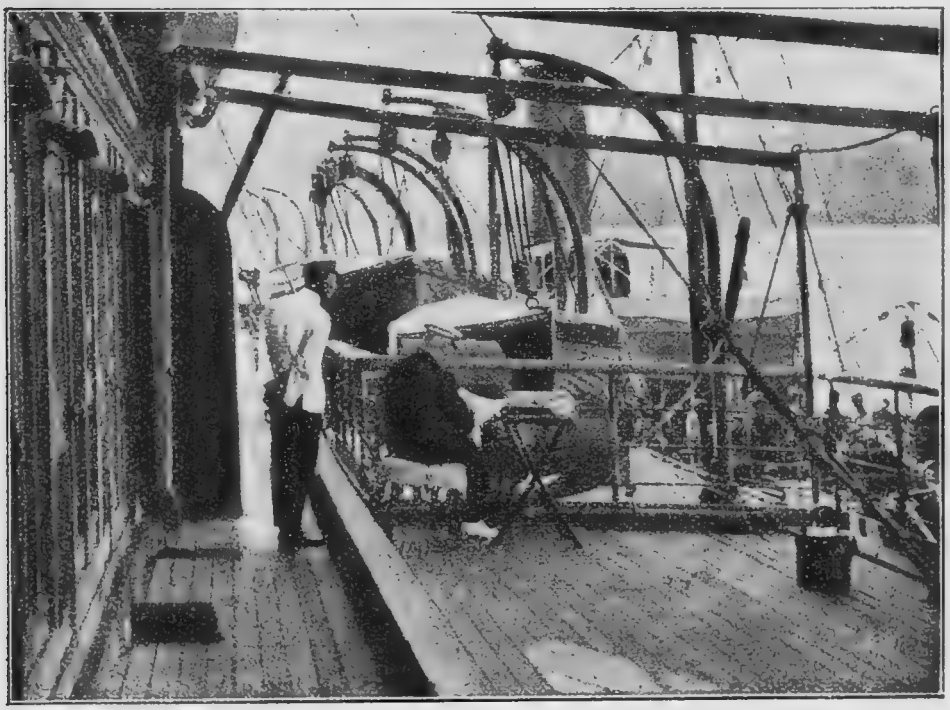
Передавъ на флагманское судно приказаніе главнокомандующаго, мы прошли между скалистыми островками, защищающими входъ въ бухту и заняли свое мѣсто въ первомъ отрядѣ. Эта бухта была выдвинутой впередъ базой Того; именно здѣсь на-

ходилась главная квартира 4-ой эскадры. Здѣсь укрывались минныя суда, флотиліи миноносцевъ, суда, занимавшіяся вылавливаніемъ минъ и буксирные пароходы... Это одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстечекъ на земномъ шарѣ, а по своей топографіи—единственное. Естественный брекватеръ изъ высокихъ гористыхъ островковъ, идущій параллельно материку дѣлаетъ эту бухту одной изъ самыхъ безопасныхъ стоянокъ въ мірѣ. Кромѣ того, приблизительно на половинѣ разстоянія цѣпи островковъ находится плоская песчаная коса, соединяющая ихъ съ материкомъ.

Русскіе не оцѣнили по достоинству этой цѣнной стоянки, но японцы сразу поняли ея важное стратегическое значеніе и постарались захватить ее въ самомъ началѣ войны. Изъ этой базы велись всѣ послѣдующія атаки и операціи, связанныя съ попытками закупорить Портъ-Артуръ. За песчанымъ перешейкомъ находится китайскій городъ, давшій свое имя бухтѣ. Огромная гора на заднемъ планѣ съ поднимающимися къ небу огромными клубами дыма,—это Ляо-тешанъ, возвышающійся на 1500 футъ надъ уровнемъ моря.

Неутомимые русскіе сильно укрѣпили эту возвышенность и вооруживъ форты тяжелыми орудіями большого калибра, обстрѣливали всякій японскій корабль, показывавшійся въ сферѣ ихъ дѣйствій. Ближайшій выступъ, пересѣкавшій откосъ Ляотешана, была Золотая Гора. Холмы мѣшали разсмотрѣть остальныя оборонительныя укрѣпленія Портъ-Артура. У подножія Золотой Горы находится входъ въ Портъ-Артуръ, а на противоположной сторонѣ—Тигровый Хвостъ. На немъ русскіе установили прожек-

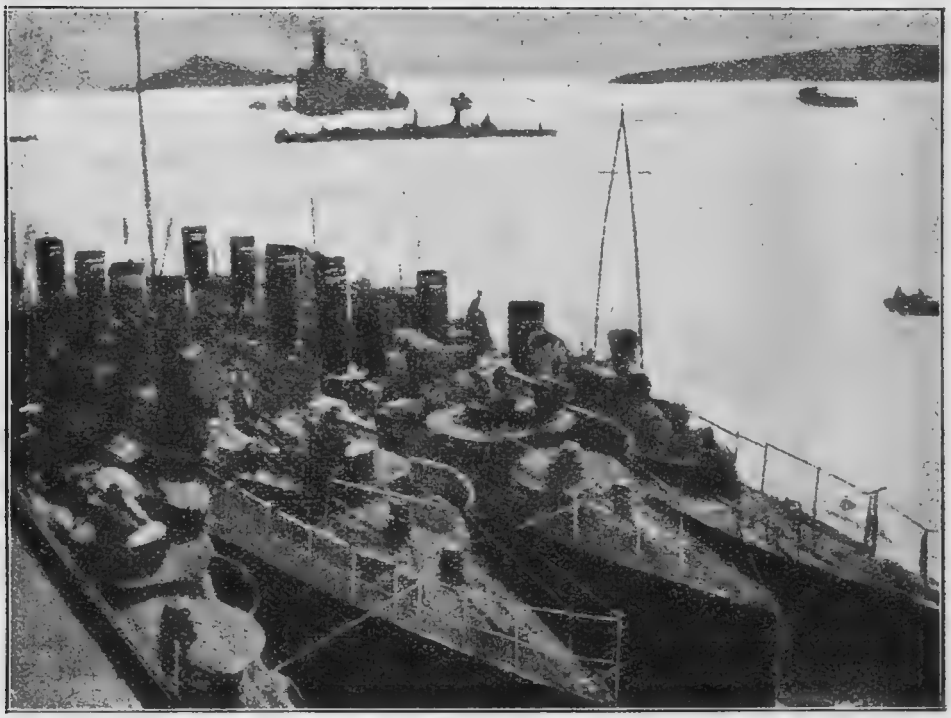
торъ, всю ночь освѣщавшій поверхность залива своими яркими скользящими лучами. Свѣтъ, попадавшій въ мой иллюминаторъ, на короткое мгновеніе заливалъ стѣны блескомъ, оставляя затѣмъ каюту еще въ большемъ мракѣ. Общій характеръ мѣстности очень походитъ на заливъ Бэнтри съ его простыми



Я рисую съ натуры на палубѣ транспорта—базы для миноносцевъ.

домами, крытыми грубой черепицей и низкими хозяйственными постройками съ соломенными крышами. Почти всѣ острова заселены бѣдными китайскими поселянами. На одномъ островѣ, кромѣ цыплятъ, единственными представителями домашнихъ животныхъ были оселъ и черная корова. Маленькіе островки могли бы доставлять хорошій подножный кормъ

овцамъ; растущая же тамъ болѣе высокая трава и мелкія поросли собираются китайцами для зимняго корма. Островки эти выглядятъ истрепанными бурями и ураганами; съ навѣтренной стороны скалы совершенно гладкія и кажутся вытесанными изъ графита.



Отрядъ миноносцевъ у борта своего транспорта—базы.

Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака деревьевъ. На самомъ крайнемъ островкѣ гнѣздится большая голубиная колонія. Вмѣстѣ со старшимъ механикомъ мы посѣтили эту колонію нѣсколько разъ, результатомъ чего явились прекрасные обѣды изъ голубей съ рисомъ. Адмиралъ Ямада стоялъ со своей эскадрой мористѣе острововъ, выходя на назначенную позицію съ разсвѣтомъ и возвращаясь съ наступленіемъ ночи подъ прикрытіе гостепріимной бухты. Его эскадра была

первымъ звеномъ блокады. Ближе къ крѣпости, какъ разъ между челюстями залива, крейсеровали взадъ и впередъ пять флотилій миноносцевъ, неутомимо охранявшихъ бухту.

Волны встрѣчавшихся въ гавани приливныхъ и отливныхъ теченій иногда несли съ собой мины, сорвавшіяся съ якорей на минныхъ заграждeніяхъ, разбросанныхъ при входѣ въ Портъ-Артуръ.

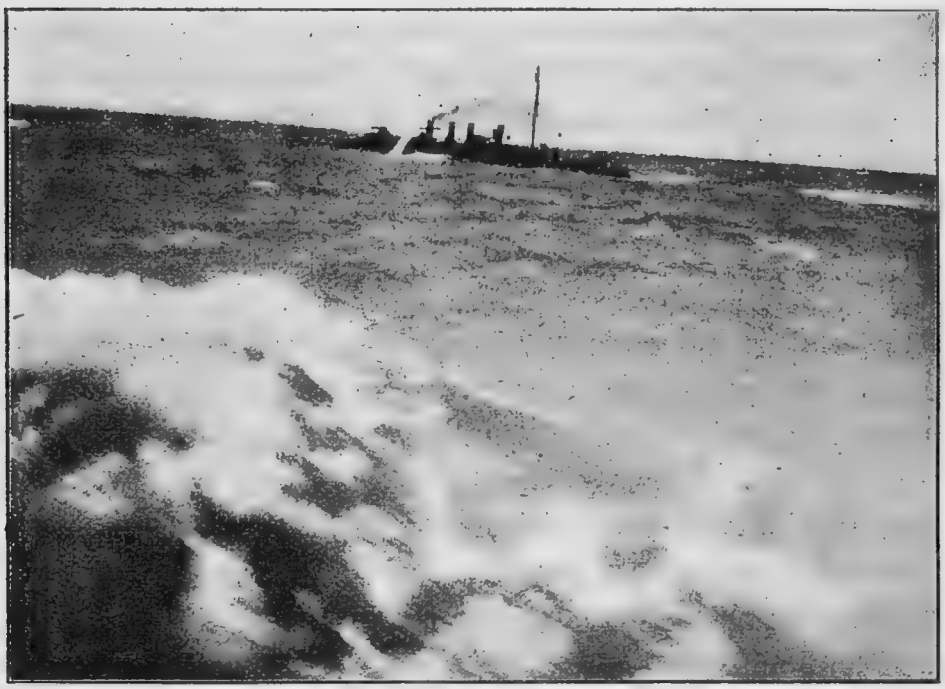
Отдыхающіе японскіе истребители въ „извѣстной“ бухтѣ.

Каждое утро пароходъ, на обязанности котораго лежало вылавливаніе минъ, огромнымъ неводомъ очищалъ фарватеръ, а тралящіе пароходики попарно тащили за собой тралы, чтобы найти и уничтожить всѣ мины, которыя русскіе могли набросать на фарватерѣ во время туманныхъ или безлунныхъ ночей. Слышавшіеся днемъ страшные взрывы свидѣтельствовали какъ о прилежной работѣ этихъ маленькихъ суденышекъ, такъ и о необходимости ихъ дальнѣйшихъ трудовъ. Много разъ, во время моего присут-

ствія въ Портъ-Артурѣ, мнѣ случалось провожать глазами минное судно, шедшее исполнять свою опасную работу и много разъ я видѣлъ только одну возвращавшуюся лодочку съ нѣсколькими изувѣченными до неузнаваемости матросами. Постановка минъ и контръ-минъ шла безпрерывно. Каждый вечеръ наши маленькія сторожевыя лодки, прикрываясь берегомъ, осторожно пробирались отъ одного мысика къ другому. Приблизившись къ непріятельской гавани, онѣ смѣло кидались впередъ. Не обращая вниманія на осыпавшій ихъ градъ русскихъ бомбъ и гранатъ, онѣ отважно сбрасывали мины и спѣшили назадъ дальше отъ измѣнническихъ лучей прожектора. Иногда эти смѣльчаки не возвращались совсѣмъ.

Миноносецъ № 67 — это былъ миноносецъ 2-го класса, но видъ его такъ былъ измѣненъ съ помощью бамбука и парусины, что издали его легко было принять за первокласснаго истребителя. Онъ состоялъ третьимъ номеромъ въ 4-мъ отрядѣ; позиція его въ линіи блокады находилась какъ разъ противъ самаго входа въ портъ-артурскую гавань. Командовалъ миноносцемъ лейтенантъ Міяки. Однажды, снявшись съ якоря, мы вышли въ море внутреннимъ проходомъ въ сопровожденіи еще трехъ миноносцевъ. Дулъ сильнѣйшій вѣтеръ съ юго-запада, подвергшій серьезному испытанію морскія качества нашего маленькаго судна. Мы сразу направились на рандеву В, находившееся въ предѣлахъ дальности выстрѣловъ. Одинъ снарядъ съ вершины Ляотешана съ громкимъ всплескомъ бухнулся въ воду и взорвался на небольшомъ разстояніи отъ насъ, не причинивъ намъ, однако, никакого вреда. Командующій отрядомъ от-

несся вполнѣ равнодушно къ этому деликатному предостереженію русскихъ, и мы продолжали крейсеровать взадъ и впередъ на указанномъ мѣстѣ, поддерживая сообщеніе попеременно то съ третьимъ, то съ пятымъ отрядомъ. Третій отрядъ состоялъ изъ



Русскій привѣтъ по нашему адресу. Обыкновенная стрѣльба русскихъ по миноносцамъ.

большихъ истребителей, а пятый изъ миноносцевъ. Для основательнаго наслажденія подобной морской прогулкой требуется здоровый желудокъ и полнѣйшее отсутствіе нервовъ: то и другое подвергается испытанію до крайнихъ предѣловъ человѣческихъ силъ. Страшная качка заставляетъ миноносецъ усиленно и безостановочно подпрыгивать и затѣмъ нырять въ волны; на нервы же убійственно дѣйствуетъ сознаніе, что въ любой моментъ можно наткнуться

на русскую мину. Только за нѣсколько времени передъ этимъ у одного истребителя второй флотиліи оторвало всю кормовую часть на 30 футъ длины, хотя, по странной случайности, рѣшительно никто не пострадалъ. Двое изъ офицеровъ находились въ это время въ каютъ-компаніи и ихъ спасеніе положительно граничитъ съ чудеснымъ. Благодаря водонепроницаемымъ отдѣленіямъ миноносецъ не затонулъ и былъ тотчасъ же отведенъ въ гавань на буксирѣ миноносца, бывшаго съ нимъ въ парѣ. Предполагали, что причиной взрыва была сильнѣйшая качка, при которой судно, опустившись на волнахъ, дотронулось до мины винтомъ.

Около пяти часовъ вечера мы съ Міяки спустились въ крошечную каютъ-компанію ужинать. Все находившееся въ каютѣ, не исключая и насъ самихъ, находилось въ безостановочномъ движеніи. Нашему вѣстовому удалось намъ достать большой чайникъ чаю и жестянку сухарей. Прибавивъ къ этому ветчину и яичницу, хорошо состряпанную самимъ Міяки на большой жаровнѣ, стоявшей въ каютѣ, мы прекрасно поужинали. Міяки участвовалъ въ нѣсколькихъ стычкахъ и никогда не былъ раненъ, хотя нѣкоторыя схватки были такъ жестоки, что на немъ не оставалось сухой нитки отъ брызгъ, поднимавшихся столбами при паденіи снарядовъ въ воду.

„Я никогда не думалъ, что уцѣлѣю“, добавилъ онъ, разсказывая объ этомъ. Разговоръ зашелъ о нашихъ родинахъ и семействахъ. Онъ показалъ мнѣ карточку прекрасной дѣвушки, съ умнымъ лицомъ, ожидавшей въ Токіо его возвращенія. Одѣтая въ полу-европейскій костюмъ учащейся японской дѣвушки, она снялась со скрипкой въ рукахъ.

По словамъ Міяки, жизнь японскаго морского офицера очень трудна. „Мы постоянно на службѣ и рѣдко получаемъ отпускъ. Мы миримся съ этимъ, потому что любимъ императора и свое морское дѣло такъ сильно, что безъ жалобъ подчиняемся всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ намъ. Нужно сознаться, конечно, что нашимъ женамъ приходится проводить очень много времени въ одиночествѣ, но вѣдь самое пріятное препровожденіе времени работа и изученіе наукъ. Моя невѣста безусловно серьезная студентка и кромѣ того занялась музыкой“.

Онъ поднялся на палубу, чтобы смѣнить своего помощника, который, сойдя внизъ, самъ состряпалъ себѣ ужинъ, пока я курилъ трубку. Когда онъ кончилъ ужинать, мы оба пошли на верхъ,—онъ на передній мостикъ, а я стоялъ, ухватившись за поручни. Вѣтеръ началъ стихать, хотя была еще порядочная качка, но движеніе миноносца сдѣлалось болѣе равномѣрнымъ и не такъ чувствовалось постоянное подкидываніе вверхъ, особенно непріятное при волнѣ съ носа. Наступала ночь. На водахъ залива появились одинъ за другимъ ищущіе лучи прожекторовъ. Самый большой, находившійся противъ входа въ гавань, поймалъ насъ и минуту или двѣ держалъ въ своемъ лучѣ.

„Теперь ожидайте выстрѣла“, сказалъ Міяки, но его не послѣдовало. Тогда онъ прибавилъ:

„Вѣроятно, они не считаютъ насъ достойными траты снаряда“.

Ночь была безлунная и мы отклонились отъ своего курса, приблизившись къ гавани. Ожидая встрѣчи съ русскими миноносцами, у насъ былъ выработанъ особый отличительный сигналъ, по кото-

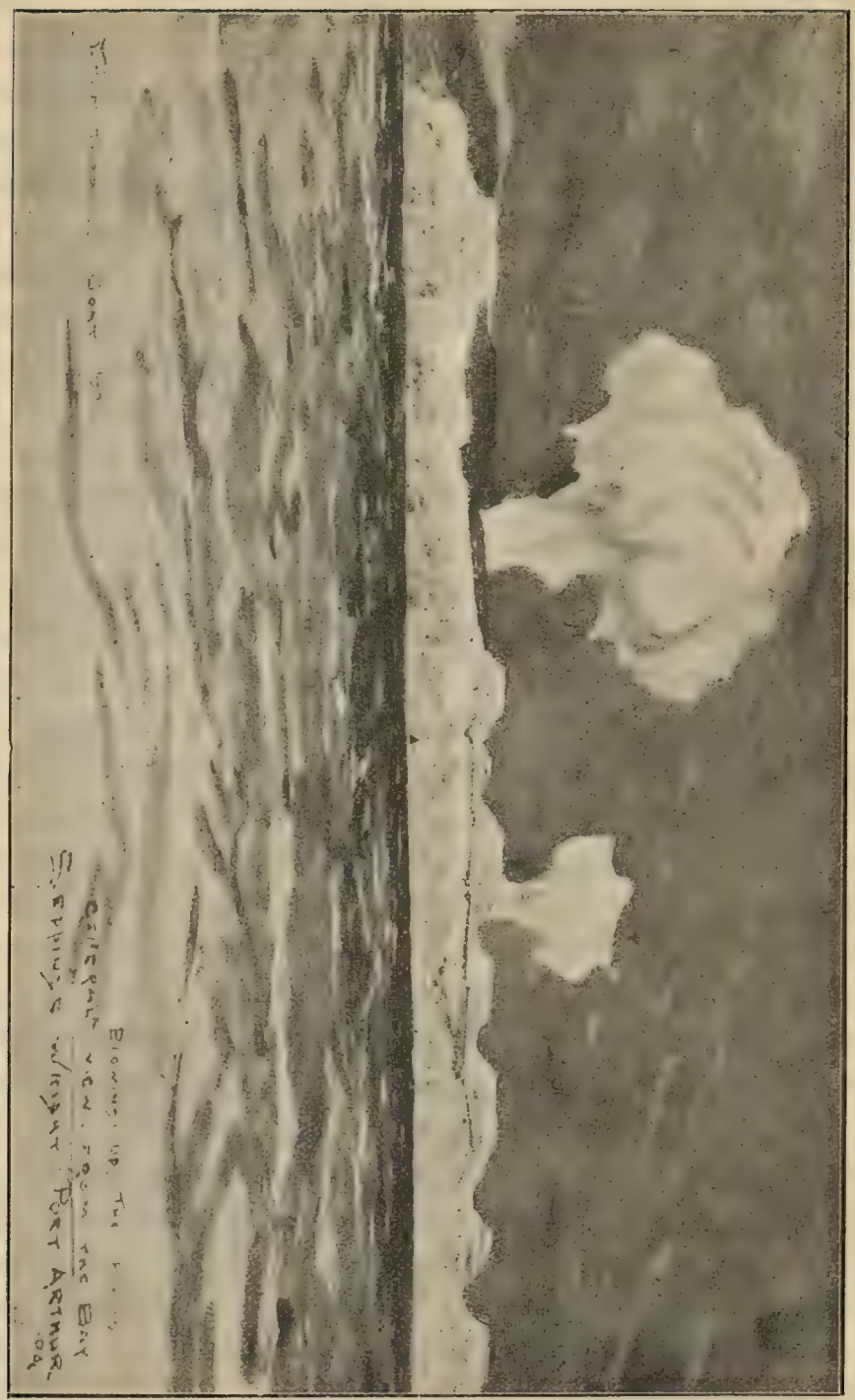
рому можно было опознать собственныя суда, но только на разстояніи 500—600 ярдовъ. Но, повидимому, вся энергія гарнизона и морскихъ силъ была направлена на отраженіе сухопутной атаки. Гулъ орудій и болѣе рѣзкій звукъ разрывавшихся гранатъ не умолкалъ ни на минуту. Озарявшія небо свѣтовыя ракеты представляли изъ себя замѣчательно красивое зрѣлище. Огонь поддерживался съ одинаковымъ напряженіемъ до полуночи, послѣ чего внезапно прекратился. Впослѣдствіи мы узнали, что Сѣверный фортъ нѣсколько разъ переходилъ въ японскія руки, но русскіе такъ хорошо окопались на господствующихъ позиціяхъ, имѣя при себѣ пулеметы, что японцамъ не удалось удержать фортъ за собой. Только послѣ полуночи я сошелъ внизъ, увлеченный и ослѣпленный разыгравшейся предо мной потрясающей драмой.

Погода была почти одинаковая съ бывшей во время взрыва истребителя и слѣдуетъ сознаться, что по временамъ мнѣ невольно становилось очень жутко. Какъ бы тамъ ни было, но уйдя въ каюту, я хорошо проспалъ до разсвѣта. Море вполнѣ успокоилось и было густого темно-лилово-синяго цвѣта подъ сводомъ лазурнаго неба. Звѣзды померкли и на портъ-артурскихъ твердыняхъ сверкали лучи восходящаго солнца. Заливъ имѣлъ очень мирный видъ. Можно было бы вообразить себя совершающимъ увеселительную поѣздку, если бы не свистъ бомбъ и снопы искръ, разсыпавшихся при взрывѣ. Всѣ мои идиллическія мечтанія были грубо прерваны внезапнымъ взрывомъ мины за нѣсколько ярдовъ впереди насъ. При взрывѣ она выбросила на громадную высоту вертикальную колонну пѣны вмѣстѣ съ прозрачнымъ

коричневымъ дымомъ. На минуту я думалъ, что на воздухъ взлетѣлъ одинъ изъ нашихъ миноносцевъ. Только пересчитавъ ихъ нѣсколько разъ, я убѣдился, что всѣ четыре совершенно цѣлы и невредимы. Когда стало совсѣмъ свѣтло, я замѣтилъ двѣ джонки, стоявшія на якорѣ; одна была выкрашена въ красный, а другая въ бѣлый цвѣтъ, подобно тому, какъ отмѣчаются границы при обыкновенныхъ гребныхъ гонкахъ. Мнѣ сказали, что онѣ поставлены для обозначенія предѣловъ рандеву В.

Съ нашей палубы мы могли ясно различать въ Портъ-Артурѣ окна домовъ, сосчитать орудія на Золотой Горѣ и разсмотрѣть всѣ траншеи, прикрытія и траверсы, соединенные другъ съ другомъ цѣлой сѣтью тропинокъ. Можно даже было видѣть нѣкоторые изъ русскихъ броненосцевъ, такъ какъ ихъ мачты и боевые марсы возвышались надъ Тигровымъ Хвостомъ. Прямо противъ входа въ гавань высоко на склонѣ холма были нарисованы два большихъ бѣлыхъ треугольника,—створные знаки для входа кораблей.

Сраженіе съ тѣмъ-же ожесточеніемъ продолжалось и весь слѣдующій день. Мы собственно видѣли очень мало, потому что бой шелъ за обладаніе фортомъ, находившимся внѣ нашего кругозора. Вдругъ сильный взрывъ на сушѣ потрясъ наше маленькое суденышко. Густое облако бѣлаго дыма медленно и величественно поднялось изъ земли и постепенно приняло форму гигантскаго гриба, превосходившаго размѣрами всѣ, когда либо видѣнныя мной, грозовыя тучи. Три раза мы наблюдали огромнѣйшее облако дыма и три раза слышали оглушающій гулъ чудовищныхъ взрывовъ. Захлопавъ въ ладоши, мы за-



Видъ взрыва фугаса на берегу съ нашего миноносца. Рандеву В.

кричали „банзай“, предполагая, что русскіе взрываютъ пороховой погребъ передъ сдачею форта, но по возвращеніи въ гавань капитанъ „Никко-Мару“ объяснилъ намъ, что эти взрывы происходили отъ новаго (?) ужаснаго оружія—минъ, заложенныхъ въ землѣ (фугасы). Я разсматривалъ съ большимъ интересомъ берега и общій характеръ скалъ при входѣ въ Портъ-Артуръ, гдѣ русскіе разбросали тысячи минъ и поставили боны, сдѣлавъ входъ невозможнымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова для всякаго корабля, не обладавшаго ключомъ къ фарватеру. Вдругъ трехтрубный броненосецъ медленно вышелъ изъ гавани и отдалъ якорь на внѣшнемъ рейдѣ, полномъ такихъ драматическихъ воспоминаній. Различить его названіе было невозможно. Командующій отрядомъ сдѣлалъ какой-то сигналъ, и мы тотчасъ всѣ понеслись въ море, скользя по водамъ, какъ стая нырковъ.

Русскіе сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но снаряды падали отъ насъ на далекомъ разстояніи. Наши 11-дюймовые снаряды скоро заставили русскій броненосецъ отойти подъ прикрытіе Тигроваго полуострова. Это былъ Ретвизанъ,—одинъ изъ самыхъ лучшихъ броненосцевъ въ мірѣ. Всѣ наши разговоры и мысли были сосредоточены на возможности того, что насъ пошлютъ ночью атаковать русскій броненосецъ, но до заката солнца онъ вошелъ на внутренній рейдъ, и тѣмъ положилъ конецъ всѣмъ нашимъ предположеніямъ.

Въ этотъ день русскіе тралящіе пароходы не выходили. Донесенія, полученныя изъ нашей арміи сообщали, что при послѣдней бомбардировкѣ въ гавани было потоплено нѣсколько маленькихъ пароходи-

Взрывъ японской 11″ бомбы, снаряженной шимозе.

Русскій тралящій караванъ.

„Ретвизанъ“. Русскій истребитель.

Новая русская батарея на мысу.

ковъ—по всей вѣроятности это и были пароходы, занимавшіеся траленіемъ. За завтракомъ нашъ командиръ снова взялъ на себя обязанность повара, состряпавъ очень вкусную яичницу. Срокъ нашему 24-часовому дежурству истекалъ въ полдень. По приходѣ смѣны, миноносецъ возвратился въ гавань для обычнаго суточнаго отдыха. Почти всѣ запасы угля, воды и провизіи были израсходованы. Командующій отрядомъ сигналомъ приказалъ намъ подойти къ своему транспорту-базѣ, около котораго уже грузилось три миноносца. Скоро образовался цѣлый плотъ: семь штукъ миноносцевъ стояли рядомъ и усердно грузились углемъ. Несущій активную службу миноносецъ своимъ наружнымъ видомъ ничуть не напоминаетъ той чистоты съ иголочки, годной для парадныхъ смотровъ, къ которой мы привыкли въ мирное время. Борты его въ царапинахъ и зазубринахъ; палуба напоминаетъ эмигрантскій пароходъ съ загроможденной грузомъ палубой. Тросовые мантелеты надъ мостиками и незащищенными частями придаютъ миноносцу неуклюжій и громоздкій видъ.

Мачты на истребителяхъ снабжены вороньимъ гнѣздомъ изъ парусины. Находящійся тамъ часовой взбирается туда по веревочной лѣстницѣ. Оснастка тяжеловѣснѣе, чѣмъ у миноносца: одинъ небольшой рей *) снабженъ блоками для сигнальныхъ флаговъ, другой—приспособленъ для безпроволочнаго телеграфа. На высокой, стройной, будто упирающейся въ небо бамбуковой стеньгѣ развѣвается флагъ командующаго отрядомъ. На лѣвомъ шкафутѣ нахо-

*) Дерево на мачтѣ, висящее горизонтально. Въ парусныя времена это дерево служило для прикрѣпленія къ нему паруса—теперь-же на концахъ этого дерева поднимаются сигналы. *Ред.*

дится парусинная ванна; около трубъ команда вѣшаетъ для просушки свои маленькія японскія полотенца. Между трубами натянута веревка для развѣшиванья платья. Вся остальная палуба загромождена ящиками разныхъ величинъ, тюками, плетеными корзинками для птицы и т. п. На кормѣ обыкновенно сидитъ

Транспортъ-база для миноносцевъ въ „извѣстной бухтѣ“.

пара соколовъ или голубей,—любимцевъ экипажа, который считаетъ ихъ талисманомъ, приносящимъ ему счастье. Общимъ баловнемъ нашего миноносца была утка, летавшая обыкновенно по всей гавани, но постоянно къ намъ возвращавшаяся, какъ бы для того, чтобы убѣдиться, стоимъ ли мы попрежнему на своемъ мѣстѣ. Вывѣшенныя на просушку ярко красныя одѣяла своимъ рѣзкимъ цвѣтомъ нарушали

монотонно-сѣрую боевую окраску миноносца, выдѣляясь на немъ яркими пятнами.

Погода сдѣлалась пасмурной и дождливой. Если только русскіе замышляли отъ насъ ускользнуть, лучше этой погоды придумать было нельзя! Но эта погода—идеальная для русскаго флота, заставила насъ

Въ „извѣстной бухтѣ".

волноваться и все время быть на чеку. Каждую минуту мы ожидали условнаго сигнала, который долженъ былъ осуществить одно изъ самыхъ честолюбивыхъ мечтаній моей жизни—присутствовать при морскомъ сраженіи. Сигналъ адмирала Того былъ кратокъ: онъ состоялъ всего изъ пяти красныхъ вспышекъ—точка, три тире, точка *). Увидѣвъ его,

*) Короткая вспышка сигнальнаго фонаря обозначаетъ точку, длинная—тире. Изъ комбинацій точекъ и тире составляются буквы и слова по системѣ, соотвѣтствующей телеграфной азбукѣ Морзе.
Ред.

всякій корабль въ гавани долженъ былъ тотчасъ сняться съ якоря и полнымъ ходомъ направиться на впередъ указанное рандеву. Такимъ образомъ, это былъ сигналъ для сосредоточенія флота. Мѣсто миноносцевъ при этомъ было назначено въ тылу. Въ рѣшительномъ сраженіи миноносцы играютъ роль резерва, представляя собою родъ „морской кавалеріи“.

День прошелъ безъ всякой тревоги. На слѣдующее утро я получилъ по безпроволочному телеграфу разрѣшеніе адмирала Того осмотрѣть сигнальную станцію, которую я окрестилъ именемъ: „Глаза Того“. Сторожевая шлюпка перевезла насъ къ китайскому городку. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, возникшихъ изъ за мелководья, мы стали рядомъ съ большой китайской джонкой и съ нея уже вышли на берегъ по сходнямъ. Сигнальная станція расположена на самой высокой точкѣ полуострова. Взбираться туда нужно по заросшей тропинкѣ, извивающейся по склону горы. Со мной отправился мой капитанъ, чтобы лично познакомить меня съ молодымъ лейтенантомъ, завѣдывавшимъ станціей. По своей грязи этотъ китайскій городъ не представлялъ исключенія. Дома выходили заднимъ фасадомъ на берегъ, что было весьма удобно для выбрасыванія всякой грязи и домашняго сора. Затѣмъ все это оставлялось спокойно гнить, пока приливная волна или какое-нибудь другое атмосферное явленіе не очищало берегъ отъ этой разлагающейся массы всякой гнили. Такъ какъ улицы города не были чище, мы пошли по берегу, придерживаясь самаго края моря. У подножія холма начиналась тропинка. Послѣ крутого подъема мы добрались до сигнальнаго лагеря, состоявшаго всего изъ одной па-

латки и длиннаго тента, укрѣпленнаго на оттяжкахъ изъ желѣзной проволоки. Отъ ярости бурь его защищала крѣпкая каменная стѣна. Прежде всего мы зашли въ палатку, чтобы познакомиться съ офицеромъ. Угостивъ насъ чаемъ и папиросами, онъ любезно повелъ насъ на вершину для осмотра простого, но очень важнаго сигнальнаго аппарата. На самой вершинѣ скалы была расчищена небольшая площадка около 12 или 14 квадратныхъ футъ и крѣпко вбитъ бамбуковый флагштокъ. На отвѣсномъ перешейкѣ, соединявшемъ крайнюю скалу съ материкомъ, находился наблюдательный постъ. Здѣсь на треножникѣ была установлена подзорная труба съ сильнымъ увеличеніемъ. Ящикъ изъ подъ вещей замѣнялъ сидѣнье. Три матроса, чередуясь между собой, зорко слѣдили за всѣми измѣненіями и передвиженіями при входѣ въ портъ-артурскую гавань, ни на секунду не отрывая глазъ отъ трубы. Если все оставалось спокойно, адмиралу Того доносили объ этомъ сигналами каждый часъ, но при малѣйшемъ движеніи со стороны русскихъ, конечно, его извѣщали объ этомъ немедленно. Посмотрѣвъ въ трубу, я ясно могъ различить русскихъ солдатъ. Непріятельская сигнальная станція была, какъ на ладони. Видно было, какъ русскіе постоянно старались сбить нашъ флагштокъ, выбирая его мишенью для своей стрѣльбы,—но достичь этого имъ никогда не удавалось.

Мы пробыли на сигнальной станціи около часу, любуясь видомъ. Съ точки зрѣнія художника, выбравшаго сюжетомъ скалы,—онъ неподражаемъ. Полуостровъ оканчивается высокимъ мысомъ, который въ перспективѣ уходитъ прямо въ океанъ. Изъ голубого моря поднимаются живописные утесы. Волны

и бури изрыли скалы причудливыми гротами и пещерами и выточили такія дивно пропорціональныя арки, какъ будто онѣ сдѣланы по плану архитектора. Скала, на которой находится платформа, такъ отвѣсно обрывается съ обѣихъ сторонъ, что, смотря внизъ, я почувствовалъ головокруженіе. Въ скоромъ времени я услышалъ, что одинъ изъ матросовъ нечаянно оступился и упавъ, конечно, убился на мѣстѣ.

ГЛАВА VIII.

Транспортъ—база для миноносцевъ. Приключеніе съ англійскимъ капитаномъ. Вторичное свиданіе съ Того. Я присутствую при вылавливаніи минъ. Китайскій магазинъ. Выборъ мѣста для моей палатки. Видъ битвы съ птичьяго полета. Я раскидываю палатку на Со-шо-занѣ. Въ зонѣ опасности. Приказаніе перенести палатку въ болѣе безопасное мѣсто. Окончательно устраиваюсь лагеремъ на гребнѣ горы.

„Никко-Мару“—это транспортъ—база и къ нему былъ приписанъ и миноносецъ № 67.

Лейтенантъ Матсумура былъ такъ любезенъ, что показалъ мнѣ весь корабль. Онъ построенъ въ Нагасаки обществомъ Миши-биши, весь изъ стали и является однимъ изъ лучшихъ и новѣйшихъ прибавленій къ отряду вспомогательныхъ крейсеровъ Того. На немъ установлено восемь орудій. Шканцы были переполнены боевымъ матеріаломъ, главнымъ образомъ длинными ящиками съ могущественными 18-дюйм. минами. Въ число „материнскихъ“ обязанностей „Никко-Мару“ входило снабженіе миноносцевъ углемъ, водой и запасами. На борту его находилась потребительная лавка, гдѣ офицеры и матросы могли покупать не только всѣ необходимыя мелочи, но и нѣкоторые предметы роскоши.

Мнѣ была отведена каюта лоцмана, въ которой

я жилъ въ тѣ промежутки времени, когда я не находился на миноносцѣ № 67.

Тутъ я писалъ, рисовалъ и проявлялъ свои фотографіи.

Мои друзья съ миноносцевъ пользовались этой каютой, какъ клубомъ; здѣсь мы встрѣчались и разсуждали о Портъ-Артурѣ и всѣхъ происшествіяхъ, въ которыхъ были участниками.

Въ этомъ „клубѣ“ я услышалъ, что недавно одинъ англійскій капитанъ едва спасся отъ смерти. Эту новость передалъ мнѣ одинъ офицеръ, только что возвратившійся съ рандеву.

Вышедшее изъ Хань-коу англійское судно, величиной всего въ 650 тоннъ, направлялось въ Вей-ха-Вей. Сдѣлавъ ошибку въ своихъ вычисленіяхъ, оно приблизилось къ Портъ-Артуру, гдѣ наткнулось на мину. Деревянное судно разлетѣлось въ дребезги. Два англійскихъ штурмана и команда, набранная изъ китайцевъ, всѣ утонули. Но капитанъ уцѣпился за спасательный буекъ, на которомъ ему удалось удержаться, хотя онъ и былъ сильно раненъ въ кисть руки.

Его спасли японцы и доставили на „Миказу“, откуда его переслали въ Сасебо для передачи англійскому консулу. Я опасаюсь, что этому англичанину пришлось бы плохо, если бы вмѣсто японцевъ, онъ попалъ въ плѣнъ къ русскимъ! Какъ говорили мои японскіе друзья, они, вѣроятно, раньше бы его застрѣлили, а затѣмъ уже предали суду.

Съ моей каютой на „Никко-Мару“ былъ связанъ еще одинъ интересный фактъ: одно время ее занималъ нѣкій таинственный г. Томасъ, должно быть пользовавшійся популярностью между офицерами, которые отзывались о немъ съ большой похвалой.

Они говорили, что онъ и я были единственными англичанами, съ энтузіазмомъ хвалившими чудную постановку японскаго морского дѣла.

Рядомъ съ моей каютой находилась ванная, поэтому многіе офицеры присутствовали на этихъ импровизированныхъ митингахъ въ своихъ кимоно по дорогѣ въ ванную или по возвращеніи оттуда.

Двѣ маленькія китайскія собачки, недавно подобранныя съ джонки, прорывавшейся черезъ линію блокады, тоже выбрали мою каюту своимъ постояннымъ мѣстожительствомъ.

Мать была красивая собака каштановаго цвѣта съ карими глазами, ласковыми, какъ у женщины. У ея сына, Чизи, чернаго щенка съ коричневыми подпалинами, была очень интересная нижняя челюсть, совсѣмъ маленькая и неразвитая, придававшая ему граціозно-кокетливое выраженіе. Чизи даже было трудно открывать ротъ для ѣды и этотъ недостатокъ дѣлалъ его очень раздражительнымъ.

Кромѣ того, если я указывалъ пальцемъ на его уродливую челюсть, онъ страшно оскорблялся и со злобой кидался на меня. Но, несмотря на такую обидчивость, въ общемъ это была славная собачонка и мы жили очень дружно.

Поперемѣнное странствованіе на рандеву въ заливъ и возвращеніе въ гавань для отдыха становились для меня столь-же утомительнымъ своимъ однообразіемъ, какъ вѣчное топтанье на одномъ мѣстѣ для лондонскаго полицейскаго. Исключеніемъ являлись тѣ случаи, когда русскіе, выбравъ насъ своей мишенью, начинали упражняться въ стрѣльбѣ въ цѣль. Иногда я отправлялся на „Миказу“ повидаться съ адмираломъ Того, который всегда былъ на своемъ

посту. Желая написать картину сраженія подъ Портъ-Артуромъ на возможно близкомъ разстояніи, я попросилъ у него разрѣшенія отправиться на берегъ. Онъ поинтересовался узнать, какъ я предполагаю устроиться. Я сказалъ, что у меня съ собой палатка и всѣ необходимыя лагерныя принадлежности и мнѣ нужно только его разрѣшеніе.

Онъ любезно отвѣтилъ, чтобы я не безпокоился, и какъ только онъ все устроитъ, онъ дастъ знать мнѣ объ этомъ сигналомъ. Возвратившись на „Никко-Мару“ въ самомъ радужномъ настроеніи, я сейчасъ же пересмотрѣлъ всѣ свои лагерные запасы, чтобы убѣдиться, что палатка, оттяжки, колья и другія необходимыя принадлежности находятся въ полномъ порядкѣ.

Въ ожиданіи сигнала Того, я сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ поѣздокъ. Одной изъ самыхъ возбуждающихъ нервы было вылавливаніе плавучихъ минъ. Въ будущихъ морскихъ операціяхъ выдающуюся роль будутъ играть суда, вылавливающія мины.

Въ настоящее время для этого употреблялись обыкновенные купеческіе пароходы. На бакѣ (носъ парохода) устраивалось приспособленіе изъ четырехъ длинныхъ шестовъ съ необходимой оснасткой для того, чтобы придерживать четырехугольную сѣть. Посредствомъ этого приспособленія сѣть выдвигается по крайней мѣрѣ на разстояніе тридцати футъ отъ корабля. Опустивъ въ воду этотъ огромный неводъ приблизительно на глубину двадцати футъ, корабль двигается впередъ, вылавливая попадающіяся на пути мины. Способъ этотъ нѣсколько напоминаетъ ловлю креветокъ, но только въ большемъ размѣрѣ. На этотъ разъ наши поиски не дали никакихъ результатовъ,

но я все таки былъ очень доволенъ, что увидѣлъ это дѣло на практикѣ. Очень понятно, насколько опасна эта работа: если сѣть не выловитъ мину, она неминуемо взорветъ корабль. Японцы такимъ образомъ потеряли много судовъ, а потому, впослѣдствіи, они употребляли для этой работы только старые пароходы, не представлявшіе большой цѣнности. Капитанъ и офицеры старались объяснить мнѣ все самымъ точнымъ и подробнымъ образомъ. Послѣ ихъ цѣнныхъ разъясненій, если-бы мнѣ пришлось строить такое судно, я могъ-бы обезпечить ему выполненіе этой работы съ большей точностью и меньшимъ рискомъ для команды. Мы искали главнымъ образомъ тѣ мины, которыя сорвались съ якорей и носились въ волнахъ, потому что упорнымъ трудомъ фарватеръ въ ближайшемъ сосѣдствѣ былъ почти уже совершенно расчищенъ отъ поставленныхъ минъ.

На слѣдующій день я поѣхалъ на берегъ, чтобы выбрать мѣсто для своей палатки, взявъ съ собой матеріалы для рисованія и провизіи на одинъ день.

Капитанскій катеръ доставилъ насъ на берегъ меньше, чѣмъ въ полчаса. Меня сопровождали въ видѣ охраны лейтенантъ Матсумура, кондукторъ и два матроса, опасаясь, что моя чужестранная внѣшность можетъ повлечь за собой непріятности.

Мы зашли въ китайскую лавку. Подобно сосѣднимъ строеніямъ, она была въ такомъ разрушенномъ и грязномъ видѣ, что невольно напрашивалась мысль о полномъ застоѣ торговли и безъисходной бѣдности владѣльца. Повидимому все семейство, за исключеніемъ женщинъ, согласно китайскому обычаю, находилось за прилавкомъ.

По крайней мѣрѣ, мнѣ всегда казалось, что у нихъ гораздо больше продавцовъ, чѣмъ покупателей. Товаръ въ лавкѣ состоялъ изъ различныхъ грубо обдѣланныхъ земледѣльческихъ орудій мѣстнаго производства и нѣкоторыхъ европейскихъ товаровъ, включая сюда пиво въ бутылкахъ. Въ углу стоялъ большой кувшинъ, размѣромъ и формой похожій на тѣ, которые воображеніе рисуетъ играющими такую важную роль въ исторіи Али-Бабы и сорока разбойниковъ. Поверхность его была покрыта густымъ слоемъ мертвыхъ насѣкомыхъ, что заставило меня предположить, что это огромныхъ размѣровъ мухоловка. На подставкѣ рядомъ стояло нѣсколько омерзительно грязныхъ, жирныхъ посудинъ, сдѣланныхъ изъ выдолбленныхъ тыквъ съ длинными бамбуковыми рукоятками. Я терялся въ догадкахъ, для какого употребленія можетъ стоять здѣсь эта грязная посуда, но въ это время самый старый китаецъ началъ переливать въ одинъ изъ этихъ сосудовъ часть содержимаго изъ большаго кувшина. Когда онъ зачерпывалъ ложкой, я увидѣлъ, что это какая-то протухшая маслянистая жидкость, нѣчто вродѣ свѣтлой патоки. Это растительное масло, употребляемое китайцами для стряпни.

Потребовались большія ухищренія для того, чтобы купить все необходимое.

Матсумура писалъ китайскія буквы въ воздухѣ и на прилавкѣ, указывая такимъ образомъ на свое желаніе писать. Черезъ нѣкоторое время китаецъ понялъ и досталъ свою кисточку, чернила и бумагу, на которой Матсумура изложилъ мои требованія.

Отмѣчаю, какъ любопытный фактъ, что хотя многіе японцы посѣщаютъ Китай по дѣламъ и про-

сто для удовольствія, для нихъ совершенно также трудно, какъ и для европейцевъ, усвоить разговорный китайскій языкъ. И это несмотря на то, что въ японскомъ языкѣ почти не существуетъ иныхъ буквъ, кромѣ китайскихъ. Вслѣдствіе этого, не будучи въ состояніи разговаривать между собой, они легко могутъ переговариваться письменно. Мнѣ часто случалось это наблюдать во время моей службы въ японскомъ флотѣ, посѣщая маленькіе уединенные островки. За неимѣніемъ подъ руками письменныхъ принадлежностей, береговой песокъ, или первое попавшееся чистое мѣсто въ полѣ или на дорогѣ, вполнѣ отвѣчали цѣли. Часто такимъ образомъ письменно велся длинный разговоръ.

Мы прошли мимо китайской фанзы, въ которой былъ расположенъ одинъ изъ сторожевыхъ пикетовъ генерала Ноги. Командовавшій офицеръ сказалъ, что относительно меня имъ получены инструкціи. По выборѣ мною мѣста для палатки, онъ долженъ былъ убѣдиться въ его пригодности и безопасности, такъ какъ тяжелыя русскія орудія иногда обстрѣливали сосѣдніе холмы. Нанявъ на одинъ день осла и нагрузивъ его провизіей, бутылками съ водой, матеріалами для рисованія, мы двинулись въ путь съ такимъ же весельемъ, какъ компанія шаловливыхъ школьниковъ. Дорога вела черезъ городъ. Неровная площадь вся въ ухабахъ, казалось, была отведена въ полное пользованіе канатныхъ заводчиковъ. Нисколько не принимая въ разсчетъ требованій уличнаго движенія, повсюду были разставлены временные станки и работа производилась посреди всей уличной суматохи.

Далѣе дорога была загромождена различными

ремесленниками съ ихъ инструментами—кузнецами, сапожниками и т. п. А въ каждомъ свободномъ уголкѣ торчали разносчики! Должно быть, владѣнія купцовъ простираются до середины улицы и они получаютъ съ разносчиковъ небольшую плату за право торговли,—„выжиманіе“, какъ это называется въ Китаѣ.

Уличное движеніе почти совершенно замерло на этомъ импровизированномъ базарѣ: двигался тотъ, кому это удавалось. Но китайскій полицейскій какъ будто совершенно не замѣчалъ этихъ задержекъ. Онъ также получалъ маленькое „выжиманіе“ отъ всѣхъ лавочниковъ, которое не только совершенно успокаивало его душу, но, по его мнѣнію, снимало съ него всякую отвѣтственность.

Выбравшись изъ города, мы пошли по краю солоноватаго озерка, имѣвшаго видъ неправильнаго треугольника. На одной сторонѣ его расположенъ городъ живыхъ, на другой—городъ мертвыхъ. Подпочвенная вода съ кладбища и гніющіе городскіе отбросы, вѣроятно, переполнили все озерко миріадами бациллъ. Я увѣренъ, что болѣзнетворные организмы можно тамъ измѣрять кубическими ярдами, но плескавшіяся утки съ видимымъ наслажденіемъ жадно глотали этотъ отвратительный растворъ. Здѣсь же стирали всѣ домашнія вещи. Я нисколько не сомнѣваюсь, что если бы какому-нибудь выродку—китайцу захотѣлось выкупаться, онъ несомнѣнно пошелъ бы именно сюда, чтобы прибавить и свою лепту въ этотъ переполненный заразными бациллами прудъ.

Сосѣднія пустынныя горы имѣютъ своеобразную дикую красоту. Особенный интересъ придаетъ имъ еще тотъ фактъ, что именно здѣсь шелъ бой въ

первый періодъ осады и русскіе очень упорно старались удержать за собой занятую ими позицію. Между этимъ мѣстомъ и Портъ-Артуромъ русскіе установили телеграфъ и телефонъ. По мнѣнію моихъ японскихъ друзей, „это было очень любезно и предусмотрительно со стороны Алексѣева, такъ какъ избавило ихъ отъ массы хлопотъ“. Конечно, проводъ тотчасъ же отвели въ главную квартиру Ноги, устроивъ такимъ образомъ прямое сообщеніе между нимъ и адмираломъ Того. У подошвы горъ тропинка переходитъ черезъ каменистое, усѣянное голышами русло горнаго потока; въ виду сухого времени года вода тамъ находилась только въ самыхъ глубокихъ ямкахъ. Туземныя китайскія тропинки не отличаются ровностью; та, по которой мы шли, вполнѣ подтверждала общее правило. Уже при началѣ подъема я почувствовалъ, что потерялъ привычку ходить по горамъ.

Солнце ярко свѣтило. Дорога была почти безлюдна; за все время мы встрѣтили только торговца рыбой и китайскаго мелочнаго разносчика, которые несли свой товаръ на манеръ нашихъ молочницъ, затѣмъ небольшую вереницу навьюченныхъословъ и нѣсколько японскихъ кавалеристовъ, ведшихъ въ поводу своихъ лошадей. Горы довольно пустыннаго вида и не отличаются богатой растительностью; на нихъ растетъ преимущественно жесткая трава и мелкіе, хилые кустарники. Изъ цвѣтовъ я замѣтилъ не крупные колокольчики, маргаритки розово-желтоватаго цвѣта и чертополохъ; кое-гдѣ по скаламъ цѣплялся дикій виноградъ, а между камнями ютился родъ карликоваго дуба съ широкими листьями. По всѣмъ предположеніямъ, здѣсь есть богатыя мине-

ральныя залежи: между сланцемъ выдѣлялись рѣзко обозначенными линіями слои кварца. Общій характеръ мѣстности благопріятствуетъ разведенію овецъ; я замѣтилъ стада ангорскихъ козъ и нѣсколько хорошихъ выносливыхъ лошадей. Съ большими усиліями мы то поднимались, то спускались, пока наконецъ не дошли до перевала, лежащаго на вершинѣ перваго хребта. На этой вышинѣ жара умѣрялась холоднымъ вѣтромъ и мы съ удовольствіемъ освѣжились послѣ нашего утомительнаго карабканья.

Съ этого пункта передъ нашими глазами развернулось глубоко заинтересовавшее насъ зрѣлище. Происходившее вдалекѣ сраженіе было все-таки настолько близко, что ухо могло отличить трескъ ружей отъ гула тяжелыхъ орудій и рѣзкаго покашливанія разрывныхъ гранатъ.

Но намъ предстояло взобраться еще на одну гору и какъ намъ этого ни хотѣлось, но время не позволяло остановиться и посмотрѣть на битву.

Слѣдуя вдоль извилистаго горнаго отрога, мы дошли до узкой тропинки, приведшей насъ къ слегка наклонному плоскогорію, защищенному отъ сѣверныхъ вѣтровъ естественными валами изъ скалъ. По моему мнѣнію, это было самое подходящее мѣсто для того, чтобы разбить мою палатку.

Горы спускались къ морю огромными уступами, которые достигали до тридцати футъ вышины... А внизу, точно на картѣ, разстилался весь Портъ-Артурскій заливъ, гдѣ ясно были видны каждая скала, каждый островокъ и каждый корабль. Заливъ простирался до самыхъ краевъ горизонта. Самый дальній распознаваемый пунктъ былъ рандеву Того: большой круглый утесъ казался темнымъ пятномъ

на полированной серебряной полосѣ отсвѣта на водѣ утренняго солнца. Дымъ броненосцевъ Того стлался темными линіями въ густой атмосферѣ. Я могъ различить отряды миноносцевъ, шедшихъ на смѣну въ заливъ и даже съ помощью подзорной трубы я могъ видѣть островки, отмѣчавшіе крайніе предѣлы блокады.

Намъ предстояло подниматься еще около 400 футъ. до вершины горы. Усталые, мы поплелись по извилистой козьей тропинкѣ, шедшей зигзагами, ежеминутно скользя и падая на короткой гладкой травѣ. Пройдя небольшую лощинку, мы добрались до вершины.

Открывшаяся панорама была одной изъ самыхъ замѣчательныхъ, которыя когда-либо мнѣ доводилось видѣть. Треугольное плато съ сигнальнымъ шестомъ находилось на самой вершинѣ. Горизонтъ не прерывался нигдѣ, кромѣ одного направленія, гдѣ вершина Шо-хо (двухголовая) закрывала очень небольшую часть поля сраженія.

Къ западу, въ пыли, дыму и грохотѣ битвы лежалъ Портъ-Артуръ. Холмы въ городѣ и вокругъ него были изрѣзаны сѣтью траншей. На ихъ вершинахъ коричневаго цвѣта была выжжена вся растительность опустошительнымъ огнемъ японскихъ орудій. Вокругъ насъ и надъ нами небо было ясно-голубого цвѣта, но надъ городомъ висѣли тучи.

Казалось, тамъ находились всѣ разновидности облаковъ, начиная отъ легкихъ перистыхъ до черныхъ грозовыхъ и надвигающихся тяжелыхъ кучевыхъ... Но изъ этихъ облаковъ лились смерть и разрушеніе.

Они были, въ буквальномъ смыслѣ слова, облаками войны. Болѣе легкія и свѣтлыя происходили

отъ взрыва гранатъ, разрывавшихся въ видѣ парашютовъ; тяжелыя кучевыя отъ чернаго порохового дыма русскихъ орудій большаго калибра; порохъ шимозе давалъ грозовыя облака съ кругообразными огненными стрѣлами, являвшимися при разрывѣ бомбъ, начиненныхъ этимъ могущественнымъ взрывчатымъ веществомъ.

Зрѣлище, открывавшееся передъ нашими глазами, было очень красиво, но барабанная перепонка сильно страдала отъ треска и грохота этихъ губительныхъ снарядовъ.

При входѣ въ портъ-артурскую гавань работало шесть минныхъ судовъ, а нѣсколько миноносцевъ и рыбачьихъ лодокъ двигались взадъ и впередъ по небольшой водной площади... Только эту безконечно малую частицу видимаго огромнаго пространства могла назвать могущественная Россія своей! Сзади Портъ-Артура поднимался трагическій *) 203-метровый холмъ; налѣво находился полуостровъ Ляотешанъ. Дымные смерчи, поднимавшіеся съ его вершины, указывали положеніе тяжелыхъ орудій. Русскіе генералы намѣревались выбрать эту возвышенность своимъ послѣднимъ убѣжищемъ.

Мирный заливъ Дальняго блестѣлъ на востокѣ, какъ изумрудъ, а дымъ, поднимавшійся изъ его высокихъ фабричныхъ трубъ, напоминалъ о промышленности. Горы между нами и этимъ прекраснымъ заливомъ уже носили названія, данныя имъ побѣдителями. Одинъ небольшой остроконечный холмъ,—Маленькій Фуджіяма, былъ такъ названъ въ

---

*) Когда японцы заняли эту гору (Высокая), они потопили съ нея всѣ русскіе корабли. *Ред.*

честь священной японской горы. У его подножія пролегала военная дорога, проведенная русскими для соединенія Дальняго съ находившейся внизу гаванью. Она шла по плодородной равнинѣ, окаймленной полями съ созрѣвающимъ хлѣбомъ... Это была прекрасная картина мира! Къ сѣверу панорама дополнялась непрерывною цѣпью горъ.

Мы продолжали наблюдать за ходомъ битвы, но склонявшееся къ западу солнце напомнило намъ, что мы должны быть на берегу до наступленія сумерокъ. Поспѣшно спустившись съ горы, мы добрались до берега въ 6 час. 30 мин., но низкій еще проливъ задержалъ насъ до семи часовъ и всетаки, чтобы добраться до катера, пришлось взять сампанъ.

Я очень обрадовался, увидя, что катеромъ командовалъ одинъ изъ моихъ друзей, наканунѣ вечеромъ отправившійся въ ночную экспедицію для постановки минъ. Онъ не вернулся во время и мы очень безпокоились объ его судьбѣ.

По его словамъ, причиной задержки была необходимость ожидать восхода луны. Затѣмъ пришлось укрыться за мысомъ и выжидать, пока не представится удобный случай благополучно уйти отъ русскихъ орудій. Онъ разсказывалъ о всемъ происшедшемъ въ шутливомъ тонѣ, но капитанъ сказалъ мнѣ, что не разсчитывалъ больше видѣть его живымъ, такъ какъ онъ слишкомъ рисковалъ, забравшись черезчуръ далеко.

Когда мы возвращались назадъ, на другомъ концѣ бухты взорвалась мина загражденія и выбросила въ воздухъ огромный столбъ чернаго дыма, вышиною почти въ 200 футъ. Мы пристали къ кораблю въ 7 ч. 30 минутъ.

Я долго не ложился спать въ этотъ вечеръ.

слѣдя за свѣтовыми ракетами и за разнообразно окрашенными вспышками при взрывахъ различныхъ снарядовъ.

Позавтракавъ рано утромъ, я отправился на берегъ со вчерашнимъ конвоемъ и съ капитанъ-лейтенантомъ Іонахара, которому также хотѣлось посмотрѣть на бой. Немного задержали насъ ослы: пришлось нанять двухъ свѣжихъ, потому что бѣдное животное, навьюченное наканунѣ моимъ багажомъ, сегодня захромало. Слухъ о моемъ прибытіи, должно быть, распространился очень широко, потому что весь городъ собрался смотрѣть на перваго высадившагося здѣсь англичанина. Дорога показалась мнѣ очень твердой, а ноги еще болѣли отъ вчерашняго хожденія по горамъ. Дойдя до первой вершины, мы увидѣли, что битва хотя еще продолжалась, но съ промежутками, то ослабѣвая, то усиливаясь. Сегодня японцы, овладѣвъ наканунѣ одной позиціей, нападали уже не такъ яростно. Однако же я замѣтилъ, что русскіе установили новую батарею въ четыре орудія.

Самое интересное зрѣлище было въ сторонѣ моря, гдѣ съ помощью минныхъ истребителей усердно работали тралящія суда. На противуположной сторонѣ Ляотешана одна изъ нашихъ канонерокъ поддерживала оживленную перестрѣлку съ русскимъ судномъ, которому наконецъ пришлось войти въ гавань. Сопоставляя этотъ фактъ съ тѣмъ, что русскіе очищали проходъ черезъ свои собственныя минныя загражденія у входа, приходилось предположить, что они намѣреваются прорваться во Владивостокъ.

Работавшій какъ разъ подъ нами минный истребитель нашелъ плавающую на поверхности мину; съ нашего мѣста прекрасно былъ видѣнъ весь ходъ

дѣйствій. Стрѣльба въ мину не дала никакихъ результатовъ; тогда истребитель ее поджогъ (?) *), а самъ бросился въ сторону полнымъ ходомъ со скоростью 25 узловъ. Эта мина поступила очень благородно, истративъ всю энергію на пламя и дымъ, хотя на случай несчастія, къ истребителю направился его товарищъ. „Ниссинъ“ и „Кассуга“, два итальянскихъ крейсера, проданныхъ японцамъ эльсвикской компаніей, держались миль на десять мористѣе **). За нимъ, на такомъ далекомъ разстояніи, что даже нельзя было его ясно различить, держался крейсеръ, грузившійся съ транспорта углемъ.

Наканунѣ меня такъ опалило солнце, что я отказался сопровождать лейтенанта Іонахара, который съ однимъ изъ моихъ провожатыхъ поднялся на самую высокую точку (Шо-хо), разсчитывая насладиться оттуда болѣе широкой панорамой.

Назадъ они пустились бѣгомъ, на перегонки, какъ школьники и возвратились совершенно измученные и запыленные, съ высунутыми языками отъ жажды. Бутылка холоднаго пива скоро возстановила ихъ утраченную энергію. Въ ихъ отсутствіе я занимался рисованіемъ. Китаецъ—погонщикъословъ оказался настоящимъ художественнымъ критикомъ: въ промежуткахъ охоты за насѣкомыми въ окрестностяхъ своей косы, онъ совершенно свободно и смѣло критиковалъ мой рисунокъ.

На этотъ разъ мы отправились домой раньше и

---

*) Это что-то странное. Трудно себѣ вообразить, какъ можно поджечь плавающую на водѣ мину, и что хочетъ выразить авторъ своими словами—the mine was set on fire—догадаться трудно. *Ред.*

**) Дальше по направленію къ открытому морю. *Ред.*

по кратчайшему пути. Передъ уходомъ Іонахара сдѣлалъ съ насъ съ помощью своей камеры нѣсколько очень удачныхъ снимковъ. Было очень забавно смотрѣть, какъ работавшія на поляхъ китайскія женщины быстро убѣгали при нашемъ приближеніи. Мы не сожалѣли о такой чрезмѣрной пугливости: внѣшній видъ ихъ былъ слишкомъ возмутителенъ и исключалъ всякое желаніе разсмотрѣть ихъ поближе. У горнаго источника мы остановились, чтобы напоить ословъ, и я опять замѣтилъ, о чемъ уже упоминалъ и раньше, что китайцы вообще очень сострадательны къ животнымъ.

Возвратившись на корабль въ шесть часовъ, я закончилъ день хорошимъ японскимъ ужиномъ изъ куринаго супа. Замѣтивъ, что изъ чайника плохо наливается чай, мой новый вѣстовой, Фукишима, быстро схватилъ чайникъ и началъ съ азартомъ дуть въ носикъ, пока не послышалось бульканье. Тогда онъ съ тріумфомъ налилъ мнѣ чашку, которую я смиренно выпилъ, не проронивъ ни одного слова.

Японскіе артиллеристы такъ пристрѣлялись, что снаряды ихъ взрывались какъ разъ въ самомъ Портъ-Артурѣ.

Возникалъ вопросъ, долго ли могутъ русскіе выдержать подобный огонь?

Но на другое утро форты и батареи молчали: японцы занялись земляными работами, а русскіе, вѣроятно, рѣшили не тратить понапрасну своихъ снарядовъ.

При слѣдующей поѣздкѣ на берегъ у меня уже не оказалось товарища—всѣ усердно занимались погрузкой угля. Внизу въ заливѣ, работали русскія тралящія суда, а одинъ миноносецъ дежурилъ у

входа. Эскадра Того держалась болѣе къ западу, какъ разъ противъ входа въ Портъ-Артуръ. Въ тотъ же вечеръ меня обрадовало полученное разрѣшеніе адмирала Того разбить мою палатку по близости передовыхъ линій, гдѣ я могъ рисовать задуманную мною картину атаки Портъ-Артура. Снова вытащилъ я свою палатку для осмотра и составилъ списокъ матеріаловъ, которые могли мнѣ понадобиться для приведенія всего въ порядокъ.

На рейдъ вошелъ миноносецъ, ведя на буксирѣ большую джонку, китайская команда которой имѣла обычный убитый видъ. Позднѣе разнесся слухъ, что оставшіяся суда владивостокской эскадры вновь вышли въ море съ намѣреніемъ соединиться съ портъ-артурскими кораблями.

Палатка моя, привезенная изъ Кабула, очень интересовала нашихъ матросовъ. Раскинувъ ее на палубѣ, я осмотрѣлъ всѣ принадлежности, чтобы все было въ полномъ порядкѣ. Мое лагерное снаряженіе, исключая личнаго багажа, состояло изъ палатки, кровати, одѣяла изъ овечьихъ шкуръ, манерки, чайнаго сервиза, сѣдла, сѣдельныхъ сумокъ, бамбуковъ для разныхъ потребностей, муки, рису, варенья, сухарей, сардинъ, масла, свѣчей и спичекъ. По моему разсчету, для перевозки всего этого требовалось шесть ословъ, считая двухъ только подъ палатку. Мѣшокъ для спанья изъ овечьихъ шкуръ былъ хорошо выколоченъ и провѣтренъ, потому что забравшіяся туда отъ собакъ блохи нашли мягкую шерсть весьма для себя удобной. Порошокъ отъ насѣкомыхъ и солнце скоро выгнали ихъ изъ уютнаго помѣщенія. Въ видѣ охраны и для прислуживанія мнѣ дали въ товарищи двухъ матросовъ. Было предусмотрѣно все,

касавшееся моего комфорта: съ корабля мнѣ должны были доставлять воду, а докторъ предполагалъ пріѣзжать, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Принимая въ разсчетъ возможность того, что корабль могъ получить приказаніе уйти на день или два къ мысу Садо и что посланнымъ со мной матросамъ пришлось-бы отправиться въ море, обязанность снабжать меня необходимой охраной переходила къ крейсеру „Кіото-Мару“.

„Дѣло въ томъ“, сказалъ капитанъ, „что адмиралъ Того возложилъ на насъ отвѣтственность за вашу безопасность“.

Вставъ на слѣдующее утро очень рано, я уложилъ всѣ свои вещи. Палатка и съѣстные припасы на мѣсяцъ уже были погружены въ большой сампанъ; къ восьми часамъ утра все было готово. Когда я сѣлъ въ лодку, докторъ перебросилъ туда Чизи. Новизна всего окружающаго совсѣмъ запугала маленькую собачонку и она самымъ жалкимъ образомъ дрожала во все время переѣзда. Кромѣ провожавшихъ офицеровъ, ѣхало еще нѣсколько матросовъ, посланныхъ для того, чтобы раскинуть палатку и помочь мнѣ устроиться на бивакѣ вполнѣ комфортабельно.

Намъ пришлось высадиться прямо на отмель, такъ какъ, хотя городокъ этотъ и существуетъ со временъ Конфуція, но не имѣется и слѣда какой-либо пристани. Собравшаяся толпа уличныхъ лѣнтяевъ и бродягъ смотрѣла на меня съ обычнымъ китайцамъ апатическимъ любопытствомъ.

Я пошелъ въ лавку уговориться насчетъ доставленія топлива—дерева и угля, а мой вѣстовой выбралъ нѣсколько старыхъ сосудовъ изъ-подъ масла, намѣреваясь устроить изъ нихъ печку. Въ лавкѣ

были солдаты; часовой комфортабельно сидѣлъ въ креслѣ у дверей. Сдѣлавъ визитъ офицеру, я познакомился съ господиномъ въ формѣ, оказавшимся китайскимъ переводчикомъ. Эта счастливая для меня встрѣча дала мнѣ возможность объяснить все, что мнѣ было нужно. Благодаря его помощи, мнѣ удалось достать шесть сильныхъословъ и нѣсколько погонщиковъ, стоявшихъ почти на такой же степени развитія, какъ и порученныя имъ животныя.

Кромѣ того, я нанялъ нѣсколько кули съ лопатами и кирками для расчистки мѣста подъ палатку, которую я рѣшилъ раскинуть такъ, чтобы входъ въ нее былъ со стороны Портъ-Артура. Почва была очень твердая и скалистая и только послѣ продолжительныхъ трудовъ намъ удалось разбить палатку. Шла обыкновенная артиллерійская перестрѣлка, и я замѣтилъ, что снаряды нѣкоторыхъ орудій съ новой батареи, нащупывавшей предѣлы дальности флагманскаго судна адмирала Ямада, рвались на сосѣднемъ отрогѣ горы, всего ярдахъ въ пятистахъ отъ меня. Я началъ сомнѣваться въ цѣлесообразности своего выбора мѣста. Появившійся кавалерійскій разъѣздъ съ двумя офицерами подтвердилъ мои сомнѣнія. Старшій изъ офицеровъ сказалъ мнѣ съ улыбкой, что русскіе сдѣлали очень большіе успѣхи со времени начала военныхъ дѣйствій и что ихъ артиллеристы особенно мѣтко попадаютъ въ палатки. Онъ командовалъ этимъ раіономъ и сказалъ мнѣ очень вѣжливо, но очень рѣшительно, что я долженъ покинуть опасную зону, на что я согласился съ большой готовностью. Итакъ, приходилось снова снять весь лагерь, навьючить его наословъ и выбрать новое мѣсто. Наконецъ я окончательно остановился

на небольшомъ плато, которое сразу бросилось мнѣ въ глаза. Время приближалось къ вечеру, когда мнѣ наконецъ удалось устроиться комфортабельно. Защищенность новаго мѣста отъ рѣзкихъ вѣтровъ давала ему большое преимущество передъ первоначально мною выбраннымъ бивуакомъ.

Офицеры настояли, чтобы я далъ имъ списокъ всѣхъ вещей, которыя могли бы мнѣ понадобиться, обѣщая купить въ китайской лавкѣ то, чего не окажется на кораблѣ. Проводивъ ихъ на нѣкоторое разстояніе, я простился съ ними у небольшого ущелья, названнаго мною воротами моего помѣстья.

При устройствѣ моего новаго образа жизни встрѣтилось одно почти непреодолимое затрудненіе. Состоявшіе при мнѣ два японскихъ матроса не могли столковаться съ полдюжиной моихъ китайцевъ; китайцамъ было очень трудно понять меня, а я не былъ въ состояніи говорить ни на томъ, ни на другомъ языкѣ. Но кое-какъ мы умудрились съ этимъ справиться. Изъ домашнихъ животныхъ со мной были куры, ослы и собака Чизи, какъ будто даже выросшая отъ сознанія важности добровольно принятой на себя обязанности сторожить нашъ лагерь.

Чизи яростно лаялъ на китайцевъ, куръ и дажеословъ, но только что мнѣ приготовили постель, онъ тотчасъ на нее вскочилъ, свернулся клубкомъ и спокойно заснулъ, чувствуя безъ сомнѣнія, что вполнѣ заслужилъ отдыхъ, хорошо исполнивъ свои обязанности.

Тѣмъ временемъ я началъ думать объ ужинѣ. Моему вѣстовому не удалось устроить очага изъ глиняныхъ горшковъ по той простой причинѣ, что не оказалось подходящихъ инструментовъ. Для того,

чтобы вскипятить чайникъ, понадобилось сжечь единственную бывшую у насъ вязанку дровъ. Ужинъ мой состоялъ изъ чаю, сухарей и консервовъ.

Оба матроса расположились со своими цыновками и одѣялами въ моей палаткѣ, а китайцы пріютились на нѣкоторомъ разстояніи между скалами, — совершенно необходимая предосторожность въ виду ихъ неопрятныхъ привычекъ.

ГЛАВА IX.

Лагерь въ горахъ. Моя охрана изъ матросовъ. Рисованіе на горной вершинѣ. Штурмъ форта Двойного Дракона. Ночная атака. Штурмъ. Новый выходъ Ретвизана. Выходъ русскихъ минныхъ истребителей. Прорывъ двухъ пароходовъ черезъ блокаду. Я снимаю лагерь и возвращаюсь на корабль. Бушидо.

На слѣдующее утро я чувствовалъ себя превосходно,—результатъ ночи, проведенной на прекрасномъ свѣжемъ горномъ воздухѣ. Моя первая мысль была взять ванну, и черезъ нѣкоторое время я могъ выполнить свое желаніе, такъ какъ возвратился оселъ, посланный за водой къ горному источнику за шесть миль. Вмѣсто ведеръ мнѣ служили старыя парафиновыя жестянки, хорошо вычищенныя и промытыя кипяткомъ съ содой. Къ завтраку мнѣ пришла фантазія имѣть жаренаго цыпленка и я отдалъ соотвѣтственное приказаніе повару китайцу, пришедшему засвидѣтельствовать свое почтеніе къ двери палатки. Я началъ съ того, что старался объяснить ему свое желаніе, рисуя китайскія буквы на пустомъ мѣстѣ передъ палаткой. Послѣ долгихъ разсужденій и восклицаній на разныхъ языкахъ онъ наконецъ сообразилъ тотъ фактъ, что ему нужно зарѣзать курицу. У меня былъ маленькій японскій словарь, но единственными выраженіями, относившимися къ

дѣлу, были—„трупъ“ и „птица“, поэтому я приказалъ ему дать мнѣ „трупъ птицы“. Курица была надлежащимъ образомъ превращена въ трупъ, принесенный ко мнѣ для дальнѣйшихъ инструкцій. Изъ мимики китайца я сообразилъ, что онъ намѣревается жарить птицу, не ощипывая перьевъ и не считаетъ нужнымъ предварительно ее выпотрошить!

Принявшись самъ за работу, я далъ ему урокъ, который онъ скоро усвоилъ, но когда дѣло дошло до жаренья курицы, онъ заявилъ, что нѣтъ топлива. Выражаясь деликатно, — это было досадно. Послѣ всѣхъ испытанныхъ хлопотъ я долженъ былъ удовольствоваться мясными консервами, водой и сухарями.

Подробно разсматривая въ подзорную трубу всѣ окрестности, я, къ великому моему удовольствію, усмотрѣлъ, что люди, посланные съ корабля съ моими припасами, уже пересѣкаютъ песчаную отмель. До прихода ихъ въ лагерь должно было пройти часа два—три, и я пошелъ на вершину горы наблюдать за ходомъ сраженія.

Японцамъ удалось укрѣпиться на очень сильной позиціи, которую русскіе старались отбить назадъ. Позиція эта имѣла чрезвычайно важное стратегическое значеніе, господствуя надъ частью гавани и города. Сраженіе было весьма упорное. Я слышалъ впослѣдствіи, что потери съ обѣихъ сторонъ были очень тяжелыми.

Ослы съ моими припасами подошли около полудня. На одномъ было нагружено столь необходимое намъ топливо—дрова, мѣшокъ съ углемъ и два глиняныхъ горшка. Подобно своему британскому прототипу, японскій матросъ искусникъ на всѣ руки. Моему караульному наконецъ удалось смастерить печку

съ помощью желѣзнаго крюка отъ палатки и колотушки.

Въ одномъ изъ горшковъ онъ сдѣлалъ спереди квадратное отверстіе, а сзади пробилъ двѣ или три

Небольшой наблюдательный постъ. Японскіе матросы наблюдаютъ за русскими тралящими судами.

дырки для тяги воздуха. Получилась превосходная печка, которую онъ немедленно пустилъ въ дѣло, начавъ варить на ней рисъ и жарить цыпленка. На случай дождя я заставилъ кули выкопать вокругъ лагеря канаву, а послѣ обѣда пошелъ отыскивать мѣсто для постановки мольберта. Сначала было трудно объяснить китайцамъ, чего я отъ нихъ тре-

бую, но я заставилъ одного нести мольбертъ и воду, другого—ящики съ красками и складной стулъ. Черезъ нѣсколько дней эти обязанности совершенно вошли въ кругъ ихъ пониманія; они сами брали мои принадлежности и устраивали все на обычномъ мѣстѣ во время моего завтрака. Почти каждый день меня навѣщалъ кто-нибудь изъ офицеровъ. Мои два матроса смѣнялись также правильно, какъ при несеніи обыкновенной службы. Находиться при мнѣ было для нихъ обязанностью нетрудной. Каждая пара проводила сутки въ моемъ лагерѣ, служа для моей охраны и, дѣйствительно, они фактически никогда не теряли меня изъ вида. Смѣна съ корабля являлась въ восемь часовъ утра.

Такимъ образомъ, въ теченіе моего четырехъ или пятинедѣльнаго пребыванія въ горномъ лагерѣ, почти половина команды перебывала въ должности моихъ караульныхъ. Дѣйствительно, со мной обращались почти какъ съ владѣтельной особой. Докторъ навѣщалъ меня два раза въ недѣлю и всякій офицеръ, которому случалось быть вблизи вершины холма, обязательно заходилъ ко мнѣ.

Я обставилъ свою палатку на манеръ японскаго дома. На полу лежали разостланныя травяныя цыновки. Я и всѣ мои друзья обязательно снимали сапоги передъ входомъ, что обезпечивало безусловную чистоту. Я носилъ кимоно и большую часть своей работы исполнялъ на полу на японскій манеръ. Сначала меня безпокоили мухи, но я отодвинулъ кухню подальше и перевелъ ословъ на другой холмъ. Оставшихся мухъ уничтожили японцы—караульные. Они сдѣлали остроумную хлопушку изъ гибкаго обломка бамбука, которая дѣйствовала безъ отказа

и скоро моя палатка совершенно очистилась отъ этого бича.

Освоившись вполнѣ съ окружавшей меня обста-

На моей горѣ.

новкой, большую часть дня я проводилъ на вершинѣ горы съ подзорной трубой и акварелью. Я оставался тамъ обыкновенно до захода солнца. Оно

великолѣпно закатывалось за горы, на которыхъ кипѣлъ бой и черные силуэты сражавшихся рѣзко выдѣлялись на красномъ дискѣ. Тяжелыя орудія грохотали всѣ ночи подрядъ, но суда, набрасывавшія мины, не могли работать хорошо, такъ какъ стояли свѣтлыя лунныя ночи.

На второе утро я выкупался въ тазу, поставленномъ для питья куръ. По этому случаю его особенно тщательно вымыли и вычистили; одинъ изъ матросовъ вытеръ мнѣ спину и окатилъ водой. Немного спустя другой караульный прибѣжалъ сказать, что на гору поднимается мой пріятель переводчикъ и несетъ мнѣ подарокъ, прекрасную рыбу „тай“. Это родъ морского окуня, справедливо называемаго японской лососиной; онъ одинаково вкусенъ холодный и горячій. Японцы считаютъ его особенно тонкимъ лакомствомъ въ сыромъ видѣ. Конечно, бросивъ все, я долженъ былъ идти навстрѣчу пріятелю .Выразивъ ему свое удовольствіе и благодарность за принесенный подарокъ, я пригласилъ его раздѣлить со мною обѣдъ. Это былъ очень пріятный и знающій человѣкъ, сообщившій мнѣ много свѣдѣній объ окружающей мѣстности: имена горъ, долинъ и мѣстъ, гдѣ происходили самыя значительныя сраженія. По его словамъ, высокая гора Шо-хо была театромъ одной изъ самыхъ ужасныхъ кровопролитныхъ битвъ, и хотя прошло уже нѣсколько недѣль, много труповъ русскихъ солдатъ еще до сихъ поръ лежатъ не погребенными на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они пали. Именно здѣсь, на этой горѣ, непріятель впервые прибѣгнулъ къ помощи камней и скалъ, которые русскіе сбрасывали внизъ на атакующія колонны. Онъ также указалъ мнѣ новое мѣсто, куда былъ перенесенъ одинъ изъ

русскихъ прожекторовъ; его вполнѣ ясно можно было различить на ближайшемъ мысѣ, находившемся во власти русскихъ; отъ дѣйствія японскихъ орудій его защищалъ выдающійся утесъ.

Въ это утро „выколачивалась“ вновь установленная русская батарея. Сосредоточенный огонь нѣсколькихъ батарей и 11-дюймоваго орудія постепенно разрушалъ горный хребетъ, подъ прикрытіемъ котораго находилась эта батарея. Я наблюдалъ попадавшіе въ батарею японскіе снаряды, которые разрывались между орудіями и я изумлялся, какъ могли русскіе выдерживать такой адски-губительный огонь. Раненыхъ уносили съ позиціи, но многія фигуры, неподвижно лежавшія ничкомъ,—были убитые на повалъ. Несмотря на громадныя потери, русскіе весь день держались у своихъ орудій и продолжали стрѣлять.

Осеннее солнце слишкомъ палило послѣ обѣда—въ пальцахъ появилось колотье, а на поверхности кожи опасныя красныя пятна. Поэтому я рѣшилъ работать послѣ четырехъ часовъ. Стояла очень благопріятная погода для уборки сѣна. Косили каждый крошечный кусочекъ, гдѣ только росла трава; для срѣзыванія ея употребляли родъ грубо сдѣланнаго серпа, нѣчто вродѣ широкаго ножевого лезвея, вставленнаго въ рукоятку подъ угломъ сорока пяти градусовъ. Китайцы брали съ собой на сѣнокосъословъ и работали цѣлыми семействами.

Навѣстившіе меня морскіе офицеры сказали мнѣ, что предстоитъ большое сраженіе, такъ какъ японцы намѣреваются взять Сѣверный фортъ, иначе называемый фортъ Двойнаго Дракона. Это грозное укрѣпленіе уже нѣсколько разъ почти переходило въ руки японцевъ, но скорострѣльный огонь пулеметовъ,

установленныхъ подъ прикрытіемъ въ разныхъ мѣстахъ, не позволилъ нашимъ солдатамъ удержать его за собой. Штурмъ форта начался вскорѣ послѣ того, какъ мы сѣли между скалами на вершинѣ горы, откуда былъ хорошо видѣнъ Портъ-Артуръ.

Съ этого мѣста можно было ясно различить общій планъ кольца фортовъ, военную дорогу, соединявшую ихъ сзади, также и передвиженія русскихъ войскъ. Насколько я могъ судить, движеніе по дорогѣ было совершенно безопасно, такъ какъ японскія ядра перелетали черезъ нее. Мой обсерваціонный пунктъ былъ также удобенъ, какъ мѣсто третейскаго судьи на военныхъ маневрахъ: я могъ свободно видѣть обѣ стороны—нападающихъ и защищавшихся.

Сраженіе началось самой оглушительной бомбардировкой—число дѣйствовавшихъ орудій никакъ не могло быть менѣе 500.

Въ краткихъ словахъ положеніе дѣла было слѣдующее: первая оборонительная линія и фортъ „Куропаткинъ“ уже были взяты японцами, которые оттѣснили русскихъ за городскія укрѣпленія. Настоящая битва была попыткой со стороны японцевъ прорваться на флангахъ и захватить остальныя укрѣпленія.

Волна сраженія перекатывалась справа на лѣво. Бѣлые клубы дыма росли и носились въ воздухѣ, какъ куски сложенныхъ кружевъ; отъ страшныхъ взрывовъ гранатъ, начиненныхъ порохомъ шимозе, казалось, содрогалась земля и поднимались густыя облака грязно-чернаго дыма. Въ подзорную трубу я увидѣлъ спускавшееся на землю снѣжно-бѣлое облако; на моихъ глазахъ оно вдругъ разорвалось и, подобно утреннему туману, унеслось къ верши-

намъ холмовъ. Это былъ дымъ 11-дюймоваго орудія. Внезапно огонь японскихъ орудій прекратился. Пѣхота двинулась на приступъ. Я наблюдалъ неровные ряды, впереди которыхъ былъ видѣнъ человѣкъ съ очень замѣтной бѣлой перевязью. Это былъ, какъ я потомъ узналъ, генералъ Ихинохи. Стѣна китайскихъ укрѣпленій, казавшаяся непреодолимымъ препятствіемъ, задержала наступленіе—атаковавшимъ пришлось здѣсь остановиться. Вдругъ ужасный взрывъ потрясъ воздухъ и когда дымъ разсѣялся, я увидѣлъ въ стѣнѣ проломъ, черезъ который и ворвались побѣдоносныя войска. Сотни маленькихъ флаговъ „Банзай“ взвились въ рядахъ японцевъ, сдѣлавъ ихъ похожими на рощу цвѣтущихъ деревьевъ.

Позиція была взята и на этотъ разъ удержана. Еще нѣкоторое время продолжалась отрывочная перестрѣлка, но сраженіе, длившееся съ утра до заката солнца, было окончено. За ночь японцы укрѣпили свои новыя позиціи. На слѣдующій день военныя дѣйствія прекратились—обѣ стороны отдыхали и хоронили своихъ мертвыхъ.

Присылавшійся ко мнѣ ежедневно оселъ доставилъ мнѣ на этотъ разъ письмо отъ нашего ревизора Оно. Онъ сообщалъ мнѣ, что въ виду начатаго обстрѣла гавани японскими орудіями, становилось очень вѣроятнымъ, что русскіе корабли выйдутъ, а въ такомъ случаѣ миноносцы отойдутъ на свои мѣста—въ тылу флота.

Запасъ моего топлива таялъ очень быстро, потому что китайцы тратили,—или по крайней мѣрѣ, говорили, что тратили,—цѣлую вязанку дровъ для жаренья одного цыпленка! Съ корабля прислали мнѣ немного мяса: мои японскіе матросы состряпали изъ

него какое-то кушанье съ сахаромъ, и я нашелъ его превосходнымъ.

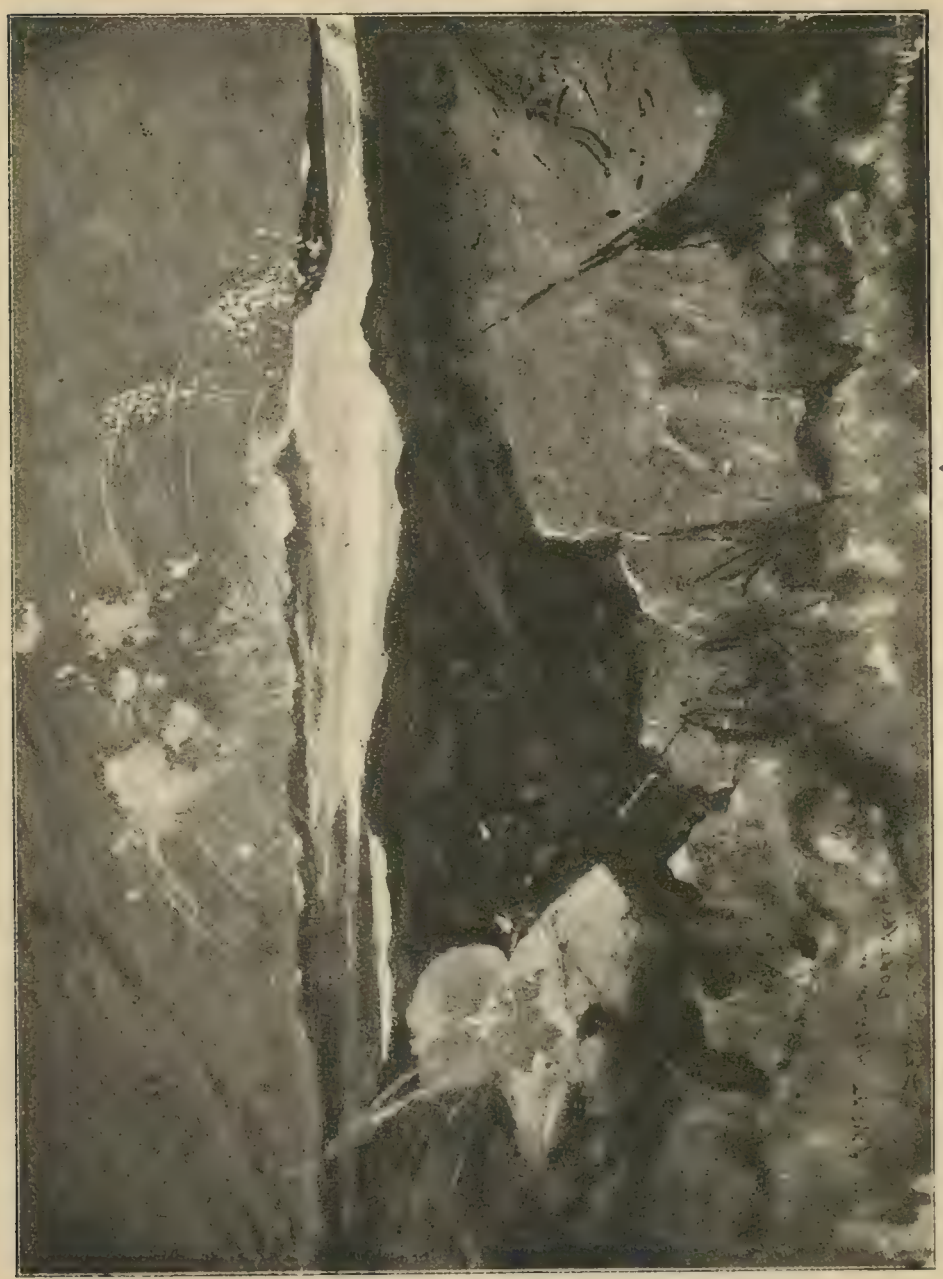
Эскизы для задуманной мною большой панорамной картины занимали все мое время, но на слѣдующій день послѣ приступа я не работалъ совсѣмъ, и занялся приведеніемъ въ порядокъ моего лагеря, а затѣмъ просто предался „сладкому бездѣлью“. Бродя по бивуаку я увидѣлъ, что поваръ-китаецъ процѣживаетъ супъ сквозь полотенце, служащее въ тоже время для вытиранья посуды. Сдѣлавъ ему строгое замѣчаніе, сначала я отказался отъ супа, но китаецъ принялъ такой удрученный видъ, что въ концѣ концовъ мнѣ пришлось проглотить его стряпню. Нужно признаться, что супъ совершенно остановился у меня въ горлѣ, когда китаецъ на моихъ глазахъ вытащилъ утопавшую въ немъ муху своей зубочисткой.

Два великолѣпныхъ орла летали и описывали круги такъ низко надъ моей головой, что я свободно могъ различить ихъ глаза. Конечно, притягательная сила была не во мнѣ — орлы имѣли особые виды на Чизи, который неподалеку грызъ кость, совершенно не подозрѣвая о неминуемой опасности. Подобравъ камень, я намѣревался отогнать орловъ, когда вдругъ замѣтилъ, что камень этотъ сверкаетъ на солнцѣ. Разсмотрѣвъ его ближе, я нашелъ въ немъ очень значительную минеральную примѣсь; сдѣланный же дома анализъ далъ очень хорошіе результаты. Мой слуга—китаецъ принесъ мнѣ пучекъ дикихъ хризантемъ съ очень мелкими ярко-желтыми цвѣтами, и этотъ букетъ явился прекраснымъ свѣтлымъ пятномъ въ моей палаткѣ.

Вечеромъ снова началась канонада изъ тяже-

лыхъ орудій и чтобы наблюдать бой я поднялся на вершину горы. Очертанія возвышенностей ясно вырисовывались на звѣздномъ небѣ, болѣе блѣдномъ къ краю горизонта; мѣстность же вокругъ Портъ-Артура была покрыта красноватымъ сумракомъ. Пять прожекторовъ представляли изъ себя огромную, блестящую звѣзду и лучи ея скользили по всей окрестности, рѣзко выдѣляя вершины горъ и останавливаясь дольше на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскіе предполагали найти наши скрытыя батареи. Иногда могущественный лучъ освѣщалъ и меня, одиноко стоявшаго на своемъ наблюдательномъ посту и мнѣ хотѣлось знать, послѣдуетъ ли затѣмъ выстрѣлъ... Но къ счастью, русскіе не находили нужнымъ дѣлать изъ меня мишени. Сторожевые огни непріятеля мелькали тысячами свѣтлыхъ точекъ въ ущельяхъ осажденнаго раіона. Тяжелыя орудія грохотали черезъ правильные промежутки времени съ дѣловой точностью. Самымъ драматическимъ моментомъ былъ тотъ, когда лучи прожекторовъ всѣ сосредоточились высоко въ небѣ на одной точкѣ, а одинокая свѣтовая ракета граціознымъ изгибомъ очертила свой огненный путь и освѣтила всю мѣстность, разлетѣвшись тысячей падающихъ звѣздъ. Въ одно мгновеніе всѣ холмы одѣлись пламенемъ: изъ японскихъ позицій, находившихся до сихъ поръ въ темнотѣ, вырвались огненные снопы и русскія укрѣпленія были засыпаны градомъ снарядовъ изъ скрытыхъ до тѣхъ поръ японскихъ батарей. Ревъ и грохотъ орудій были ужасны. Шла ночная атака: слышались дикіе крики, боевая команда, не смолкавшій трескъ ружей... Мѣстами электрическіе лучи меркли отъ страшныхъ вспышекъ снарядовъ. При яркомъ блескѣ свѣтовыхъ

ракетъ я могъ различить атакующія колонны, движеніе которыхъ походило на черныя, движущіяся



Ночная атака Портъ-Артура. Видъ изъ моей палатки.

тѣни на бѣломъ полотнѣ. Громъ орудій, ослѣпительный блескъ разрывавшихся снарядовъ, несущіяся

темныя облака дыма и похожія на гномовъ, маленькія, черныя фигуры, съ безумной храбростью кидавшіяся въ эту ужасную свалку, были чѣмъ-то сверхъестественнымъ; я готовъ былъ думать, что передъ моими глазами развертывается какой-то адскій кошмаръ. Эта бѣшеная атака продолжалась менѣе часа. Первое время послѣ ея отраженія прожекторы еще продолжали трепетать и вспыхивать то тамъ, то сямъ, пока не возвратились къ своему нормальному, правильному движенію.

Каждая мельчайшая подробность этого кроваваго получаса живо запечатлѣлась въ моей памяти,—я былъ точно заколдованъ, видя подобное проявленіе беззавѣтной храбрости японскихъ солдатъ, смѣло бросавшихъ вызовъ смерти. Спустя нѣсколько времени мнѣ сказали, что весь этотъ удивительный героизмъ пропалъ даромъ и что въ будущемъ рѣшено по возможности избѣгать ночныхъ атакъ.

Возвращаясь къ биваку, я услышалъ унылый вой горнаго волка, вполнѣ гармонировавшій съ угнетавшими меня грустными мыслями, но наступившее ясное утро разсѣяло тоску, навѣянную на меня ночными событіями. Я снова взялся за карандашъ и началъ прилежно работать: четвертый рисунокъ приближался къ концу, оставалось только сдѣлать пятый.

Указывая на отдаленную вершину Шо-хо, мои матросы часто меня спрашивали, почему я не соберусь подняться туда? Наконецъ я рѣшился сдѣлать эту прогулку. Изъ моего лагеря до вершины Шо-хо было не менѣе двухъ часовъ ходьбы; я двинулся въ путь въ сопровожденіи двухъ матросовъ, китайца и осла, навьюченнаго провизіей и рисовальными принадлежностями. Для сохраненія времени мы спусти-

лись по довольно обрывистому склону, потому что ведшая въ долину тропинка была очень длинна и извилиста. Мы дошли до главной дороги, которая вела вдоль русла горнаго потока, извивавшагося по долинѣ; вездѣ остались слѣды русскихъ укрѣпленій: большею частью это были брустверы, сдѣланные на скорую руку и окопы для пѣхоты. Горный характеръ мѣстности очень облегчалъ оборону и, слѣдовательно, затруднялъ нападеніе.

Остававшіеся до дороги послѣдніе четыреста или пятьсотъ ярдовъ мы частью скатывались, частью скользили, мѣстами даже бѣжали вдоль высохшаго русла потока. Въ ущельяхъ горъ уютно гнѣздились китайскія хижины и разрушенныя постройки. Почти около каждой кучи мусора находилась семейная гробница,—грубо сдѣланный алтарь, обыкновенно сложенный изъ отдѣльныхъ камней съ двумя маленькими отверстіями для оконъ и крошечной дверью для свободнаго входа и выхода духа умершаго. Я обратилъ вниманіе на одну гробницу, отличавшуюся нѣсколько большимъ изяществомъ, стѣны которой состояли изъ большихъ сланцевыхъ плитъ.

Въ этихъ защищенныхъ долинахъ прекрасно росли сосны и разныя деревья, не исключая фруктовыхъ; китайцы же воздѣлывали первобытнымъ способомъ зерновые хлѣба, просо, овощи и даже хлопчатникъ. По дорогѣ мы видѣли цѣлыя семьи, занятыя сборомъ жатвы,—зрѣлище въ своей простотѣ и первобытности было по истинѣ библейское! Молотили хлѣбъ на гумнѣ съ помощью быка, топтавшаго снопы; женщины отдѣляли мякину отъ зеренъ, а на поляхъ было много подражательницъ Руѳи, собиравшихъ колосья. Съ горъ спускались ослы, навью-

ченные вязанками жесткаго сѣна, въ составъ котораго входитъ все растущее, не исключая сухихъ стеблей проса,—надо же чѣмъ-нибудь прокормить скотъ въ теченіе долгой и суровой манджурской зимы! Заморенныя, полу-умирающія отъ голода собаки стерегли грязныя загородки, въ которыхъ стояли дома.

Вездѣ кругомъ были цвѣты, — полевыя хризантемы, колокольчики, сирень и темнокрасныя маргаритки, а необыкновенно пышно разросшійся дикій виноградъ все заплеталъ своими побѣгами. На болѣе низкіе кусты взбиралось цѣпкое ползучее растеніе, вродѣ дикихъ огурцовъ и желтые его плоды горѣли на солнцѣ. По бокамъ узкой тропинки росли грецкіе орѣхи, миндальныя и абрикосовыя деревья; между вѣтвями прыгали и кричали сороки,—единственныя представительницы пернатаго царства въ долинѣ.

На другомъ концѣ русскіе инженеры провели военную дорогу, взбиравшуюся на холмъ зигзагами подъ малымъ уклономъ, но мы, чтобы избѣжать пыли, предпочли вьючную тропинку. На вершинѣ перевала оказались глубокіе окопы для стрѣлковъ, тянувшіеся на протяженіи нѣсколькихъ миль по обѣимъ сторонамъ горнаго хребта, а высоко на склонахъ Шо-хо были устроены брустверы для орудій и позиціи, господствовавшія надъ всей долиной. Здѣсь уже траншеи для пѣхоты не носили на себѣ слѣдовъ торопливо организованной обороны: онѣ были тщательно распланированы и прекрасно выполнены лучшими въ мірѣ военными инженерами.

Нѣсколько наскоро выкопанныхъ могилъ указывали мѣсто погребенія русскихъ солдатъ, похороненныхъ тамъ, гдѣ они пали. Японское же кладбище

было устроено очень заботливо: маленькія четыреугольныя, деревянныя гробницы съ именемъ и похвальнымъ словомъ падшему, стояли рядами на усыпанномъ цвѣтами, залитомъ солнцемъ склонѣ горы, вблизи столь любимой японцами сосновой рощи. Осколки снарядовъ и раздробленныя на куски скалы живо свидѣтельствовали о губительной силѣ артилерійскаго огня.

Только очень опытный альпинистъ, привыкшій къ труднымъ восхожденіямъ, могъ рискнуть взобраться на узкую вершину горы; на разстояніи почти двухсотъ ярдовъ надо было карабкаться по скаламъ, на уступахъ которыхъ едва могла помѣститься нога. Только здѣсь можно было по достоинству оцѣнить пригодность японскихъ „зори“—складныхъ соломенныхъ сандалій. Гребень вершины, похожій на лезвее ножа, въ самой широкой своей части имѣетъ только отъ двѣнадцати до пятнадцати футъ ширины и имѣетъ крутой наклонъ къ юго-востоку. На немъ находилось грубо сдѣланное прикрытіе для стрѣлковъ, вродѣ тѣхъ, которыя извѣстны въ южной Африкѣ подъ названіемъ „schaan“. Буры часто примѣняли этотъ способъ обороны.

Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нами былъ похороненъ русскій: могила его не была зарыта землей, только большіе камни и обломки скалъ на половину прикрывали зловонное разлагающееся тѣло; головы его уже не было и только торчали ноги въ большихъ сапогахъ. Недалеко отъ могилы я подобралъ челюсть, вѣроятно, утащенную какимъ-нибудь животнымъ или хищной птицей и бережно положилъ ее обратно въ могилу съ надлежащимъ благоговѣніемъ.

Мы провели на вершинѣ нѣкоторое время, подробно разбирая различныя позиціи, пока склонявшееся къ западу солнце не предупредило насъ, что пора отправляться въ обратный путь. Оставивъ русскаго героя въ его одиночествѣ, мы начали спускаться съ горы, что оказалось еще гораздо болѣе затруднительнымъ, чѣмъ подниматься на вершину. У подножія утесовъ я остановился, такъ какъ вниманіе мое привлекло находившееся противъ меня глубокое ущелье, защищенное высокими скалами: въ немъ расположилась на бивакѣ японская конница, обозъ, слѣдовавшій за арміей и были раскинуты бѣлыя палатки, которыя я принялъ за корреспондентскій лагерь.

Направившись домой мы пришли какъ разъ во время, добравшись лишь въ сумерки до нашего горнаго хребта. Луна еще не взошла и находившійся справа Портъ-Артуръ былъ погруженъ во мракъ. Я насладился вполнѣ заслуженнымъ ужиномъ, который на этотъ разъ мой китайскій поваръ состряпалъ дѣйствительно хорошо.

Ожидая на слѣдующее утро къ себѣ въ гости капитана, я приказалъ, въ виду предстоящаго осмотра, все тщательно вычистить, а также приготовить болѣе изысканный обѣдъ. Первое разочарованіе я испыталъ изъ за рыбы: вмѣсто заказанной „тай“ погонщикъ привезъ мнѣ маленькую акулу. Это очень понравилось моимъ китайскимъ слугамъ, но на меня подѣйствовало удручающимъ образомъ, потому что я зналъ слабость капитана Камамуры къ рыбѣ „тай“. Хорошо, что у меня оказался въ запасѣ кусокъ свѣжаго мяса и кромѣ того я приказалъ повару „превратить въ трупъ птицу“. Мой гость пріѣхалъ во время и мы

отправились на гору, откуда была видна новая морская батарея. Онъ разсказалъ, что японцы установили еще четыре 11-дюймовыя пушки, такъ что теперь Портъ-Артуръ обстрѣливается снарядами изъ пяти чудовищныхъ орудій. Каждую минуту онъ ожидалъ возможности прорыва кораблей, хотя выполнить эту задачу было дѣломъ весьма нелегкимъ. Прежде всего доступъ въ Портъ-Артуръ зависитъ отъ прилива: броненосцы могутъ выходить только при высокой водѣ, слѣдовательно, выходъ цѣлой эскадры по необходимости занимаетъ значительный промежутокъ времени. Во-вторыхъ, суда были бы принуждены двигаться съ чрезвычайной осторожностью, по одиночкѣ, черезъ минныя загражденія и выстраиваться имъ пришлось бы на внѣшнемъ рейдѣ. Подобный маневръ не принадлежитъ къ числу легкихъ даже и въ мирное время,—и тѣмъ болѣе было невѣроятно, чтобы весь флотъ въ полномъ составѣ могъ выйти въ море, двигаясь подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ надъ цѣлыми полями минныхъ заграждeній.

Сидя въ палаткѣ послѣ обѣда мы смотрѣли по тому направленію, гдѣ находилась эскадра Того. Два крейсера и одинъ броненосецъ медленно крейсеровали взадъ и впередъ между Сигнальной горой и островомъ Капъ.

Провожая капитана до ущелья, я нашелъ по дорогѣ кошелекъ, который какъ разъ оказался принадлежавшимъ ему. Оказалось, что онъ взялъ съ собою вѣстового, который несъ взятое на всякій случай теплое пальто и, вѣроятно, онъ выронилъ кошелекъ изъ кармана, когда, дойдя до ущелья, снималъ холодное пальто, чтобы надѣть теплое.

Оказалось, что одному изъ двухъ моихъ караульныхъ предстояло остаться на лишнюю очередь и мнѣ было забавно смотрѣть, какъ они изъ-за этого чуть не поссорились.

Армейскій офицеръ, завѣдывавшій китайскимъ городкомъ, былъ переведенъ съ повышеніемъ въ Дальній, а по этому случаю онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ прощальный визитъ и познакомить меня со своимъ замѣстителемъ. Мнѣ было жаль съ нимъ разставаться—онъ немного говорилъ по-китайски и

Крейсеры и истребители, блокирующіе Портъ-Артуръ.

былъ мнѣ очень полезенъ при закупкѣ припасовъ. Зашелъ также и мой другъ переводчикъ и принесъ мнѣ нѣсколько жестянокъ масла.

Объяснивъ моему повару, какъ нужно тушить мясо на ирландскій манеръ съ картофелемъ, тыквой и лукомъ, я пошелъ прогуляться, сказавъ ему, что возвращусь въ 8 часовъ вечера. Когда я пришелъ, кушанье было на половину сырое, но мой китаецъ былъ убѣжденъ, что его слѣдуетъ немедленно подать, такъ какъ уже было восемь часовъ. Потребовалось не мало усилій и времени, чтобы объяснить ему, что гораздо важнѣе все-таки доварить кушанье.

Надъ Портъ-Артуромъ поднимались густые клубы дыма: я сосчиталъ шесть отдѣльныхъ столбовъ, какъ

будто указывавшихъ на то, что русскіе корабли собираются выйти.

Дальній былъ закрытъ настоящей шапкой изъ очень красивыхъ облаковъ и я попробовалъ ихъ нарисовать. Не обративъ вниманія на нѣсколько сильныхъ порывовъ вѣтра, предупреждавшихъ о наступающей перемѣнѣ погоды, я былъ застигнутъ яростно разразившимся ураганомъ, сразу понизившимъ температуру до точки замерзанія, между тѣмъ какъ только за полчаса передъ этимъ термометръ стоялъ на 80°. Палатка моя начала хлопать самымъ угрожающимъ образомъ—сначала лопнула одна оттяжка, а затѣмъ вылетѣлъ и одинъ изъ колышковъ. Миноносцы быстро укрылись отъ бури въ западной части гавани.

Разразившійся со страшной силой вихрь, въ которомъ крутились цѣлыя тучи песку и мелкихъ каменьевъ, сорвалъ и унесъ на противоположный склонъ горы мою палатку, кухню, словомъ, всѣ лагерныя принадлежности... Каждый изъ насъ старался что-нибудь спасти и нѣкоторое время господствовала полная паника. Къ счастью палатка упала, какъ лопнувшій шаръ, между камнями подъ защиту нависшей надъ площадкой скалы. Кое какъ мы установили палатку и собрали всѣ разбросанныя вещи. Только что намъ съ большими усиліями и затрудненіями удалось установить палатку, какъ сломалась главная стойка... Съ помощью веревокъ мы справились и съ этимъ осложненіемъ и наконецъ добились того, что укрѣпили палатку. Китайцы, точно кролики, всѣ давно попрятались по сосѣднимъ пещерамъ, за исключеніемъ старика повара, которому удалось развести огонь въ защищенномъ уголкѣ и

вскипятить намъ чайникъ горячаго чаю. Снова принявшись за дѣло, мы начали крѣпче натягивать придерживавшія палатку оттяжки, и съ этимъ я съ двумя матросами провозился до самаго вечера. Китайцы отправились на ночь въ городъ, представляя издали какую-то фантастическую смѣсь изъ развѣвавшихся по вѣтру косъ, брыкавшихся ословъ и облаковъ густой пыли... Вѣтеръ бушевалъ всю ночь, при чемъ постоянное дерганье оттяжекъ опять ослабило всѣ вбитые колышки. Несмотря на леденящій вѣтеръ, въ половинѣ третьяго часа утра, намъ ничего не оставалось больше дѣлать, какъ встать и всѣми силами держаться за колышки, чтобы только палатка не улетѣла. Мы провели такимъ образомъ болѣе часа, и только послѣ этого буря стихла и мы могли снова справиться съ оттяжками. Но спать намъ пришлось очень мало: въ шесть часовъ утра палатка на насъ обрушилась... Опасаясь, что вѣтеръ ее можетъ унести, мы наложили на нее тяжелыхъ камней, а сами доползли до ближайшей пещеры, гдѣ разложили огонь. Утромъ въ лагерь не явились ни ослы, ни китайцы! Устроивъ военный совѣтъ, мы рѣшили съ однимъ матросомъ спуститься въ городъ, снести въ кузницу для починки сломанную главную стойку, купить веревокъ и цыновокъ и вновь устроить себѣ домъ. Буря была такъ сильна, что всѣ лавки въ городѣ закрылись, исключая моего купца, у котораго на счастье квартировали японцы, не пожелавшіе сидѣть взаперти въ магазинѣ. Мнѣ удалось розыскать кузнеца, который сначала отказался работать до слѣдующаго дня, но съ помощью угрозъ и лести мнѣ удалось уговорить его и черезъ полчаса онъ прекрасно исполнилъ мой заказъ. Въ виду бурной по-

годы съ корабля не могъ отойти катеръ со смѣной моему караульному и онъ охотно возвратился со мной на гору.

Пока кузнецъ работалъ, я невольно обратилъ вниманіе на поразительную неопрятность китайцевъ. Не хватаетъ словъ для описанія насѣкомыхъ и грязи, покрывающей корою ихъ тѣло. Даже на видимыхъ частяхъ тѣла цвѣтъ ихъ кожи можно различить только тамъ, гдѣ растрескался слой этой отвратительной обмазки. Мужчины, женщины и дѣти, всѣ валяются и спятъ въ грязи; кромѣ того женщины и дѣвушки всѣ искалѣчены варварскимъ способомъ сжиманія ногъ.

Сдѣлавъ свои закупки, нагрузивъословъ свѣжими овощами, топливомъ и нѣкоторыми припасами, мы снова поднялись въ свое воздушное жилище.

Разбивъ палатку и устроивъ новыя оттяжки, мы надѣялись, что теперь палатка можетъ выдержать даже тайфунъ. Море было совершенно спокойно: единственными послѣдствіями ночной бури было болѣе значительное количество тралящихъ пароходовъ и сторожевыхъ судовъ. Много русскихъ минъ должно было сорваться съ якорей послѣ такого шторма и положеніе блокировавшихъ эскадръ становилось весьма опаснымъ. Стоявшія въ заливѣ японскія суда практиковались по этимъ пловучимъ минамъ въ стрѣльбѣ изъ ружей.

Болѣе, чѣмъ когда-либо я сожалѣлъ о неимѣніи съ собою ружья, такъ какъ видѣлъ дикихъ утокъ на разстояніи выстрѣла; перепелка же вылетѣла у меня изъ-подъ самыхъ ногъ. Горные голуби были совершенно ручные, а большія стаи гусей, направлявшіяся къ югу, такъ низко летѣли надъ моей

головой, что почти задѣвали ее крыльями. Движеніе этихъ птицъ къ югу предвѣщало приближеніе зимы.

Мнѣ казалось, что Портъ-Артуръ болѣе не можетъ долго держаться: теперь сплошь обстрѣливалась вся восточная сторона русскихъ позицій и ничто живое не могло существовать въ такомъ циклонѣ адскихъ снарядовъ.

На другой день послѣ бури мнѣ удалось достать нѣсколько свѣжихъ яицъ, составившихъ пріятное добавленіе къ моимъ запасамъ, а съ корабля мнѣ были присланы иголки и нитки, облегчившія моимъ матросамъ исправленіе поврежденій.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня меня внезапно разбудилъ страшнѣйшій ударъ грома, — такого я не слыхалъ никогда; затѣмъ пошелъ сильный дождь... Скоро къ нему присоединился посыпавшійся съ шумомъ и трескомъ крупнѣйшій градъ, такъ что впереди ничего не было видно, кромѣ сѣрой завѣсы... При этомъ безпрерывныя молніи бороздили небо, какъ бы появляясь изъ скалъ... Только разъ въ жизни, въ Южной Африкѣ, я испыталъ нѣчто подобное, но теперь я началъ думать, что жизнь въ горахъ не представляетъ ничего, кромѣ огорченій! Наконецъ буря пронеслась за горный хребетъ и спустившись внизъ, бушевала надъ моремъ.

Прямо внизу, у подножія горъ была расположена миніатюрная бухта, которую мнѣ уже давно хотѣлось посѣтить. Сначала она меня привлекала своимъ сходствомъ съ одной маленькой бухточкой въ Корнвалисѣ; впослѣдствіи я сталъ надѣяться, что тамъ можно будетъ достать свѣжей рыбы. Со мной отправилась обычная компанія: караульные, мой вѣстовой, китаецъ-погонщикъ, оселъ и собака Чизи. Хотя

бухточка лежала прямо подъ нами, черезъ нѣсколько сотъ ярдовъ насъ остановила огромная пропасть, заставившая сдѣлать обходъ почти въ двѣ мили. Въ крошечной деревушкѣ жило всего около шести семействъ, владѣвшихъ приблизительно такимъ же количествомъ лодокъ. Жители меня поразили своей непривычной для китайцевъ опрятностью. Мужчины чинили свои сѣти, а женщины занимались выкапываніемъ на своихъ огородахъ особаго рода рѣдьки „діаконъ“. Съ помощью моего слуги я объяснилъ имъ, что желаю купить рыбы; они немедленно спустили лодку и закинули сѣть, но съ очень печальнымъ результатомъ: всего было поймано рыбокъ шесть, величиной не больше сардинки. Причиной такого неудачнаго лова была по ихъ мнѣнію холодная погода.

Китайцы не покидали своей мирной деревушки во все продолженіе войны и предавались своимъ безмятежнымъ занятіямъ даже въ то время, когда надъ ними въ горахъ свирѣпствовала битва. Единственнымъ показаннымъ намъ интереснымъ предметомъ, была оболочка шестидюймоваго снаряда, внезапно влетѣвшаго, какъ метеоръ и разорвавшагося съ оглушительнымъ шумомъ между утесами, у подножія которыхъ лѣпятся домики. Жители смотрятъ на этотъ кусокъ снаряда, какъ на нѣчто божественное и даже сдѣлали для него на берегу особую подставку. Пробывъ нѣкоторое время въ деревушкѣ, мы пошли по самому краю моря на противуположную сторону бухточки, чтобы осмотрѣть старинный китайскій храмъ, стоявшій приблизительно въ двухъ миляхъ на уединенномъ мысу; изъ него мы надѣялись яснѣе увидѣть входъ въ портъ-артурскую

гавань. Проведя тамъ не больше получаса мы возвратились домой по одной изъ дикихъ долинъ, являющихся характеристической чертой окружающей мѣстности.

Услышавъ на слѣдующее утро, что русскіе броненосцы вытягиваются въ заливъ, я поспѣшилъ на горную вершину, на свой обсерваціонный пунктъ. Оттуда я увидѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ, — „Ретвизанъ“, выйдя изъ гавани въ сопровожденіи четырехъ истребителей, отдалъ якорь на внѣшнемъ рейдѣ, хотя онъ былъ тамъ такъ мало защищенъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени въ него уже попало нѣсколько снарядовъ. Тогда онъ сталъ медленно и величественно отходить, преслѣдуемый градомъ японскихъ снарядовъ, дававшихъ перелетъ, или ложившихся вокругъ него, и наконецъ онъ зашелъ за мысъ Тигроваго полуострова и нѣсколько прикрылся отъ снарядовъ. Впереди шли четыре судна, очевидно, расчищавшія фарватеръ. Казалось, что это было началомъ конца и я цѣлый день могъ любоваться вышедшимъ броненосцемъ. Одинъ изъ моихъ японскихъ караульныхъ замѣтилъ:

„У русскихъ мало „месимезъ“... Это слово по-китайски означаетъ пищу.

Отряды японскихъ миноносцевъ кишѣли въ заливѣ: можно было предполагать, что участь „Ретвизана“ рѣшится или миной, или артиллерійскимъ огнемъ. Онъ находился въ безвыходномъ положеніи.

Всѣ суда въ портъ-артурской гавани развели пары, но флотъ Того стоялъ какъ разъ напротивъ выхода и загораждалъ имъ путь. Два японскихъ броненосца медленно подошли ближе, какъ бы вызывая „Ретвизанъ“ на бой. Если бы остальныя русскія

суда вышли изъ гавани, имъ не миновать бы участи, подобной той, которая постигла испанцевъ при Сантъ-Яго. Всѣ японскіе броненосцы, крейсеры и миноносцы были въ полной готовности къ бою. За двѣсти ярдовъ отъ моей палатки упалъ снарядъ и разорвался, вырывъ яму шириной и глубиной въ три или четыре ярда, какъ это засвидѣтельствовалъ одинъ изъ моихъ матросовъ, нарочно туда бѣгавшій. Это обстоятельство заставило меня рѣшиться искать новаго, болѣе безопаснаго мѣста. Я раньше видѣлъ на разстояніи около четырехсотъ ярдовъ нѣсколько огромнѣйшихъ каменныхъ глыбъ; туда мы и направились вмѣстѣ съ Чизи. Скалы были величиной приблизительно съ обыкновенную двухъэтажную англійскую виллу; двѣ изъ нихъ лежали подъ прямымъ угломъ другъ къ другу, такъ что образовавшійся между ними треугольникъ былъ вполнѣ защищенъ отъ всякаго вѣтра, кромѣ южнаго. Росшая на этомъ мѣстѣ трава была гуще и сочнѣе, чѣмъ на остальной горѣ, что служило новымъ доказательствомъ его пригодности. Въ углу, образованномъ скалами, оставалась разсѣлина шириной около двухъ футъ, черезъ которую могъ попадать сѣверный вѣтеръ; для предупрежденія этого мы ее плотно заложили каменьями. Заставивъ затѣмъ своихъ китайцевъ расчистить площадку отъ маленькихъ обломковъ и выровнять поверхность, я на этомъ пріятномъ мѣстѣ раскинулъ палатку. Несмотря на всю его укромность, съ него открывался прекрасный видъ на весь заливъ. Едва я закончилъ свое новое устройство, какъ съ непріятельской стороны начался усиленный артиллерійскій огонь. Русскіе точно вдругъ разсердились: казалось, что всякое, находившееся въ Портъ-Артурѣ орудіе

прилагало всѣ старанія, чтобы окончательно разстрѣлять всѣ свои снаряды.

Пріѣхалъ докторъ и провелъ со мной цѣлый день, разсказавъ всѣ свѣжія новости. Къ арміи генерала Ноги подходили подкрѣпленія и приблизительно черезъ мѣсяцъ ожидалось большое сраженіе. Нѣсколько японскихъ рыбачьихъ лодокъ были застигнуты внезапнымъ штилемъ подъ Портъ-Артуромъ; къ нимъ подошло русское сторожевое судно и взявъ всю рыбу, предложило въ уплату двѣ іены, но японцы отказались отъ денегъ, сказавъ, что отдаютъ съ удовольствіемъ свою рыбу русскимъ даромъ. Отъ нѣсколькихъ заданныхъ имъ вопросовъ относительно численности эскадръ, расположенныхъ въ нашей гавани, рыбаки отдѣлались дипломатическими отвѣтами. По словамъ доктора, въ одинъ изъ русскихъ броненосцевъ,—„Побѣду“ попали два снаряда, нанесшіе ей нѣкоторыя поврежденія, такъ что на ней даже вспыхнулъ пожаръ, потушенный черезъ нѣсколько минутъ.

Въ этотъ день я наблюдалъ драматическую сцену въ заливѣ: изъ гавани вышло нѣсколько русскихъ истребителей, очевидно съ цѣлью прорваться въ Чифу.

Я мирно велъ свой дневникъ, какъ вдругъ меня испугалъ внезапно взорвавшійся неподалеку снарядъ, за которымъ послѣдовало еще два или три. Я рѣшительно недоумѣвалъ, во что могутъ цѣлить русскіе, такъ какъ на моей горѣ не было ни орудій, ни войскъ и подобная трата снарядовъ была совершенно излишней. Огонь продолжался и мы всѣ побѣжали на нашъ наблюдательный пунктъ.

Русскіе истребители и одна канонерская лодка

вышли изъ гавани, воспользовавшись проливнымъ дождемъ, и намъ съ вершины была превосходно видна завязавшаяся битва между ними и нашими отрядами. Всѣ орудія береговыхъ батарей Портъ-Артура открыли несмолкаемый огонь по нашимъ судамъ, повидимому, не имѣвшій все-таки серьезныхъ послѣдствій. Двойная колонна, въ которую были построены русскіе, была разстроена и два послѣднихъ судна еле двигались сзади. Послышался оглушительный взрывъ,— это одно изъ отставшихъ судовъ коснулось мины. Оно затонуло, а товарищъ его остановился, подобралъ команду, не обращая вниманія на густо падавшіе кругомъ японскіе снаряды и потомъ, медленно занявъ свое мѣсто въ ряду остальныхъ шести судовъ, пошелъ съ ними въ море. Лившій потоками дождь временами совсѣмъ закрывалъ видъ, но затѣмъ прояснилось, и я могъ разсмотрѣть всѣ послѣдующія движенія. Русскіе истребители, выстроившись въ кильватерную колонну, прямо направились на „Ченъ-Іенъ“, флагманское судно адмирала Ямада, которое стояло напротивъ сигнальнаго мыса, имѣя при себѣ четырехъ истребителей. Когда это намѣреніе русскихъ выяснилось, навстрѣчу имъ изъ бухты вышли два японскихъ истребителя, (очевидно, часть втораго отряда) и обстрѣливая русскихъ по мѣрѣ своего приближенія, пересѣкли курсъ непріятелю, двинувшись прямо на него. Третій японскій истребитель оставилъ свою позицію вблизи флагманскаго корабля и двинулся къ нимъ на помощь. „Ченъ-Іенъ“ стрѣлялъ изъ своихъ носовыхъ орудій; его огонь, подкрѣпленный огнемъ нашихъ миноносцевъ, заставилъ русскихъ измѣнить курсъ; они начали медленно отходить по направленію къ гавани. Вышедшая съ

ними канонерка стояла тамъ все время, должно быть, получивъ при самомъ началѣ сраженія какое-нибудь поврежденіе.

До меня долетѣлъ гулъ тяжелыхъ орудій съ юго-запада по направленію отъ Encounter Rock—арены одного изъ сраженій Того, но проливной дождь мѣшалъ что-либо разсмотрѣть.

Однако, когда прояснилось, я увидѣлъ два парохода, входившихъ въ гавань подъ прикрытіемъ сильнаго шквала съ дождемъ, гнавшаго ихъ передъ собой. Два японскихъ миноносца въ это время отходили назадъ къ своимъ прежнимъ позиціямъ,—мнѣ показалось, что они двинулись по направленію къ прорывавшимся пароходамъ. Но вновь налетѣвшій сильный шквалъ скрылъ ихъ опять за своей завѣсой и они благополучно достигли цѣли своего путешествія. Эти прорвавшіеся пароходы доставили осажденному гарнизону Портъ-Артура съѣстные припасы и медицинскія пособія.

Такимъ образомъ вылазка русскихъ миноносцевъ была лишь фальшивымъ маневромъ, чтобы замаскировать прорывъ пароходовъ. Въ общемъ этотъ день можно было считать для русскихъ удачнымъ....

Окончивъ послѣдній рисунокъ, я взобрался еще разъ на вершину, чтобы напослѣдокъ окинуть прощальнымъ взоромъ портъ-артурскій заливъ. Затѣмъ мнѣ привелиословъ и мы сняли нашъ лагерь, хотя дувшій сѣверозападный вѣтеръ былъ такъ силенъ, что ослы, на которыхъ навьючили разобранную палатку, едва могли двигаться противъ этого вѣтра. Послѣ двухъ или трехъ незначительныхъ приключеній, намъ все-таки удалось добраться до берега, гдѣ я вызвалъ сигналомъ шлюпку, но съ корабля

мнѣ отвѣтили: „слишкомъ свѣжо, придетъ позднѣе“. Такимъ образомъ мнѣ пришлось слоняться безъ всякаго дѣла въ грязномъ китайскомъ городѣ почти до самаго солнечнаго заката, когда стихъ вѣтеръ и сторожевое судно привело на буксирѣ большой сампанъ, въ которомъ я и помѣстился со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Встрѣча на крейсерѣ была самая радушная: всѣ матросы, побывавшіе въ числѣ моихъ караульныхъ, собрались у поручней, чтобы привѣтствовать меня, а офицеры дали въ честь моего возвращенія обѣдъ въ каютъ-компаніи, за которымъ разсказали всѣ свѣжія новости. Русскіе потерпѣли тяжелый разгромъ подъ Мукденомъ, а сборъ риса въ Японіи оказался лучшимъ за послѣднія двадцать лѣтъ. Въ случаѣ успѣха предстоящей атаки на Портъ-Артуръ, предполагалось раздѣлить японскій флотъ на двѣ части: одну отправить въ Японію для производства исправленій, а всѣ отряды миноносцевъ, одинъ крейсеръ и одинъ броненосецъ послать для наблюденія за Владивостокомъ.

Снова началась холодная погода и каждый изъ насъ только о томъ и думалъ, какъ бы ему согрѣться. Капитанская каюта была самымъ теплымъ мѣстомъ на всемъ кораблѣ; поэтому я отправился къ капитану и онъ въ придачу разсказалъ мнѣ о своемъ очень интересномъ первомъ плаваніи въ роли капитана по рѣкѣ Янтсе-Кіангу; у него до сихъ поръ сохранились подробныя записки объ этомъ плаваніи и собственноручно начерченная карта рѣки. Въ этомъ отношеніи японскіе офицеры достигаютъ совершенства: они никогда не удовлетворяются правительственными картами, но составляютъ свои соб-

ственныя, очень часто находя ошибки въ оффиціальныхъ изданіяхъ. Я засталъ командира за разборомъ только что полученной имъ корреспонденціи и онъ прочелъ мнѣ письма, полученныя отъ своихъ—жены и ребенка. Его маленькая восьмилѣтняя дѣвочка писала ему:

„Милый папа, я такъ тебя люблю, но я забуду твое лицо, если ты останешься тамъ надолго. Посмотри подольше на мѣсяцъ такъ, чтобы въ немъ отразилось твое лицо, тогда и я могу посмотрѣть и тамъ увидѣть тебя". Во всякомъ японцѣ бьется эта поэтическая жилка, также какъ и вся нація безъ исключенія проникнута однимъ чувствомъ глубокаго, воодушевляющаго ее патріотизма „Бушидо".

Англійскій морской агентъ, обсуждая въ разговорѣ со мной успѣхи, одержанные японскимъ флотомъ, всецѣло приписывалъ ихъ „Бушидо". Буквально это слово означаетъ „убѣжденія и правила рыцарей—воиновъ", а въ свободномъ переводѣ: „преданность долгу и отечеству". Эти понятія глубоко вкоренились въ сердце націи. Въ древнія времена они были руководящими принципами для рыцарей, или самураевъ, принадлежавшихъ къ свитѣ феодальныхъ князей—дайміо.

Въ этой военной кастѣ выше всего ставилось понятіе о чести. Соблюденіе установленныхъ правилъ въ битвѣ, покровительство слабымъ, поддержка правосудія, полное забвеніе собственной личности для выгоды и пользы отечества были ихъ руководящими принципами, существовавшими тысячи лѣтъ и наложившими печать на всю жизнь націи вплоть до настоящаго времени. „Бушидо" можно вѣрнѣе опредѣлить, какъ практическую религію, громадная мораль-

ная сила которой облегчила Японіи возможность борьбы съ противникомъ, превосходившимъ ее могуществомъ. Даже если бы это неравенство было еще болѣе рѣзко, „Бушидо“ все-таки помогло бы Японіи выйти побѣдительницей изъ этой неравной борьбы.

Какъ показали текущія событія, японцы никогда не обратятся въ бѣгство изъ трусости, и въ тоже время они преднамѣренно не сдѣлаютъ вреда самому крошечному насѣкомому. Болѣе всего въ мірѣ японскій народъ ненавидитъ низкіе поступки, обманъ, всякія тайныя, лукавыя дѣйствія, которыя совершенно чужды ихъ высоко-благородному національному характеру. Многіе представители старшаго поколѣнія съ сожалѣніемъ смотрятъ на ростъ коммерческихъ предпріятій, опасаясь распространенія сравнительно невысокихъ нравственныхъ понятій, которыя имъ кажутся тѣсно связанными съ развитіемъ торговыхъ дѣлъ. Но японцы сознаютъ, что имъ необходимо спуститься съ ихъ заоблачныхъ высотъ и занять подобающее мѣсто на міровомъ рынкѣ.

По многимъ причинамъ объ этомъ слѣдуетъ сожалѣть: одной изъ главныхъ является та, что неминуемо исчезнетъ прежняя простая непритязательная жизнь, до сихъ поръ такъ выгодно характеризовавшая японскую націю.

Воспитывая сына, японскій отецъ надѣется, что онъ будетъ подражать рыбѣ „кой“, которая всегда плыветъ противъ теченія, противъ водопадовъ и всѣхъ встрѣчающихся препятствій, пока наконецъ не достигнетъ источника рѣки. Онъ не желаетъ, чтобы путь его сына былъ слишкомъ легкимъ въ жизни и всегда предпочитаетъ, чтобы онъ закалилъ себя для борьбы, рѣшивъ или добиться успѣха, или

умереть. Съ самаго нѣжнаго возраста матери воспитываютъ въ дѣтяхъ эти спартанскія чувства; отъ нихъ они учатся молчаливо переносить боль и разочарованіе, владѣть собой и подавлять ощущенія. У матери, потерявшей единственнаго сына на полѣ сраженія, не видно никакихъ внѣшнихъ проявленій горести; она старается излечить раздирающееся отъ боли сердце, представляя своего сына вновь ребенкомъ, выбѣжавшимъ изъ дому въ погонѣ за бабочками... Исполняя свою домашнюю работу, съ сердцемъ, обливающимся кровью, она тихонько напѣваетъ: „Хотѣлось бы знать, какъ далеко убѣжалъ сегодня мой мальчикъ въ погонѣ за рѣзвыми стрекозами“...

ГЛАВА X.

День, проведенный на рыбной ловлѣ. Пожаръ склада масла у русскихъ. Празднества по случаю дня рожденія императора. Сраженіе съ русскими истребителями. Новый выходъ истребителей. Ночная погоня. Удивительное извѣстіе о британской арміи. Мнѣніе японцевъ насчетъ продолжительности войны. Жизнь въ Портъ-Артурѣ. Воскрешеніе „Севастополя“. Нападеніе на него миноносцевъ. Онъ совершенно выведенъ изъ строя. День Рождества. Паденіе Портъ-Артура.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія на корабль капитанъ Іонахара сдѣлалъ фотографическій снимокъ, на которомъ я былъ окруженъ моимъ личнымъ конвоемъ, т. е. всѣми матросами, которые въ разное время исполняли въ лагерѣ обязанности моихъ караульныхъ.

Вѣроятно, русскіе разбросали несмѣтное количество минъ; японцы насчитывали ихъ уже больше тысячи выловленныхъ и конечно въ Дальнемъ было еще много неразысканныхъ. Послѣ бывшей бури тралящія суда вновь съ усердіемъ принялись за свой трудъ и я тоже отправился съ однимъ изъ отрядовъ истребителей, чтобы еще разъ поглядѣть на Портъ-Артуръ.

Разъ у насъ устроилась рыбная ловля траломъ *)

*) Приспособленіе съ массой крючковъ, которое лодка тащитъ за собой, причемъ двигается она очень тихо.

въ проливѣ между островами. Это самое излюбленное мѣсто здѣшнихъ рыболововъ. Мы разсчитывали поймать рыбу „тай“ и отправились на большомъ сампанѣ, взявъ четырехъ матросовъ на весла и для насаживанія приманки. Въ-тралѣ было около сотни крючковъ; обойдя съ нимъ кругомъ острова, капитанъ предложилъ взять съ собой завтракъ и высадиться на берегъ, предоставивъ рыбѣ самой идти на крючки. Была сильная зыбь и высадка между скалами оказалась дѣломъ не очень легкимъ. Наконецъ, это намъ удалось и мы по скаламъ взобрались до округленной вершины, гдѣ на бамбуковой палкѣ задорно развѣвался маленькій флагъ,—значокъ, поставленный землемѣромъ. Здѣсь росла такая же мягкая трава, какъ и въ нѣкоторыхъ солнечныхъ горныхъ уголкахъ и цвѣли еще поздніе осенніе цвѣты.

Мы нарвали съ капитаномъ огромные букеты для украшенія стола въ каютъ-компаніи. Послѣ завтрака мы спустились къ прибрежнымъ скаламъ, подножія которыхъ обвиты морскими водорослями; растительность эта не такъ блестяще окрашена, какъ у англійскихъ береговъ, но все-таки мы нашли прекрасный экземпляръ морскаго анемона, совершенно такого же ярко зеленаго цвѣта, какъ ящерицы, попадающіяся на Джерсеѣ. Единственными живыми существами на островѣ была колонія горныхъ голубей.

Сѣвъ въ лодку, мы вытащили тралъ, въ которомъ не оказалось ни одной рыбы. Захваченные нами нѣсколько динамитныхъ патроновъ оказались гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ: мы наловили нѣсколько ведеръ крупной рыбы, и между прочимъ попался одинъ особенно хорошій экземпляръ тунца.

По возвращеніи на корабль, мы нашли командира, занятаго приготовленіями къ выходу въ море: намъ было приказано идти въ Дальній. Море было спокойно, и вода была какъ зеркало, когда мы двинулись въ путь. Въ Портъ-Артурѣ продолжалась стрѣльба, но мы шли по противуположному направленію. Принимая въ разсчетъ возможность наткнуться на мину, мы сдѣлали очень большой обходъ, и взяли курсъ на Дальній только тогда, когда увидѣли эскадру Того. Мы прошли подъ самымъ Кван-тан-шаномъ, — двойнымъ островомъ, состоящимъ изъ двухъ горъ, соединенныхъ серебристой песчаной косой около мили ширины. Находящійся рядомъ маленькій островокъ Чизи-Квангъ имѣлъ видъ шлюпки подъ кормой корабля; его можно сравнить съ Теленкомъ у острова Мэнъ. Черный куполъ въ центрѣ острова указываетъ мѣсто огромной океанской пещеры, въ которую легко можетъ войти корабль; по сторонамъ входа двѣ чудовищныя скалы въ видѣ башенъ. Эти островки имѣютъ вмѣстѣ почти одинаковую площадь съ Джерсеемъ, но единственными ихъ обитателями являются смотрители маяковъ и нѣсколько рыбачьихъ семействъ.

При нашемъ входѣ въ заливъ Дальняго, канонерскія лодки были дѣятельно заняты разыскиваніемъ минъ, которыхъ оставалось выловить еще значительное количество.

Сначала мы встали на якорь въ гавани, не доходя до моего прежняго крейсера „Тайнанъ-Мару“, но въ четыре часа снова подняли якорь и перешли на другую стоянку, ярдовъ на тысячу ближе къ адмиралтейству.

Командиръ отправился на флагманское судно съ

донесеніемъ о нашемъ прибытіи, и тамъ ему сообщили, что приказъ о перемѣнѣ нашего мѣстопребыванія отмѣненъ, и что завтра мы возвращаемся назадъ, на наше старое мѣсто. Эта потеря времени могла бы быть избѣгнута, если бы на нашемъ крейсерѣ былъ установленъ приборъ для безпроволочнаго телеграфированія; тогда, въ любой моментъ нашего перехода, мы могли бы получить надлежащія распоряженія.

На слѣдующее утро, передъ нашимъ уходомъ, я отправился повидаться со своими старыми товарищами на „Тайнанъ-Мару“, гдѣ встрѣтили меня очень ласково. На кораблѣ все было попрежнему, исключая нѣкоторыхъ перемѣнъ среди младшихъ офицеровъ. Мнѣ собственно хотѣлось остаться со старыми моими друзьями, но мой долгъ призывалъ меня находиться какъ можно ближе къ театру активныхъ операцій.

Когда мы снова стали на якорь въ „извѣстномъ убѣжищѣ“, я отправился на берегъ, чтобы посмотрѣть на дѣйствіе фугасовъ (земляныхъ минъ), такъ какъ мнѣ сообщили, что въ этотъ день онѣ будутъ пущены въ дѣло. Съ моего наблюдательнаго пункта я внимательно слѣдилъ за атакой и я видѣлъ, какъ внезапно взорвалась земляная мина. Казалось, что сразу взлетѣла на воздухъ огромная часть холма: недавно симметрическій холмъ превратился въ безформенный хаосъ и воздухъ потемнѣлъ отъ падавшихъ камней, земли и человѣческихъ тѣлъ. Взрывъ земляной мины пріостановилъ сраженіе на нѣкоторое время, такъ что послѣдовала короткая передышка.

Въ этотъ день изъ Англіи была получена телеграмма, въ которой говорилось: „Балтійскій флотъ

пустилъ ко дну выстрѣлами англійскую рыбачью лодку, принявъ ее за японскій крейсеръ". Всѣ покатились со смѣху; многіе даже не хотѣли вѣрить этой исторіи.

На слѣдующее утро нашъ отрядъ вышелъ на обычное рандеву, но не случилось ничего особенно важнаго, кромѣ того, что японскіе снаряды зажгли у русскихъ складъ масла и мы были свидѣтелями великолѣпнѣйшаго зрѣлища: пламя поднималось высоко въ небо и облака чернаго дыма, похожіе на похоронные султаны изъ перьевъ, доносились вплоть до самой эскадры Того. Должно быть, этотъ пожаръ былъ очень серьезной неудачей для русскихъ, не имѣвшихъ большихъ запасовъ угля или другого топлива.

3-го ноября день рожденія его императорскаго величества японскаго императора; это самый важный праздникъ въ году, и въ этотъ день армія и флотъ получаютъ угощеніе на его личный счетъ.

Я замѣтилъ, что у матросовъ былъ какой-то особенно таинственный видъ за послѣдніе два или три дня. Тайна разъяснилась, когда 3-го ноября утромъ я вышелъ въ каютъ-компанію: вся она была украшена различными цвѣтами, особенно хризантемами всѣхъ оттѣнковъ, не исключая голубыхъ и зеленыхъ; изящныя лиловыя глициніи спускались съ бимсовъ граціозными фестонами и кистями.

Всѣ эти бумажныя украшенія были сдѣланы впродолженіе трехъ дней. Была устроена временная сцена и различныя ея части были украшены принадлежностями различныхъ спеціальностей на кораблѣ. Механики устроили затѣйливые узоры изъ гаекъ, ключей и другихъ инструментовъ, употре-

бляющихся въ машинѣ; у артиллеристовъ фигурировали револьверы, штыки и патроны; плотники риспособили для украшенія пожарный рукавъ и т. д. Задній планъ сцены, края ея и занавѣсъ были задрапированы флагами всѣхъ націй, среди которыхъ особенно выдѣлялся великобританскій. Къ восьми часамъ утра весь корабль расцвѣтился флагами, подобно тому, какъ это дѣлается въ англійскомъ флотѣ.

Все утро было посвящено разнаго рода развлеченіямъ: устроили бѣгъ въ мѣшкахъ, бѣгъ съ картофелемъ и другіе обыкновенные номера спортивной программы. Но особенно одно изъ состязаній было и интересно и полезно: матросы, принимавшіе въ немъ участіе, лежали въ своихъ койкахъ; по звуку сигнальнаго рожка они вскакивали, одѣвались, свертывали койки, бѣжали на другой конецъ корабля, хватали свои ружья, боевую аммуницію и въ перегонку мчались кругомъ, на другую сторону, гдѣ ихъ осматривалъ офицеръ съ помощью унтеръ-офицера. Само собою разумѣется, что призъ получалъ тотъ, кто, прибѣжавъ первый, безукоризненно исполнилъ все требовавшееся. Были устроены состязанія въ борьбѣ, въ которыхъ матросы выказывали свою храбрость и искусство въ джу-джу-си.

Въ половинѣ двѣнадцатаго вся команда и офицеры, не исключая и меня, выстроилась для смотра, который продолжался до двѣнадцати. Послѣ императорскаго салюта въ двадцать одинъ выстрѣлъ, мы прокричали три такихъ оглушительныхъ „Банзай“, что ихъ навѣрное можно было слышать въ Портъ-Артурѣ.

Когда разсѣялся послѣдній клубъ дыма, по свистку боцмана всѣ отправились внизъ, гдѣ былъ поданъ

завтракъ съ шампанскимъ за счетъ императора. Тостъ за его здоровье былъ принятъ съ безграничнымъ энтузіазмомъ; вслѣдъ за тѣмъ провозгласили тостъ за здоровье его союзника, короля Эдуарда, что было принято почти одинаково восторженно. На мою долю выпала большая честь благодарить за тостъ, такъ какъ я являлся единственнымъ присутствовавшимъ здѣсь англичаниномъ. Изъ всѣхъ европейскихъ монарховъ пили только за здоровье короля Эдуарда.

Послѣ завтрака вынесли всѣ столы и стулья и просторный салонъ обратился въ зрительную залу, переполненную публикой, такъ какъ были приглашены всѣ свободные матросы съ миноносцевъ. Офицеры заняли мѣста по краямъ залы, а команда сѣла рядами на корточки на полъ. Обѣ пьесы были исполнены безукоризненно. Первой шла старинная японская драма, полная цвѣтистой реторики, затѣмъ „Русскій шпіонъ“, новѣйшая мелодрама на тему современныхъ событій. Костюмы и игра участвовавшихъ во второй пьесѣ сдѣлали бы честь любому англійскому провинціальному театру; артистъ, исполнявшій главную роль, имѣлъ видъ настоящаго англійскаго актера и былъ артистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ антрактахъ разносилъ бисквиты и сладости какой-то очень веселый матросъ, смѣшившій всѣхъ своимъ выкрикиваніемъ товаровъ на манеръ разнощика. Въ концѣ вечера былъ смѣшанный дивертисментъ. Наши лондонскіе театральные директора могли бы извлечь для себя не одно полезное указаніе, внимательно изучивъ его программу. Чай и папиросы закончили одинъ изъ наиболѣе веселыхъ дней моего пріятнаго пребыванія въ японскомъ флотѣ.

На слѣдующее утро я пошелъ въ море на миноносцѣ № 65. Мачта его была поставлена за дымовой трубой и мнѣ объяснили, что это сдѣлано съ цѣлью болѣе удобныхъ приспособленій для подъема и спуска шлюпокъ. Внезапно наступившая зима заставила всѣхъ насъ основательно закутаться: матросы надѣли высокіе сапоги, длинныя пальто, снабженныя капюшономъ и воротникомъ, теплыя бѣлыя перчатки и бѣлый шарфъ, который они носятъ для предохраненія отъ простуды рта и горла. Я нашелъ свою мѣховую шубу очень удобной и пріятной, особенно при плаваніи на миноносцахъ.

На слѣдующій день, недалеко отъ нашего судна, въ гавани взорвалась мина, и это нагнало на насъ порядочнаго страха, такъ какъ мы были переполнены взрывчатыми матеріалами. Предполагавшаяся моя экспедиція на другомъ миноносцѣ окончилась ничѣмъ—его постигла очень печальная участь. Въ туманѣ онъ подошелъ совсѣмъ близко подъ русскія батареи и когда туманъ внезапно разсѣялся, русскіе пятью удачными выстрѣлами тотчасъ пустили его ко дну, при чемъ спаслась лишь только очень малая часть его команды. По словамъ капитана Камуры, русскіе научились прекрасно пристрѣливаться съ нижнихъ батарей и кромѣ того, они такъ хорошо исправили свои карты и створы, что превосходно знали, куда слѣдуетъ цѣлить.

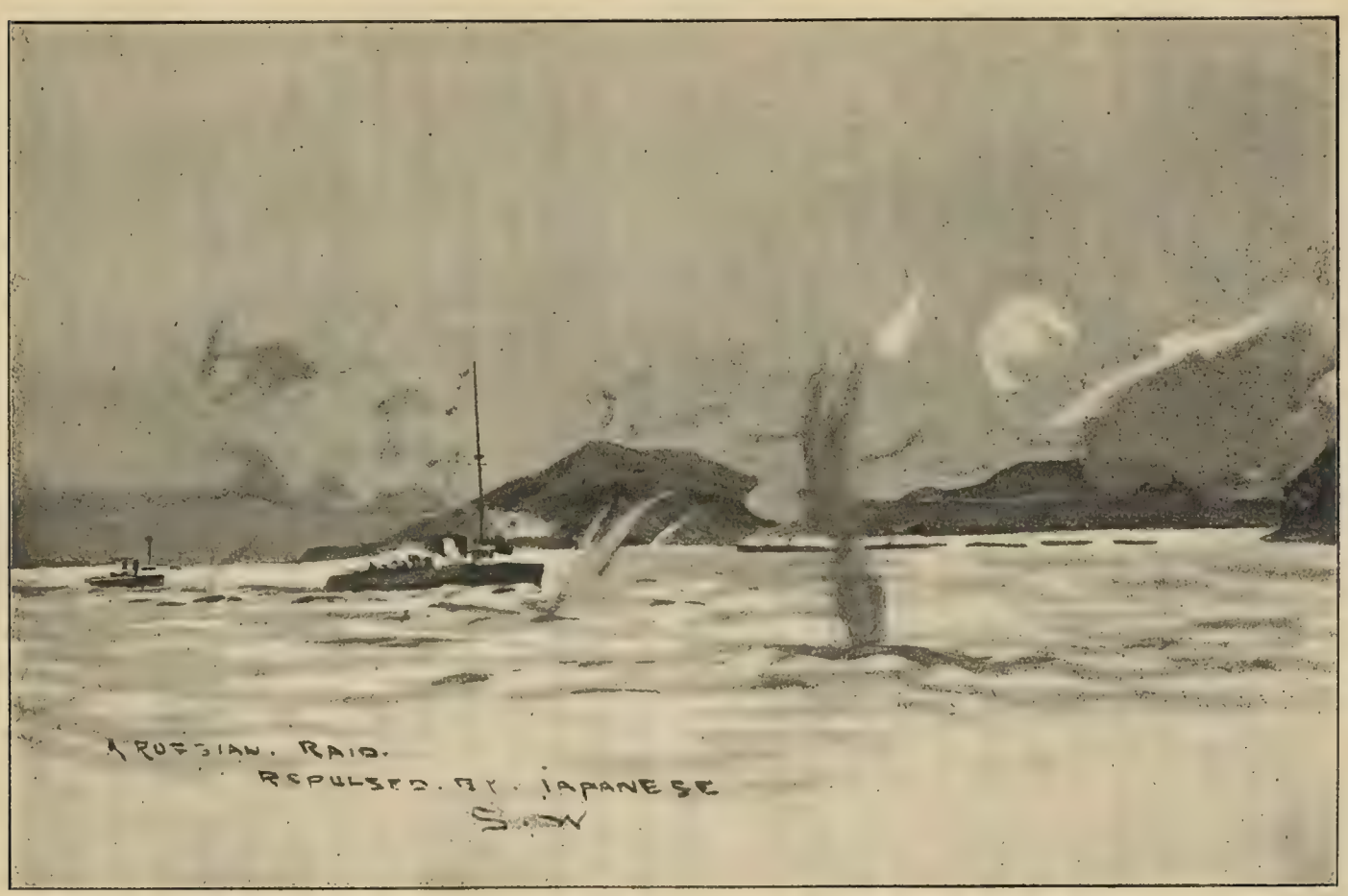
На наше судно сѣлъ почтовый голубь, какъ видно, совсѣмъ измученный; команда кинулась его ловить, но они его только спугнули на другой корабль.

У насъ былъ цѣлый запасъ грушъ и яблоковъ, составлявшихъ часть груза одного захваченнаго нами парохода, желавшаго прорвать блокаду. Ѣли мы ихъ

съ истиннымъ чувствомъ благодарности къ русскимъ, хотя, вѣроятно, случись имъ увидѣть, какъ мы наслаждались предназначенными для нихъ лакомствами,—чувства ихъ врядъ-ли были бы изъ пріятныхъ!

Однажды, во время нашего пребыванія въ заливѣ, изъ Портъ-Артура неожиданно вышли русскіе истребители и миноносцы. Всѣ отряды тотчасъ сосредоточились для ихъ встрѣчи, а крейсеры вступили въ перестрѣлку. Около получаса мы занимались упражненіемъ въ стрѣльбѣ на дальнемъ разстояніи,—нѣкоторые изъ нашихъ снарядовъ попадали въ цѣль, тогда какъ самый удачный выстрѣлъ русскихъ только забрызгалъ насъ всѣхъ водой съ ногъ до головы. Послѣ этого русскія суда вошли обратно въ гавань; кажется, что ихъ выходъ не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли; это было одно изъ ихъ совершенно непонятныхъ движеній, съ которыми мы уже начинали свыкаться.

Предлогомъ для моей слѣдующей поѣздки на берегъ явилось желаніе осмотрѣть маленькій оригинальный китайскій храмъ. Окружавшая его мѣстность была чѣмъ-то среднимъ между конюшней и дешевымъ балаганомъ; передъ тремя статуями боговъ, выкрашенными киноварью, лазурью и золотомъ, курились благовонныя палочки. Фрески въ нишахъ, гдѣ онѣ помѣщались, изображали элементы, надъ которыми господствовало каждое изъ этихъ божествъ: рѣзьба кругомъ алтарей была очень изысканной; при входѣ стояли двѣ каменныя колонны съ выгравированными на нихъ древними историческими календарями. На дворѣ храма была набросана подстилка для скота и старые угольные мѣшки, въ которыхъ можно было увязнуть до колѣнъ. У ограды стояли



Японскія суда. Русскіе истребители.

Выходъ русскихъ истребителей, остановленный нашими флотиліями.

необыкновенно многочисленные безрукіе и прокаженные нищіе, просившіе милостыню; за нѣсколько монетъ, брошенныхъ въ толпу, на наши головы посыпался цѣлый дождь благословеній, тѣмъ не менѣе мы были очень счастливы уйти подальше отъ этихъ бѣдныхъ, несчастныхъ созданій.

Въ этотъ день моя собака Чизи была на охотѣ и съѣла такую массу цыплятъ, что видъ у нея былъ такой, точно она проглотила мину.

Большое количество маленькихъ флаговъ, испещрявшихъ всѣ островки и скалы, указывало, что вступивъ во владѣніе этой землей, японцы уже начали снимать планы со своей новой территоріи. Составленіе хорошихъ плановъ было необходимо, такъ какъ на нѣкоторыхъ русскихъ картахъ наша гавань находилась на вершинахъ горъ, находившихся на разстояніи четырехъ миль.

Въ каютъ-компаніи своевременно получались извѣстія о всѣхъ передвиженіяхъ балтійскаго флота, но это нисколько не нарушало хорошаго расположенія духа офицеровъ: они попрежнему занимались грамофономъ и національной игрой бангъ, предсказывая большую неожиданность для балтійской эскадры, если она когда-нибудь окажется въ предѣлахъ ихъ досягаемости. До насъ дошелъ слухъ, что Стессель послалъ донесеніе царю; конечно, не было извѣстно, въ чемъ оно состояло, но сопоставляя этотъ фактъ съ остальными, мы пришли къ единогласному заключенію, что оно касается сдачи Портъ-Артура.

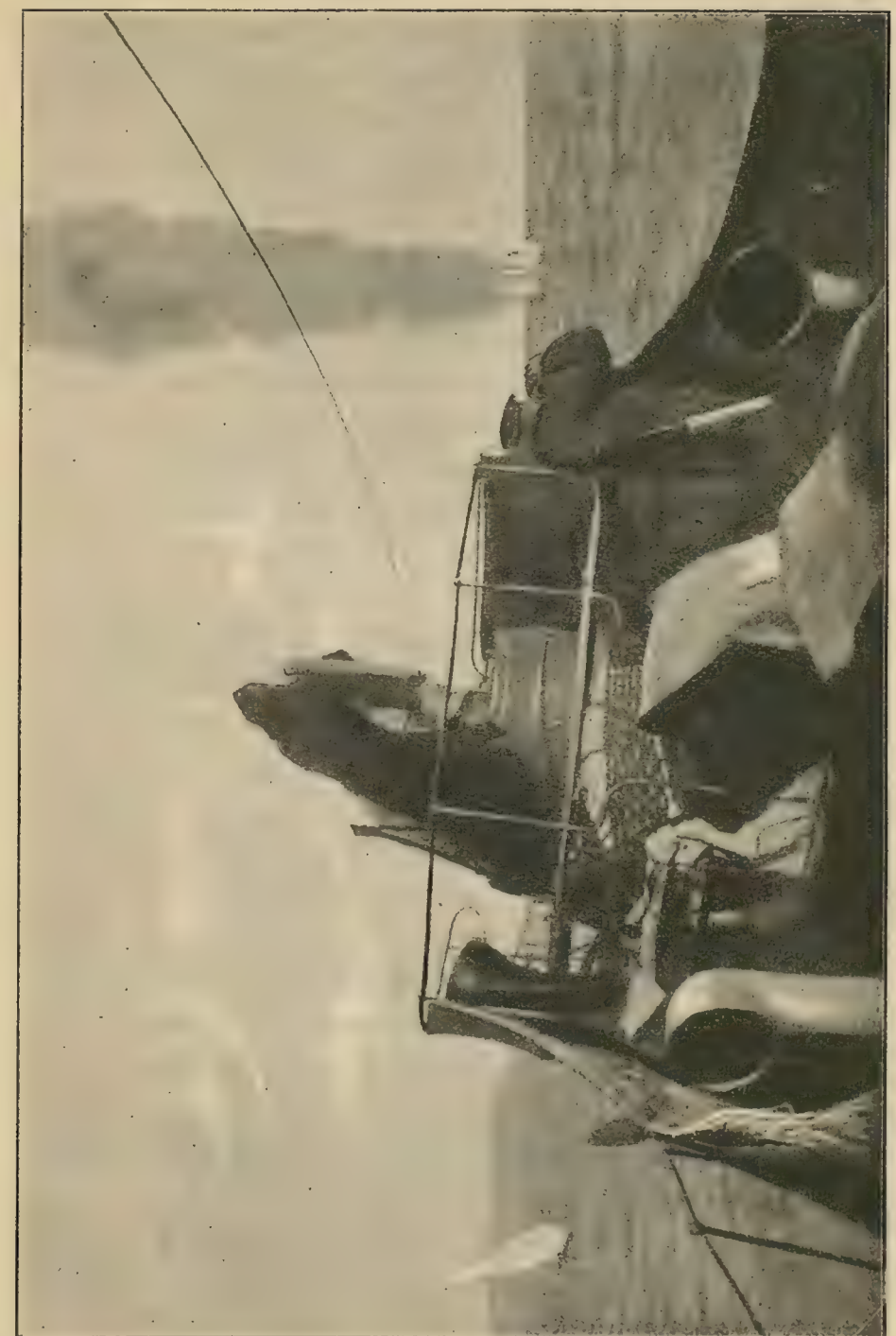
Погода въ Манджуріи мѣняется съ молніеносной быстротой, а времена года наступаютъ поразительно точно и внезапно. Зима начинается тамъ съ середины

ноября; проснувшись утромъ 15-го числа, мы увидѣли, что вся мѣстность уже покрыта снѣгомъ. Бѣлизна его составляла пріятную перемѣну сравнительно съ прежнимъ желтовато-сѣрымъ цвѣтомъ полей и придавала новый видъ всей мѣстности: теперь рѣзко бросались въ глаза вершины и мысы, бывшіе раньше совсѣмъ незамѣтными. Покрытые снѣгомъ холмы такъ ясно выдѣляли на голубовато-зеленомъ фонѣ воды изгибы каждой крошечной бухточки, что, казалось, измѣнилось даже самое очертаніе залива. Ляотешанъ имѣлъ видъ вершины Монблана, поставленной на яшмовый столъ. Въ чистой и свѣтлой атмосферѣ всѣ предметы рисовались такъ выпукло, что съ палубы истребителя легко можно было разсмотрѣть русскихъ, притаившихся въ своихъ траншеяхъ.

Въ это время японскія и русскія траншеи настолько сблизились другъ съ другомъ, что взаимно можно было слышать шаги и голоса. Между противниками установились очень дружелюбныя отношенія, такъ что японцы часто даже перебрасывали русскимъ папиросы. Окопы иногда совершенно заволакивались чернымъ дымомъ шимозъ и пока онъ разсѣевался, мы напряженно ожидали результатовъ. Временами, какъ это вообще бываетъ на войнѣ, всѣми овладѣвало чувство какой-то равнодушной притупленности; особенно сильно оно проявилось именно въ этотъ періодъ, когда нельзя было предвидѣть скораго рѣшенія: непріятель не желалъ выйти изъ крѣпости для принятія боя, а мы не могли въ нее войти.

Однако же, разъ ночью, мы пережили большое возбужденіе: въ полночь командующій отрядомъ мино-

Взорвавшаяся мина.



Утренняя встрѣча. Рандеву В въ портъ-артурской бухтѣ.

Паденіе русскаго снаряда.

носцевъ сдѣлалъ сигналъ: „погоня“. Вѣстовой разбудилъ меня, говоря что-то насчетъ выхода русскихъ судовъ... Я тотчасъ кинулся на палубу, но ничего не могъ разсмотрѣть кромѣ того, что мы разсѣкали волны со скоростью экстреннаго поѣзда. Одинъ изъ офицеровъ разсѣялъ мое недоумѣніе, сказавъ, что прорвался русскій истребитель и мчится прямо передъ нами, держа курсъ на китайскій портъ. Мы преслѣдовали его, постепенно нагоняя, вплоть до самаго Чифу, гдѣ увидѣли въ блѣдномъ предразсвѣтномъ сумракѣ три военныхъ корабля, бывшихъ, какъ потомъ оказалось, китайскими крейсерами. Наше вниманіе было привлечено взрывами и дымомъ въ противуположной части гавани, гдѣ русскіе уничтожали свой миноносецъ.

Возбужденіе, испытанное при погонѣ, не помѣшало намъ очень страдать отъ ужаснаго холода.

Возвратившись на слѣдующій день на „Никко-Мару“, я слышалъ разговоръ нѣсколькихъ плѣнныхъ, находившихся на причалившей къ борту джонкѣ о томъ, что отъ русской мины взлетѣлъ на воздухъ какой-то англійскій пароходъ, вмѣстимостью около 3000 тоннъ, при чемъ оставшимся въ живыхъ было уплачено за молчаніе. Провѣрить справедливость всей этой исторіи оказалось невозможно, потому что джонка отошла раньше, чѣмъ я могъ разспросить о подробностяхъ.

Выдающимся событіемъ всегда бывалъ приходъ почты изъ Сасебо: сампаны, паровые катера, шлюпки всѣхъ родовъ мчались отъ своихъ кораблей, перегоняя другъ друга, чтобы первымъ пристать къ борту пришедшаго транспорта.

Приближалось Рождество и многіе товарищи по

каютъ-компаніи, бывавшіе въ Англіи, разсказывали о своихъ впечатлѣніяхъ англійскаго Рождества и о веселье, царившемъ тамъ въ это время. Одного изъ нихъ пригласили къ обѣду, послѣ котораго начались игры въ фанты и поцѣлуи, и онъ очень насмѣшилъ хозяевъ тѣмъ, что совсѣмъ не умѣлъ цѣловаться.

Разъ насъ очень удивила полученная телеграмма, въ которой говорилось: „черезъ Красное море идетъ часть балтійскаго флота въ сопровожденіи англійской арміи“. Въ концѣ-концовъ я началъ думать, что ожидавшаяся реформа арміи дала такой осязаемый и поистинѣ поразительный результатъ!

По слухамъ у русскихъ въ Портъ-Артурѣ въ строю было всего 8000 человѣкъ; разсказывали, что повреждено много тяжелыхъ орудій, хотя осталось еще большое количество пулеметовъ, вполнѣ годныхъ къ употребленію. Японскіе крейсеры остановили въ заливѣ большой германскій пароходъ; по осмотрѣ груза оказалось, что онъ состоитъ изъ лекарствъ, медицинскихъ пособій и мѣховыхъ пальто. Видя, что его отправили въ Сасебо, я рѣшилъ попросить уступить мнѣ одно пальто, хотя сомнѣвался, разрѣшатъ-ли власти эту покупку, такъ какъ, вѣроятно, предполагалось раздать всѣ захваченныя вещи японскимъ солдатамъ.

На одномъ изъ транспортовъ были присланы офицерамъ подарки отъ японскихъ дѣтей школьнаго возраста: въ ихъ числѣ находились книги съ рисунками, девизами въ стихахъ и разсказами. Принимая во вниманіе возрастъ дѣтей отъ 7 до 15 лѣтъ, рисунки были замѣчательны, какъ типическіе образчики японскаго искусства, въ которыхъ уже про-

являлась характерная красота очертаній и композиціи. Любимымъ сюжетомъ была Фуджи,—священная гора японцевъ,—хотя встрѣчались и многочисленныя боевыя сцены; было также достаточно и юмористическихъ набросковъ. На каждой страницѣ были обозначены имя и возрастъ маленькаго художника. Общая работа дѣтей, доказывавшая, что они помнятъ своихъ отцовъ и братьевъ, была прекрасной идеей! Присланныя книги съ рисунками обладали для меня такой притягательной силой, что мнѣ очень хотѣлось бы имѣть одну изъ нихъ.

Можетъ быть это покажется новостью, если я скажу, что японцы разсчитывали на продолжительность войны около трехъ лѣтъ и сдѣлали соотвѣтственные разсчеты на резервы и на матеріальную часть.

Одинъ изъ истребителей доставилъ на нашъ корабль нѣсколько очень интересныхъ гостей, хотя явившихся къ намъ не по собственному желанію. Это были индусы изъ Портъ-Артура, служившіе тамъ, кажется, въ русско-китайскомъ банкѣ; они говорили, что очень устали и боятся долѣе оставаться въ городѣ; ихъ взялъ въ плѣнъ истребитель на разстояніи 12 миль отъ крѣпости. Одинъ изъ нашихъ кочегаровъ зналъ немного по-индусски и изъ разговора съ ними узналъ нѣсколько интересныхъ подробностей о положеніи вещей въ Портъ-Артурѣ. По ихъ словамъ, русскіе жили въ погребахъ между домами изъ за постояннаго страха снарядовъ; у нихъ было такъ мало топлива, что уголь нельзя было тратить на отопленіе; въ съѣстныхъ припасахъ также былъ недостатокъ. Снаряды крупныхъ орудій потопили одинъ большой корабль и около шести

маленькихъ судовъ. Гарнизонъ надѣялся, что около февраля подойдетъ на выручку балтійская эскадра, которая сниметъ блокаду.

Истребитель, взявшій въ плѣнъ индусовъ, носилъ названіе „Шинономе“, что означаетъ: „Восточное Облако“. Имена нѣкоторыхъ японскихъ истребителей были очень поэтичны: „Утренній Туманъ“, „Утренній Приливъ“, „Внезапный Ливень“, „Весенній Дождь“, но однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ названій было: „Сиро-Нисса“, значившее „Неизвѣстное Сіяніе“. Это имя дано морю, которое, какъ гласитъ легенда, въ темныя ночи озаряется яркимъ свѣтомъ, такъ поразившимъ рыбаковъ, что они не употребляли другого названія, кромѣ „Неизвѣстное Сіяніе“, говоря о непонятномъ для нихъ источникѣ свѣта. Съ теченіемъ времени это имя было присвоено вообще морю.

По требованію адмирала Того, находившіяся въ арміи, тяжелыя осадныя орудія сосредоточили весь огонь на русскихъ корабляхъ: вслѣдъ за этимъ съ сигнальной станціи было получено донесеніе, что четыре или пять большихъ броненосцевъ принуждены постоянно переходить съ мѣста на мѣсто. Мы всѣ находились въ полной готовности у своихъ орудій, нисколько не сомнѣваясь, что они скоро выйдутъ изъ гавани; на моей обязанности лежало помогать докторамъ.

Ночь я провелъ на миноносцѣ № 67, качаясь на зыби противъ Портъ-Артура.

Разъ какъ-то у меня съ однимъ изъ друзей—офицеровъ зашелъ разговоръ о религіи; его представленіе о Богѣ было—опора и помощь; о небѣ онъ говорилъ, какъ о мѣстѣ, обитаемомъ отцомъ священниковъ, но дѣйствительнымъ Богомъ для

японца является природа; они говорятъ о верховномъ существѣ, но не поклоняются ему.

Очень часто по вечерамъ мы слушали концерты на грамофонѣ: на крейсерѣ былъ огромный запасъ пластинокъ съ записанными японскими декламаціями и пѣснями, между которыми я узналъ хорошо извѣстные мотивы изъ Гейши.

Для японцевъ являлось крайней необходимостью какъ можно скорѣе овладѣть горой, извѣстной подъ именемъ 203-метровой возвышенности, господствовавшей надъ фортами и городомъ, но для этого нужно было установить еще нѣсколько тяжелыхъ осадныхъ орудій.

Хотя сама постановка ихъ не представляла большихъ затрудненій, но главной задержкой являлось то, что мѣсто для орудій заливалось бетономъ, просушка котораго требовала не меньше мѣсяца.

Наконецъ была произведена рѣшительная атака, подробности которой извѣстны всему міру; японцы заняли позиціи на 203-метровой горѣ; это рѣшило судьбу крѣпости и оказалось началомъ конца.

На слѣдующій день мнѣ былъ сдѣланъ сигналъ слѣдующаго содержанія: „Сеппингсъ Райтъ отъ командира Іонахары.

„Пересвѣтъ“ сильно поврежденъ, оставленъ командой; „Ретвизанъ“ накренился на лѣвый бортъ, ошвартовился на канатахъ, укрѣпленныхъ на сушѣ; „Полтава“ погрузилась по верхнюю палубу; одинъ снарядъ попалъ въ истребителя“.

Въ эту ночь, въ первый разъ за всѣ девять мѣсяцевъ, Портъ-Артуръ былъ погруженъ во мракъ: прожекторы не свѣтили. Наканунѣ всѣ суда получили предупрежденіе отъ адмирала Того внимательно

слѣдить за всѣмъ происходящимъ вокругъ, такъ какъ въ любой моментъ на слѣдующую ночь можно было ожидать выхода русскихъ истребителей. Предполагали, что они постараются сдѣлать вылазку, но не исключалась возможность и того, что они захотятъ прорваться въ Чифу, гдѣ суда взорвутъ, а команда перейдетъ на берегъ или на китайскіе корабли.

Съ минуты на минуту можно было ожидать конца. Японскія войска стояли напротивъ Мукдена и только ждали замерзанія рѣки для облегченія переправы. По свѣдѣніямъ сигнальной станціи почти всѣ русскіе броненосцы были выведены изъ строя. Собственно говоря, Портъ-Артуръ уже находился во власти Японіи, хотя фактически онъ еще не былъ въ нашихъ рукахъ.

Съ заботливой предусмотрительностью, характеризующей всякую японскую организацію, уже былъ назначенъ адмиралъ для командованія портомъ, чтобы въ тотъ же моментъ, когда надъ городомъ взовьется флагъ Восходящаго Солнца, вошедшій въ него со своимъ штабомъ адмиралъ могъ принять въ свое завѣдываніе оставленные доки, мастерскія и магазины.

Я обратился съ просьбой къ адмиралу Того разрѣшить мнѣ снова возвратиться въ Дальній на „Тайнанъ-Мару“, чтобы присутствовать при паденіи Портъ-Артура. Фактически блокада кончилась и командиръ миноносца, капитанъ Міаки пріѣхалъ проститься со мной передъ отправленіемъ въ Японію.

Многія суда уходили и цѣлыя флотиліи сампановъ вылавливали мѣшки съ углемъ, упавшіе за бортъ при торопливой нагрузкѣ миноносцевъ.

Сборъ былъ очень обиленъ: нѣкоторыя лодки шли къ берегу, нагруженныя до самаго верху. Мой

вѣстовой Фукушима усердно трудился надъ укладкой вещей. Такъ какъ очередное почтовое судно отходило на слѣдующій день ровно въ восемь часовъ утра,—(къ слову сказать, въ это росписаніе входили только два миноносца, поддерживавшіе постоянное сообщеніе между Дальнимъ и различными флотами и гаванями),—одинъ изъ моихъ пріятелей предложилъ довезти меня до Дальняго на миноносцѣ № 62 изъ 20-го отряда, который долженъ былъ выйти немного позднѣе.

Китайскіе сампаны, вылавливающіе упавшіе за бортъ мѣшки съ углемъ во время спѣшной нагрузки.

Въ девять часовъ утра вещи были уложены и капитанъ Кимура прислалъ за мной съ просьбой придти въ каютъ-компанію, гдѣ собрались всѣ офицеры. Тамъ онъ простился со мной отъ имени всего корабля, прибавивъ нѣсколько очень лестныхъ словъ по моему адресу. Выпивъ саке, я сказалъ небольшую рѣчь, въ которой поблагодарилъ ихъ за дружбу и доброту, оказанныя мнѣ во время моего пребыванія на ихъ кораблѣ.

Изъ портъ-артурской гавани вышелъ „Севастополь“, единственный броненосецъ, оставшійся у русскихъ, очевидно съ намѣреніемъ прорваться въ море и сдѣлать отчаянную попытку къ бѣгству. Но коман-

диръ его, должно быть, измѣнилъ первоначальный планъ, такъ какъ „Севастополь“ сталъ на якорь на внѣшнемъ рейдѣ. Японцы считали его выведеннымъ изъ строя съ тѣхъ поръ, какъ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ наткнулся на мину, а оказалось, что онъ спокойно въ это время чинился. Какъ бы то ни было, русскіе основательно починили Севастополь и вывели его изъ дока *) въ ту ночь, когда мы замѣтили отсутствіе прожекторовъ; нужно сознаться, что онъ не имѣлъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, находясь между японской арміей и эскадрой адмирала Того.

Въ 9½ часовъ утра я спустился въ паровой катеръ, провожаемый прощальными криками „Банзай“. Разставаніе съ моими японскими сослуживцами глубоко отзывалось въ моемъ сердцѣ, потому что они относились ко мнѣ очень дружелюбно, помогая мнѣ всѣмъ, что только было въ ихъ силахъ, такъ что изъ всѣхъ пережитыхъ мною кампаній, проведенное съ ними время было безусловно самымъ пріятнымъ. Офицеры и матросы долго махали мнѣ платками и фуражками въ знакъ прощальнаго привѣта.

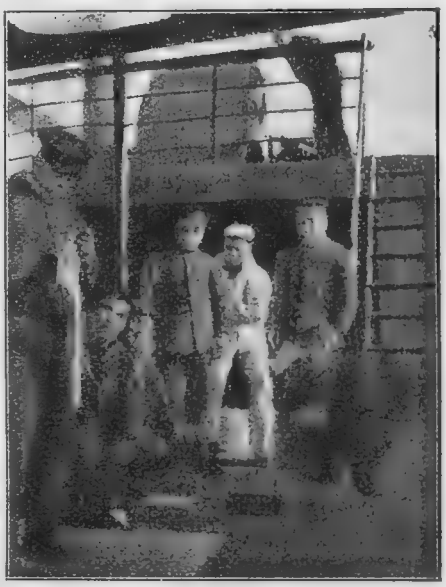
Миноносецъ № 62 вышелъ сразу изъ гавани и мы полетѣли стрѣлой съ волны на волну въ сопровожденіи остального отряда. Послѣ часового нырянья, обогнувъ южный мысъ, мы вошли въ болѣе спокойныя воды Таліенванскаго залива. При входѣ въ гавань Дальняго нигдѣ не было видно „Тайнанъ-Мару“ и я отправился на „Фузо“, флагманское судно адмирала Ямада. Тамъ мнѣ сообщили, что „Тайнанъ-

*) „Севастополь“ чинился не въ докѣ, а посредствомъ кессона. Ни одинъ изъ русскихъ броненосцевъ не помѣщался въ докѣ. *Ред.*

Мару“ ушелъ на вылавливаніе минъ и вернется не раньше вечера, такъ что временно я помѣстился на „Кантонъ-Мару“.

Этотъ великолѣпный пароходъ принадлежалъ прежде русскимъ, но былъ захваченъ у Дальняго. Японцы сдѣлали изъ него родъ плавучей мастерской. Рядомъ съ нимъ стоялъ русскій истребитель, взятый японцами въ плѣнъ въ гавани Чифу; на немъ дѣлались нѣкоторыя мелкія исправленія съ цѣлью приспособить его для перехода въ Японію; по приведеніи его тамъ въ полный порядокъ онъ будетъ назначенъ въ составъ одного изъ отрядовъ. Транспортомъ „Кантонъ-Мару“ командовалъ капитанъ Наикао, франтовато выглядѣвшій изящный морякъ, который очень любезно принялъ меня въ своей собственной каютѣ и приказалъ тотчасъ подать завтракъ. Поговорить съ нимъ было очень интересно, такъ какъ онъ командовалъ злополучнымъ „Хатсусе“, когда тотъ взлетѣлъ на воздухъ. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. „Когда въ 10 часовъ утра мы коснулись мины, я стоялъ на переднемъ мостикѣ; хотя мина намъ причинила и очень незначительныя поврежденія, но они были совершенно достаточны, чтобы лишить насъ возможности идти далѣе подъ собственными парами, такъ что насъ взялъ на буксиръ „Асахи“. Въ полдень страшный взрывъ потрясъ весь броненосецъ, и черезъ полторы минуты онъ пошелъ ко дну, увлекая за собой почти всю команду. Гротмачта точно перевѣсилась черезъ передній мостикъ и съ трескомъ упала, раздробивъ рубку. Я помню, какъ барахтался въ водѣ и что образовавшійся при взрывѣ водоворотъ втянулъ меня на глубину почти десяти футъ. Когда я вновь появился на поверх-

ности, меня подобрала одна изъ спущенныхъ шлюпокъ. Это былъ ужасный опытъ и большая потеря, потому что при взрывѣ погибла большая часть экипажа и кромѣ того, самъ „Хатсусе“ считался однимъ изъ нашихъ лучшихъ боевыхъ судовъ“.



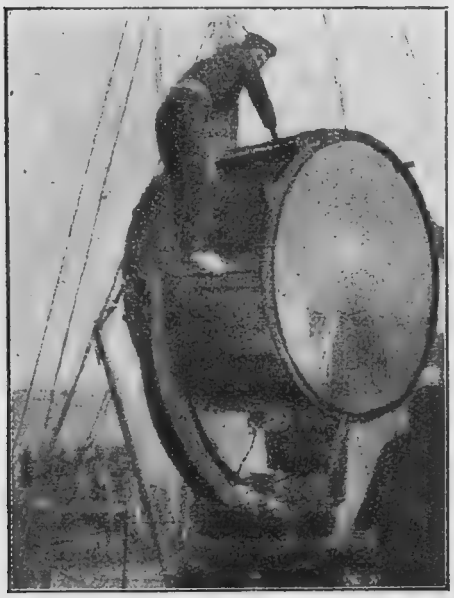
Обѣденное время на японскомъ крейсерѣ. На первомъ планѣ японскій кондукторъ вяжетъ теплые чулки для арміи.

Капитанъ пригласилъ меня въ каютъ-компанію, гдѣ я провелъ все остальное время до вечера, разсматривая великолѣпныя сабли и перелистывая чрезвычайно интересную старинную книгу съ рисунками всѣхъ сортовъ сабель и указаніемъ различныхъ закаловъ стали.

Владѣльцемъ этой книги и самой замѣчательной сабли былъ лейтенантъ Сато, пригласившій меня навѣстить его въ Токіо, гдѣ у него имѣется рѣдкая коллекція сабель, числомъ около семидесяти штукъ.

Въ это время былъ сдѣланъ сигналъ о приближеніи „Тайнанъ-Мару“ и съ закатомъ солнца вельботъ съ „Фузо“ доставилъ меня на крейсеръ. Всѣ привѣтствовали меня самымъ сердечнымъ образомъ; мой старый вѣстовой Араи отвелъ меня въ мою старую каюту, имѣвшую такой видъ, точно я оставилъ ее за часъ передъ этимъ. Но маленькій садикъ въ каютъ-компаніи имѣлъ совсѣмъ плачевный видъ

и всѣ сверчки умерли, хотя китайскій угорь не пострадалъ отъ холода и по прежнему оживлялся, если удавалось его расшевелить. Капитанъ Такахази сказалъ мнѣ, что теперь въ кругъ его обязанностей входитъ вылавливаніе минъ въ портъ-артурскомъ заливѣ и крейсеръ цѣлый день проводитъ въ разыскиваніи ихъ, выходя на работу ежедневно въ 8 часовъ утра.



Прожекторъ на „Тайнанъ-Мару“.

Со времени моего послѣдняго посѣщенія Дальній очень выросъ: явились цѣлые ряды новыхъ бараковъ, выстроенныхъ для пріема будущихъ портъ-артурскихъ плѣнныхъ. Капитанъ надъ портомъ былъ новый и держалъ свой флагъ на „Тайко-Мару“, однотипномъ пароходѣ съ „Тайнанъ-Мару“. Какъ я уже объ этомъ упоминалъ выше, онъ былъ предназначенъ для занятія должности капитана надъ портомъ въ Портъ-Артурѣ — на ту же должность, которую онъ занималъ десять лѣтъ тому назадъ послѣ китайской войны. Онъ нисколько не сомнѣвался, что четыре затонувшихъ русскихъ броненосца будутъ подняты и съ полной увѣренностью говорилъ о будущемъ присоединеніи ихъ къ японскому флоту.

На слѣдующее утро въ 8 часовъ мы ушли на работы. производившіяся противъ самаго Портъ-

Артура. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, дѣлавшій наше занятіе еще болѣе рискованнымъ, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ въ свѣжую погоду мины часто скрываются подъ самой поверхностью воды, и мы очень легко могли наткнуться на таковую. Весь 20-й отрядъ миноносцевъ укрылся въ Дальнемъ и не выходилъ оттуда цѣлый день. У насъ были выставлены лишніе часовые, находившіеся все время на своихъ мѣстахъ, съ которыхъ открывалось обширное поле зрѣнія: двое сидѣли съ подзорной трубой въ вороньемъ гнѣздѣ на верхушкѣ фокмачты, трое или четверо стояло на бакѣ, одинъ или два съ каждой стороны спаръ-дека и наконецъ, съ обѣихъ сторонъ мостика тоже было расположено по одному человѣку. Вѣтеръ немного стихъ и при нашемъ возвращеніи часовые замѣтили плавающую мину. Къ рулю немедленно всталъ штурманскій офицеръ и маневрировалъ такимъ образомъ, чтобы поставить крейсеръ на разстояніе около 300 ярдовъ съ навѣтренной стороны отъ ядовитой маленькой черной точки. Капитанъ и офицеры были на мостикѣ, одинъ лейтенантъ у дальномѣра и кромѣ обыкновенныхъ часовыхъ для наблюденія были вызваны на палубу всѣ свободные люди.

Русская мина загражденія на палубѣ „Тайнанъ-Мару“.

На верхней палубѣ, подъ командой артиллерій-

скаго офицера, было собрано подвахтенное отдѣленіе и съ разстоянія 300 ярдовъ былъ открытъ огонь, продолжавшійся около трехъ минутъ, такъ какъ движеніе волнъ сдѣлало мину очень неустойчивой.

Несмотря на нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ, взрыва не послѣдовало, пока ядро не попало въ

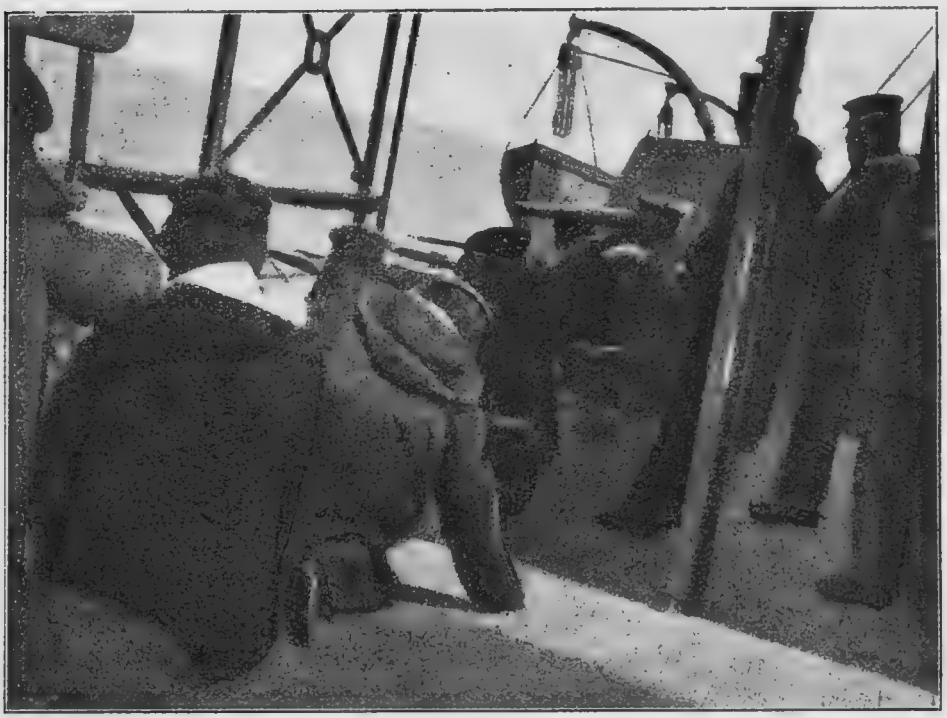
Дальномѣръ. Поиски мины.

колпакъ; тогда мина взорвалась со страшнымъ гуломъ и на большомъ пространствѣ кругомъ вода почернѣла отъ разлетѣвшагося пироксилина (?).

Въ шесть часовъ вечера мы возвратились на нашу якорную стоянку, гдѣ къ намъ подошелъ угольщикъ „Вестминстеръ“; отъ замерзшихъ брызгъ воды носъ его совершенно обледенѣлъ.

Каждый день мы неизмѣнно отправлялись на вы-

лавливаніе минъ и особенно послѣ бывшей недавно бури мы надѣялись найти много этихъ опасныхъ скитальцевъ. „Севастополь“, все еще стоявшій внѣ гавани, находился такъ близко къ миннымъ загражденіямъ, что нападеніе на него было бы слишкомъ



Стрѣльба по русской плавающей минѣ загражденія въ портъ-артурскомъ заливѣ.

рискованнымъ. Наступила совершенно зимняя погода и вода въ чанахъ для купанья команды превратилась въ крѣпкіе куски льду; кромѣ того я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море дымилось,—вѣрный признакъ, что оно было близко къ замерзанію.

Показался цѣлый флотъ изъ сотенъ джонокъ, мирно шедшихъ по направленію къ Чифу: вдругъ онѣ замѣтили на поверхности плавучую мину и

между ними произошелъ настоящій переполохъ; смѣшно было смотрѣть, какъ онѣ разсыпались въ разныя стороны, когда мы становились противъ вѣтра, занимая удобную позицію для стрѣльбы по минѣ; она взорвалась почти немедленно, потому что море было спокойно.

Не существовало никакого сомнѣнія, что многія джонки, оставлявшія Портъ-Артуръ, разбрасывали мины для русскихъ. Практиковавшаяся метода была очень незамысловатой: съ мины снимались верхніе колпаки *), и затѣмъ мину подвѣшивали подъ дномъ джонки. По приходѣ на желаемое мѣсто, съ кормы бросали якорь мины, перерѣзывали конецъ, прикрѣплявшій мину къ джонкѣ и она была поставлена.

Адмиралъ распорядился сигналомъ, чтобы мы остались въ гавани въ этотъ день и я воспользовался случаемъ, чтобы послѣ полудня съѣхать на берегъ.

Хотя мы находились въ ожиданіи приказа уйти въ какой-нибудь японскій портъ для отдыха и исправленій, но мы не могли уйти раньше, чѣмъ не будетъ уничтоженъ послѣдній русскій броненосецъ. Въ Дальнемъ кипѣла дѣятельность: по всѣмъ направленіямъ пыхтѣли буксирные пароходы, тащившіе за собой тяжело нагруженныя джонки; суда у мола стояли въ четыре ряда. Мы прямо направились

---

*) Мина имѣетъ нѣсколько свинцовыхъ колпаковъ, внутри которыхъ помѣщается стеклянная трубка съ жидкостью Грене. При ударѣ о корабль, свинцовый колпакъ сминается и жидкость изъ разбитой трубки выливается въ элементъ, чѣмъ и замыкается токъ для взрыва мины. Для безопасности сверхъ свинцовыхъ колпаковъ навинчиваются мѣдные, которые снимаются передъ постановкой мины на мѣсто. *Ред.*

въ китайскій городъ, гдѣ я надѣялся накупить мѣховъ: страшный холодъ пронизывалъ меня до мозга костей и единственное спасеніе — это была мѣховая одежда. Въ интендантскомъ городкѣ вдоль линіи желѣзной дороги лежали цѣлыя горы фуража и груды съѣстныхъ припасовъ въ ожиданіи перевозки къ дѣйствующей арміи.

Купивъ себѣ въ китайскомъ магазинѣ шубу изъ овечьихъ шкуръ безъ подкладки, которая, казалось, могла служить надежной защитой отъ холода, мы направились на площадь. Тамъ произносилъ рѣчь какой-то ораторъ китаецъ на тему, глубины которой мы не могли понять; дорога была загромождена лавчонками подъ навѣсами, башмачники сидѣли за своей работой, а чайныя лавочки торговали во всю... Китайскій котелъ для чаю — соединеніе чайника и печки: огонь разводится въ самомъ котлѣ, чай кладется въ боковыя углубленія, наливается крутой кипятокъ и чай готовъ. У китайцевъ, вѣроятно, горло и желудокъ мѣдные, потому что они пьютъ чай совершенно кипящимъ.

Мы поѣхали за городъ посмотрѣть на кавалерійское ученье. Рѣка уже замерзла. На мосту, перекинутомъ черезъ нее, стоялъ китаецъ съ красивой птицей въ бамбуковой клѣткѣ. Птица пѣла и мелодическія ноты ея голоса напоминали жаворонка, хотя отличались большей звонкостью и обширностью.

Китаецъ держалъ клѣтку на солнцѣ, вытянувъ руку и поощрялъ птицу тихимъ, однообразнымъ напѣвомъ. Пока китаецъ не ушелъ, покрывъ клѣтку синимъ чехломъ, вокругъ него стояла группа японскихъ солдатъ, очень заинтересовавшихся этой сценой. Всѣ они были закутаны въ длинныя, свободныя

пальто съ высокими мѣховыми воротниками; вдобавокъ у каждаго былъ надѣтъ вязаный шерстяной шлемъ, плотно охватывавшій голову, громадный шерстяной шарфъ и теплыя перчатки. Большинство изъ нихъ носило цвѣтныя очки для предохраненія глазъ отъ блеска снѣга.

Въ паркѣ мы нашли полкъ обучавшихся рекрутовъ. Затѣмъ мы навѣстили тигровъ, медвѣдей и побывали на временномъ японскомъ кладбищѣ. Подъ него былъ отведенъ самый большой домъ въ паркѣ: одну изъ комнатъ превратили въ храмъ и устроили тамъ нѣчто похожее на алтарь, на которомъ стояли сотни маленькихъ ящичковъ, величиною каждый около четырехъ квадратныхъ дюймовъ, заключавшихъ въ себѣ пепелъ солдатъ съ написаннымъ на лицевой сторонѣ именемъ умершаго и названіемъ его полка. Впереди на алтарѣ стояли два подсвѣчника и ваза съ цвѣтами лотоса; останки умершихъ охранялись священникомъ. Поклонившись праху героевъ, мы записали свои имена въ книгу посѣтителей.

Возвратясь въ Дальній, мы долго и тщетно искали какого-нибудь ресторана, но единственное, что хотя нѣсколько приближалось къ этому понятію, нашлось въ грязномъ магазинѣ, гдѣ въ молельнѣ была устроена временная столовая, при чемъ буфетомъ служилъ алтарь. Намъ подали жареную курицу, картофель, рисъ, чай и каждому по четыре яйца. Изъ числа моихъ съѣдобнымъ оказалось только одно, потому что въ Китаѣ свѣжесть яицъ не считается необходимымъ условіемъ—напр. двухлѣтнее яйцо цѣнится, какъ тонкое гастрономическое кушанье.

Пройдя послѣ обѣда по лучшей части города, мы пересѣкли мостъ черезъ желѣзную дорогу, который

далъ трещины и раскололся отъ попавшаго въ него японскаго снаряда. Подъ нами проходили воинскіе поѣзда; на платформахъ изъ-подъ угля сидѣли на корточкахъ солдаты и вели между собою бесѣду съ такимъ же оживленіемъ, точно они путешествовали въ мягкомъ вагонѣ перваго класса. Въ одной изъ лавокъ я купилъ шапку изъ морскаго бобра, такъ что теперь я былъ совершенно обезпеченъ отъ холода, даже и въ томъ случаѣ, если не получу ожидаемыхъ зимнихъ вещей.

По прибытіи на корабль я узналъ, что миноносцы произвели атаку на „Севастополь“ и были получены донесенія о томъ, что онъ погружается. На слѣдующее утро, въ половинѣ девятаго, мы отправились на обычное вылавливаніе минъ. Мимо насъ прошелъ цѣлый флотъ транспортовъ, подвозившихъ различные запасы. Суда, находящіяся въ распоряженіи военныхъ властей, имѣютъ одноцвѣтную трубу и бѣлый флагъ съ широкими зигзагами посрединѣ, а суда, принадлежащія морскому вѣдомству, отличаются тѣмъ, что на ихъ флагѣ имѣются двѣ узкія полосы. Корабли, перевозящіе военные запасы, носятъ правительственный флагъ съ краснымъ кругомъ; водяной транспортъ имѣетъ вокругъ трубы синюю полосу, а угольщикъ—двѣ бѣлыя полосы на трубѣ. Мы прошли мимо опаснаго рифа, имѣющаго видъ длинной, зубчатой скалы почти въ милю длиной, нѣчто вродѣ Эддистонскаго рифа; вѣроятно послѣ заключенія мира японцы здѣсь выстроятъ маякъ. Благодѣтельныя мѣховыя вещи мнѣ очень пригодились: я чувствовалъ себя гораздо комфортабельнѣе, чѣмъ за всѣ остальные дни.

Въ моемъ присутствіи въ капитанской каютѣ

произошла одна очень интересная церемонія: раздача кондукторамъ медалей за долголѣтнюю службу. Каждый входилъ отдѣльно и капитанъ вручалъ ему награду вмѣстѣ со свидѣтельствомъ, собственноручно подписаннымъ самимъ императоромъ. Кондуктора принимали это свидѣтельство съ благоговѣніемъ; свидѣтельство сохраняется навсегда, а медаль, имѣющая видъ остроконечной серебряной звѣзды, возвращается при производствѣ въ высшій чинъ.

Снѣгъ и туманъ мѣшали видѣть плавающія мины и значительно усиливали рискъ, связанный съ этимъ опаснымъ дѣломъ. Другой тралящій пароходъ работалъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно одинъ нашъ несчастный товарищъ взлетѣлъ на воздухъ. Всѣ, не исключая и меня, съ безпокойствомъ высматривали мины въ надеждѣ получить особый значекъ, выдававшійся счастливцу, увидѣвшему мину.

Въ этотъ день въ Портъ-Артурѣ были пущены ко дну еще два парохода. Послѣ окончательнаго уничтоженія русскаго флота 8000 матросовъ могли подкрѣпить гарнизонъ крѣпости. Со времени занятія одного изъ сѣверныхъ фортовъ армія продвинулась около пятисотъ ярдовъ впередъ на вторыя, лучшія позиціи, гдѣ она была защищена отъ дѣйствія непріятельскихъ пулеметовъ. Вечеромъ было сообщено сигналомъ: „Севастополь“ садится носовой частью, въ его скулы попали двѣ мины“.

Погода сдѣлалась еще суровѣе; наша палуба обмерзла; только что поднятый изъ воды якорь превращался въ глыбу льда. Японское оффиціальное метеорологическое бюро организовано замѣчательнымъ образомъ; въ этой отрасли они также основательны, какъ и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ.

Первая атака на „Севастополь“.

Станціи, сообщающія свѣдѣнія о погодѣ, открываются по мѣрѣ движенія арміи впередъ; онѣ посылаютъ

предостереженія о наступающихъ холодныхъ сѣверо-западныхъ вѣтрахъ и, слѣдовательно, холодъ никогда не захватываетъ войска врасплохъ.

На слѣдующій день солнце чудно свѣтило и погода была настолько теплая, что замерзшая палуба оттаяла и сдѣлалась такой скользкой, что трудно даже было по ней ходить; въ полдень по ней струились потоки воды, чѣмъ тотчасъ же воспользовался капитанъ, заставившій команду вымыть палубу.

Днемъ всѣ офицеры во главѣ съ капитаномъ разсматривали захваченныя русскія ружья; одно изъ нихъ артиллеристъ разобралъ, такъ что мы могли подробно изучить его механизмъ.

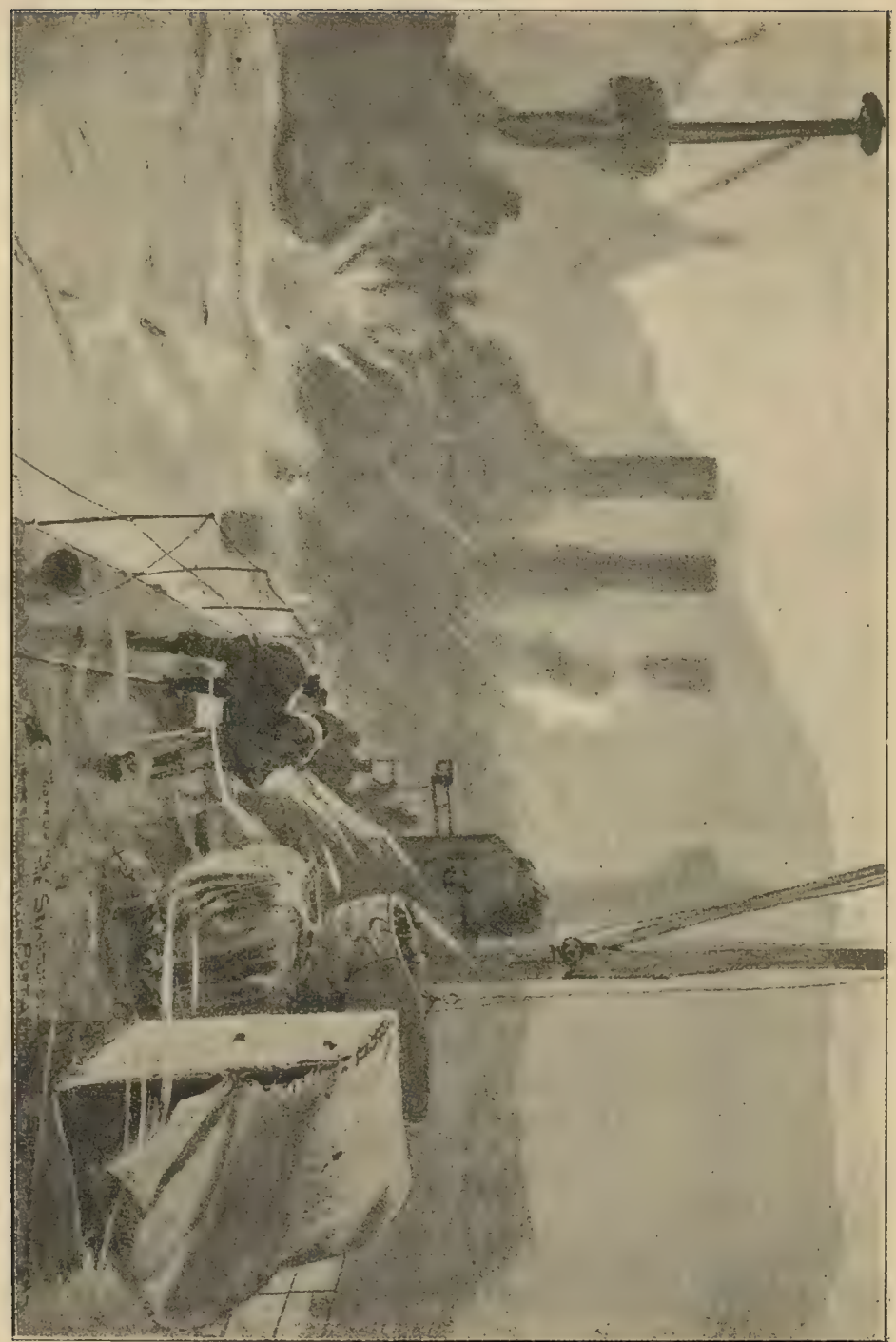
Всякое письмо, посылавшееся съ корабля, исключая офицерскихъ, проходило черезъ цензуру; очень понятно, что это влекло за собой огромный трудъ: команда приносила въ каютъ-компанію цѣлыя кипы писемъ и всѣ офицеры, находившіеся тамъ въ это время, неизмѣнно помогали цензору.

Однажды одинъ матросъ принесъ мнѣ небольшую англійскую книгу, прося послушать его выговоръ. Я съ удовольствіемъ согласился, поправилъ его ошибки и задалъ небольшое упражненіе. Узнавъ объ этомъ, нѣкоторые изъ его товарищей обратились ко мнѣ съ подобной же просьбой, такъ что въ скоромъ времени у меня составился цѣлый небольшой классъ. Я находилъ обученіе такихъ способныхъ и прилежныхъ учениковъ очень пріятнымъ и интереснымъ занятіемъ. Въ видѣ благодарности за преподаваніе, унтеръ-офицеръ—комендоръ взялъ вычистить мой маузеровскій револьверъ и показалъ, какъ нужно его разбирать на части, чтобы въ случаѣ необходимости самому чистить механизмъ.

Другой изъ моихъ учениковъ подарилъ мнѣ двѣ картины, очень хорошо исполненныя и нарисованныя исключительно красками, находившимися въ корабельной малярной. Извиняясь за то, что не окрашены лица, онъ объяснилъ, что на кораблѣ не нашлось краски тѣльнаго цвѣта.

Мы очень хорошо слышали и даже почувствовали три сильныхъ взрыва, хотя находились отъ Портъ-Артура на разстояніи двадцати пяти миль; потомъ мы узнали, что это были взрывы на горѣ Двойного Дракона. Подъ три угла Сѣвернаго форта было заложено три фугаса, каждый въ двѣ съ половиной тонны вѣсомъ; первый взрывъ повредилъ ровъ и оттѣснилъ защитниковъ на другую сторону форта; за первымъ взрывомъ быстро послѣдовалъ второй,— тогда на оборонявшихся напала паника и они въ дикомъ ужасѣ кидались во всѣ стороны, не зная, гдѣ имъ искать спасенія; третій взрывъ разрушилъ цѣлую сторону форта: на воздухъ взлетѣло больше двухсотъ русскихъ солдатъ и огромное число ихъ погребено навѣки подъ тысячами тоннъ обломковъ. Одинъ офицеръ, очевидецъ этихъ взрывовъ, разсказывалъ мнѣ, что русскіе солдаты взлетали на воздухъ въ совершенно прямомъ стоячемъ положеніи и падали на землю, подобно труппѣ ловкихъ акробатовъ, во всевозможныхъ фантастическихъ позахъ.

Въ личномъ составѣ нашего корабля состояло два или три лейтенанта сверхъ штата; вообще крайне интересенъ тотъ фактъ, что послѣ года ожесточенной борьбы въ японскомъ флотѣ насчитывалось очень много офицеровъ, которые не имѣли опредѣленныхъ назначеній, не исключая капитановъ и адмираловъ.



Послѣдняя минная атака противъ „Севастополя". Раннее утро.

Правительственное сообщеніе о произведенныхъ минныхъ атакахъ на „Севастополь“ было прочитано экипажу и выслушано имъ очень внимательно. Первая атака была произведена утромъ 12-го Декабря въ 12 час. 30 мин. дня отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ капитана 1 ранга Касама и оказалась неудачной. Видя безуспѣшность нападенія, два миноносца подъ командой лейтенанта Масато подошли на разстояніе выстрѣла и выпустили свои мины. Ихъ встрѣтилъ градъ снарядовъ скорострѣльныхъ пушекъ, но они почувствовали взрывы минъ и были убѣждены, что имъ удалось покончить съ „Севастополемъ“; на разсвѣтѣ же оказалось, что онъ совершенно не поврежденъ. Японцы при этомъ не понесли никакихъ потерь.

13-го Декабря, въ 2 часа 30 минутъ утра атака была повторена: отрядъ миноносцевъ подъ командой капитанъ-лейтенанта Аракава, несмотря на убійственный огонь русскихъ, выпустилъ свои мины, но каковъ былъ ихъ результатъ—осталось неизвѣстнымъ. Во время этой атаки у одного изъ миноносцевъ была подбита труба, а въ котельное отдѣленіе другого попалъ снарядъ, выведшій его изъ строя, такъ что парному съ нимъ миноносцу пришлось взять его на буксиръ; въ этой стычкѣ также не оказалось убитыхъ и раненыхъ. Въ 6 часовъ утра того же дня была произведена третья атака отрядомъ капитанъ-лейтенанта Саки, но боевые фонари и скорострѣльныя орудія русскихъ дѣйствовали такъ успѣшно, что отрядъ возвратился, ничего не сдѣлавъ. Только два миноносца подъ командой лейтенанта Адаши, подойдя совсѣмъ близко къ „Севастополю“, выпустили въ него свои мины. Русскіе снаряды попали одно-

временно въ оба миноносца и ранили трехъ человѣкъ. Результатъ выпущенныхъ минъ опять остался неизвѣстнымъ. Присутствовавшій при атакѣ инженеръ-механикъ говорилъ мнѣ, что дѣйствовавшій попарно, по ранѣе описанному мною способу, смѣшанный отрядъ, состоявшій изъ миноносцевъ № 45, 47, 46 и 49, очень храбро кинулся въ атаку и подошелъ къ „Севастополю“ на пятьсотъ метровъ,—на разстояніе, съ котораго попаданіе миной имѣетъ значительную долю вѣроятности.

Миноносцы № 45 и 47 выпустили пять минъ, которыя несомнѣнно попали. Стрѣлявшій кондукторъ утверждалъ, что чувствовалъ по рукѣ, что выстрѣлы были удачны. Всѣ офицеры, съ которыми я ни говорилъ по поводу этого любопытнаго явленія, утверждаютъ, какъ несомнѣнный фактъ (?), что при попаданіи мины въ цѣль въ большомъ пальцѣ руки испытывается странное ощущеніе, если послѣ произведеннаго выстрѣла минеръ продолжаетъ держать руку на кнопкѣ; въ случаѣ же промаха ничего подобнаго не ощущается.

При отступленіи отряда непріятельскіе истребители открыли огонь, которымъ былъ легко раненъ помощникъ инженера Коатанахи. Изъ трехъ минъ, выпущенныхъ затѣмъ миноносцемъ № 46, взорвалась одна, но за то и въ него попалъ 47-миллиметровый снарядъ Гочкисса, взорвался въ машинномъ отдѣленіи и убилъ одного изъ матросовъ, тяжело ранивъ другого. Видя это, миноносецъ № 49 отважно кинулся впередъ, подойдя почти вплотную къ русскимъ судамъ, которыя за темнотою онъ розыскалъ съ большимъ трудомъ; выпустивъ свои мины въ „Севастополь“ и канонерку „Отважный“ (?) и услышавъ

происшедшіе взрывы, онъ безпрепятственно возвратился назадъ.

Начальникъ всѣхъ соединенныхъ отрядовъ, капитанъ-лейтенантъ Эсое, находился на миноносцѣ № 42; ставъ головнымъ, онъ вновь отважно бросился въ атаку. Онъ стоялъ въ боевой рубкѣ, наблюдая за дѣйствіемъ только-что выпущенной мины, и въ этотъ моментъ попавшій въ него русскій снарядъ совершенно вырвалъ всю грудь, забрызгалъ башню кровью, разбросалъ по ней окровавленные куски тѣла и остановилъ часы. Другой снарядъ убилъ на миноносцѣ № 42 лейтенанта Накехоре и четырехъ кондукторовъ. Капитанъ-лейтенантъ, принявшій начальство надъ отрядомъ послѣ смерти бѣднаго Эсое, еще разъ повторилъ атаку на броненосецъ и затѣмъ отступилъ. На слѣдующее утро сигналами было дано знать, что „Севастополь“ совершенно выведенъ изъ строя и сѣлъ носомъ на дно (?).

Капитанъ-лейтенантъ Эсое былъ жизнерадостный, веселый товарищъ; смертные останки его были собраны въ гробъ и на лицѣ его еще сохранилась счастливая улыбка, такъ часто освѣщавшая его при жизни; прахъ его былъ посланъ для сожженія въ Сасебо. Смерть его была большой утратой для отечества; освободившееся мѣсто было занято однимъ изъ многихъ сверхштатныхъ офицеровъ, долго и терпѣливо ожидавшихъ вакансіи.

Наканунѣ Рождества мы по обыкновенію отправились на вылавливаніе минъ; намъ посчастливилось найти и уничтожить двѣ штуки, доведя такимъ образомъ нашъ общій итогъ до двадцати восьми.

Англійскому пароходу „King Arthur“ удалось пробраться съ грузомъ съѣстныхъ припасовъ въ

Портъ-Артуръ; взявъ грузъ въ Шанхаѣ и направившись на Кинчоу, онъ прошелъ по единственному свободному фарватеру, который русскіе очистили отъ минъ съ цѣлью облегчить свой собственный прорывъ; онъ сталъ на якорь между „Севастополемъ“ и затонувшей канонеркой.

Въ день Рождества адмиралъ Того, изъ уваженія къ религіознымъ чувствамъ христіанъ, находившихся подъ его начальствомъ, приказалъ производить лишь самыя неотложныя работы, такъ что фактически этотъ день былъ праздникомъ. Для меня Рождество оказалось особенно счастливымъ; я получилъ пять писемъ изъ дому и двадцать три подарка,—карточки и цвѣты работы японскихъ матросовъ. Одинъ цвѣтокъ представлялъ изъ себя удивительное произведеніе искусства, а вмѣстѣ не лишенъ былъ и оригинальности. Это была хризантема, сдѣланная изъ свинца и мѣдной проволоки, захваченной въ числѣ другихъ припасовъ въ Дальнемъ. Другимъ интереснымъ подаркомъ являлась прекрасно исполненная маленькая модель русской мины загражденія. Капитанъ поздравилъ меня съ праздникомъ въ присутствіи офицеровъ и экипажа, прося принять на память ихъ общіе подарки. Къ каждому изъ подарковъ была прикрѣплена карточка и особеннымъ образомъ сложенный кусокъ цвѣтной бумаги „ноши“, употребляемый исключительно при поднесеніи подарковъ.

На солнцѣ температура была отъ 60 до 70 градусовъ и мѣстность, покрытая сверкающимъ снѣжнымъ покровомъ, представляла идеальный рождественскій ландшафтъ. За обѣдомъ пили за мое здоровье и были заказаны кушанья, возможно близко напоми-

навшія традиціонный англійскій обѣдъ въ день Рождества. Былъ поданъ ростбифъ, но не было плумпуддинга и я очень досадовалъ на себя, что раньше не догадался выписать его изъ Англіи, такъ какъ мнѣ доставило бы большое удовольствіе угостить имъ офицеровъ въ каютъ-компаніи. Послѣ обѣда сняли фотографію съ меня и поднесенныхъ мнѣ подарковъ, кромѣ того снялись и нѣкоторые офицеры, группой около пушки. Въ общемъ я провелъ очень веселое и единственное въ своемъ родѣ Рождество.

Въ этотъ день мы получили сообщеніе изъ Портъ-Артура, что помощникъ командующаго генералъ Фальке (?) умеръ отъ полученныхъ ранъ и что наша армія приготовляется къ рѣшительному штурму, который, какъ надѣются, будетъ послѣднимъ и окончательнымъ. Непріятельскія силы были раздѣлены и японцы угрожали ихъ сообщеніямъ.

Эскадра адмирала Того теперь почти вся разошлась: большинство судовъ отправилось въ свои базы. Слѣдуетъ отмѣтить тотъ поразительный фактъ, что послѣ тяжелой дѣйствительной службы, продолжавшейся больше года, мѣсячный періодъ былъ самымъ длиннымъ срокомъ, требовавшимся японцамъ для производства нужныхъ исправленій на своихъ корабляхъ и для приведенія ихъ въ полную боевую готовность.

Войдя въ каютъ-компанію я засталъ тамъ военныхъ портныхъ изъ Сасебо, хлопотливо показывавшихъ послѣдніе фасоны и образчики. Продажа теплаго платья шла превосходно: одни офицеры примѣряли теплыя перчатки, другіе надѣвали наушники, со многихъ снимали мѣрки для новаго платья. Мнѣ очень хотѣлось купить нѣсколько теплыхъ вещей,

но не нашлось ничего подходящаго по моему росту и всѣ только потѣшались надъ моими напрасными усиліями натянуть на себя самые большіе изъ имѣвшихся экземпляровъ.

Старшій механикъ Като, мой большой пріятель, подарилъ мнѣ очень хорошенькій кошелекъ съ портретомъ Того. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ они плавали съ Того вмѣстѣ на одномъ суднѣ, когда Того командовалъ императорской яхтой,—колеснымъ пароходомъ „Джинжей“, что означаетъ въ переводѣ „Быстрый китъ“. Повидимому Того мало измѣнился съ тѣхъ поръ: Като говоритъ, что онъ всегда былъ очень сдержаннымъ и молчаливымъ.

Вскорѣ послѣ Рождества изъ Японіи прибылъ командиръ судна съ полнымъ составомъ офицеровъ въ ожиданіи свободнаго корабля,—вѣроятно, одного изъ русскихъ кораблей. Когда я его шутя спросилъ: „который же вашъ броненосецъ въ Портъ-Артурѣ?“ онъ только улыбнулся, но ничего не сказалъ и я догадался, что не ошибся въ своемъ предположеніи. Единственными представителями русскаго флота теперь остались шесть истребителей. Они почти ежедневно выходили изъ гавани, возвращаясь къ вечеру: говорили, что гарнизонъ приблизительно черезъ недѣлю ожидаетъ прибытія балтійской эскадры.

Наканунѣ новаго года мнѣ пришлось попробовать за ужиномъ новое блюдо—китовую кожу. Судя по названію, это очень неаппетитное кушанье, но оно вовсе не такъ дурно, если его обильно приправить уксусомъ и перцемъ; въ общемъ оно очень напоминаетъ бычачьи ноги.

Въ ожиданіи наступленія новаго года, мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, желая соблюсти старинное повѣрье: по

преданію тотъ, кто дольше и громче всѣхъ звонитъ при наступленіи новаго года въ колокольчикъ, будетъ счастливъ со своей женой. Древній обычай былъ свято соблюденъ и одинъ молодой офицеръ даже видѣлъ ночью во снѣ неизвѣстную, прекрасную, послушную жену, которую для него заботливо приберегала судьба.

Утромъ въ мою каюту заглянулъ старшій механикъ, предупреждая, что сегодня будетъ очень торжественный завтракъ. Правда, кушанья отличались большимъ разнообразіемъ, чѣмъ обыкновенно; супъ подали съ очень вкусными рисовыми пирожками, но единственнымъ, дѣйствительно торжественнымъ моментомъ завтрака была чашка горячаго саке, выпитая съ большою торжественностью. Послѣ завтрака я отправился въ капитанскую каюту; въ честь этого дня она была очень красиво убрана: на столѣ, украшенномъ фестонами изъ бѣлой бумаги и сухихъ водорослей; стоялъ сладкій рисовый пирогъ, который пекутъ только въ день новаго года; вокругъ были разставлены карликовыя сосны. Груды апельсиновъ и другихъ фруктовъ были украшены вѣтками сосенъ, лавровъ, елей и папоротника; мое маленькое сливовое дерево стояло противъ капитанскаго карликоваго папоротника.

Всѣ растенія имѣли символическое значеніе: рисъ означалъ изобиліе, лавровое дерево—вѣчность, сосна—вѣчная зелень и т. д.

Нашъ механикъ захотѣлъ насъ снять въ этой обстановкѣ, но такъ какъ въ каютѣ не было достаточнаго свѣта, то пришлось сидѣть неподвижно впродолженіи пяти минутъ. Послѣ этого капитанъ отправился съ оффиціальнымъ визитомъ на флагман-

Сожженіе русскихъ боевыхъ судовъ. Видъ съ флотиліи миноносцевъ на рандеву В. „Ретвизанъ“ (?) на внѣшнемъ рейдѣ.

ское судно „Фузо“ и привезъ оттуда восторженный отчетъ о дѣйствіяхъ сухопутныхъ войскъ, слушая чтеніе котораго команда начала кричать „Банзай“ и всѣ вообще пришли въ состояніе самого пылкаго воодушевленія.

Второй день новаго года я провелъ въ портъ-артурскомъ заливѣ. Изъ гавани вырывались густыя облака дыма, причина котораго была для насъ совершенно ясна—очевидно русскіе жгли свои корабли. „Севастополь“ еще былъ видѣнъ, погруженный въ море по верхнюю палубу; около него стояло шесть истребителей. Говорили, что генералъ Стессель перенесъ свою главную квартиру на Ляотешанъ, гдѣ должна была произойти послѣдняя отчаянная борьба, если, конечно, ранѣе этого крѣпость не будетъ сдана, на что имѣлось нѣкоторое вѣроятіе, судя по всему видѣнному и слышанному нами.

На слѣдующій день мы узнали, что русскіе сдались, хотя четыремъ истребителямъ удалось прорваться въ Чифу, гдѣ они были взорваны своими собственными офицерами. Наступилъ конецъ—упорная оборона крѣпости оказалась безплодной и наконецъ Портъ-Артуръ былъ взятъ! Надъ моремъ перекатывались громовые раскаты „Банзай“ по мѣрѣ того, какъ радостная новость доходила до судовъ, стоявшихъ на рейдѣ.

Нашъ крейсеръ послали искать пароходъ съ контрабандой, о которомъ было извѣстно, что онъ вышелъ изъ Шанхая, имѣя назначеніемъ Портъ-Артуръ, и который, конечно, не зналъ о паденіи крѣпости. Однако намъ не удалось найти никакихъ его слѣдовъ; впослѣдствіи мы узнали, что капитанъ парохода измѣнилъ свое рѣшеніе и вернулся обратно.

Въ 4 часа 35 минутъ пополудни 22-го Января были выработаны окончательныя условія сдачи Портъ-Артура, которыя, за немногими незначительными отступленіями, совершенно согласовались съ японскими требованіями. Въ предвидѣніи этого результата каждая подробность сдачи крѣпости была тщательно продумана и предусмотрѣна, такъ что напр., главный инженеръ въ сопровожденіи заранѣе назначеннаго состава офицеровъ и команды, безъ всякаго замедленія, безотлагательно вступилъ въ завѣдываніе доками, машинными мастерскими и кораблями. Соотвѣтственно своему размѣру каждый корабль откомандировывалъ нужное количество людей въ распоряженіе главнаго инженеръ-механика—напр. наше судно дало одного офицера и сорокъ матросовъ. Необходимыя вспомогательныя средства для подъема затонувшихъ судовъ уже были высланы изъ Японіи и находились на пути въ Портъ-Артуръ. Всѣ позиціи вокругъ Портъ-Артура были прочно заняты и японскій флагъ бодро развѣвался на высокихъ вершинахъ Ляотешана.

ГЛАВА XI.

Торжественный „Банзай“ въ Дальнемъ. „Банзай“ въ Ліао-Янгѣ. „Банзай“ на эскадрѣ. Посѣщеніе Кин-шан-тао. На пути въ Портъ-Артуръ. Генералъ Стессель. Въ параллеляхъ. Разрушенія форта Двойного Дракона. Прибытіе въ Портъ-Артуръ.

Въ Дальнемъ предполагалось праздновать взятіе Портъ-Артура торжественнымъ „Банзай“, въ которомъ я рѣшилъ тоже принять участіе. Когда я подошелъ къ трапу, чтобы съѣхать на берегъ, капитанъ рѣшительно воспротивился моему отъѣзду, если я не замѣню свою мѣховую шапку другой. По его словамъ, я въ ней такъ походилъ на русскаго, что легко могъ оказаться въ очень непріятномъ положеніи, особенно принявъ въ разсчетъ общее возбужденіе. Пришлось надѣть свою спортсменскую шапочку и поѣхать съ двумя офицерами.

Этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы обезпечить меня отъ всякихъ непріязненныхъ демонстрацій или оскорбленій со стороны всякаго, кто могъ не знать, что я англичанинъ. Конечно, я ни на одну минуту не допускалъ даже мысли, что могу встрѣтить нѣчто подобное со стороны японцевъ, но въ городѣ находилось очень много китайской черни, которая изъ угожденія побѣдителямъ, могла счесть за похвальное дѣйствіе толкнуть или оскорбить рус-

скаго; именно отъ подобной случайности желалъ охранить меня капитанъ.

Къ борту подошелъ маленькій адмиралтейскій катеръ и мы нырнули въ темноту. Приближаясь къ мѣсту стоянки судовъ, мнѣ бросилось въ глаза яркое освѣщеніе гавани: находившіеся тамъ корабли были обведены по всѣмъ контурамъ линіями разноцвѣтныхъ фонарей, а между тѣмъ за послѣдніе мѣсяцы такъ строго требовалось тушить всѣ огни.

Ночь была очень тихая и хотя при быстромъ движеніи по водѣ чувствовался нѣкоторый холодъ,— этотъ вечеръ былъ однимъ изъ числа самыхъ прекрасныхъ, проведенныхъ мною въ Манджуріи. Разноцвѣтные фонари сообщали всему окружающему неизъяснимое очарованіе, заставлявшее насъ молча любоваться феерической красотой этого зрѣлища. Иллюминованное пространство было окружено мракомъ, въ которомъ тонули тяжелыя облака дыма, медленно поднимавшіяся изъ судовыхъ трубъ. Дальній преобразился до неузнаваемости: всѣ главныя улицы украсились безчисленными бумажными фонарями.

На перекресткѣ главныхъ улицъ, по которымъ должны были проходить всѣ процессіи, мы оказались въ центрѣ густой толпы, состоявшей изъ многихъ тысячъ солдатъ побѣдоносной арміи, китайцевъ и городскихъ жителей, почти поголовно высыпавшихъ на улицы. Всѣ солдаты имѣли при себѣ холодное оружіе, но нигдѣ не произошло ни малѣйшаго недоразумѣнія; между ними не было ни одной ссоры и я не видѣлъ ни одного пьянаго человѣка. Японскіе солдаты и матросы—народъ трезвый, предпочитающій чай всѣмъ остальнымъ напиткамъ; они любятъ именно вкусъ чая, а кромѣ того и просто къ нему привыкли.

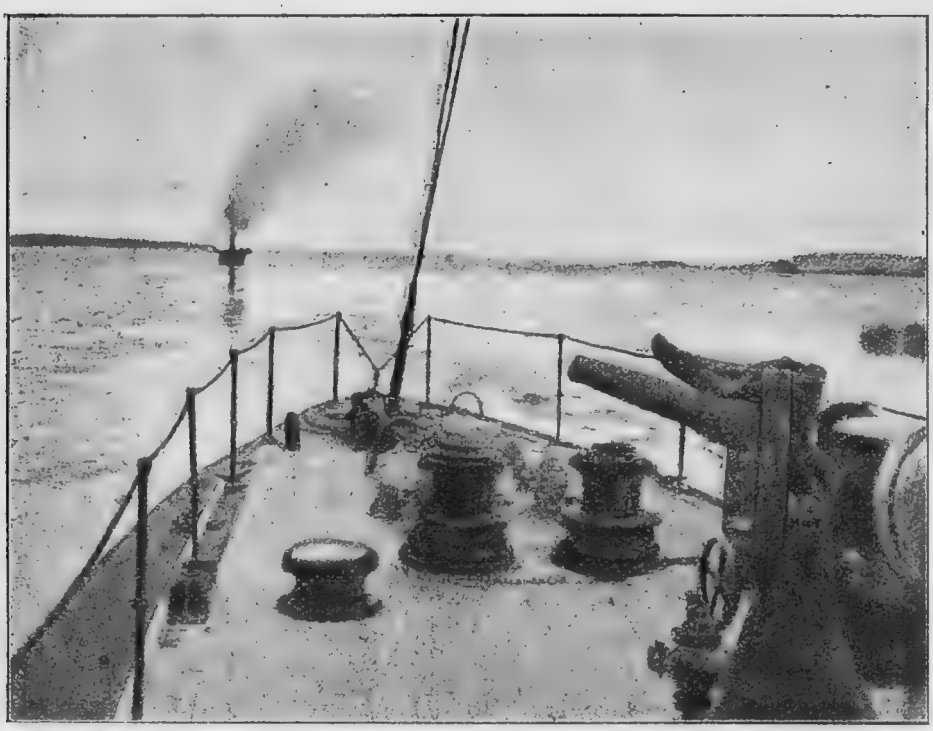
Главное участіе въ процессіяхъ принимали японскіе рабочіе и служащіе въ адмиралтействѣ, хотя было и много китайцевъ, которые несли огромные фонари, звонили въ колокольчики, били въ гонги и вообще раздѣляли охватывавшее всѣхъ возбужденно радостное оживленіе. Фонари были различныхъ фасоновъ: для тѣхъ, которые надѣвались на голову въ видѣ шляпы, — образчиками могли смѣло служить обыкновенныя уличныя лондонскія лампы; передъ нами прошло не менѣе 2000 этихъ головныхъ фонарей. Другіе, гораздо большихъ размѣровъ съ патріотическими надписями, несли въ видѣ знаменъ и они отличались удивительнымъ разнообразіемъ формъ. Нѣкоторые походили на древнія рыцарскія знамена, другіе напоминали римскихъ орловъ, пирамиды, китайскіе храмы... Въ промежуткахъ несли на плечахъ эмблематическія колесницы и картины вмѣсто того, чтобы ихъ везти на колесахъ. Въ общемъ, процессія очень походила на иллюминованный торжественный выѣздъ лордъ-мэра.

Самымъ любопытнымъ предметомъ въ процессіи была прекрасная модель „Такашихо“, одного изъ крейсеровъ, участвовавшаго въ потопленіи „Рюрика“; всѣ детали его были дивно выполнены вплоть до боевыхъ фонарей на мостикѣ, лучи которыхъ постоянно скользили по лицамъ окружавшей толпы. Заключительнымъ номеромъ „Банзай“ былъ фейерверкъ и огромные зажженные костры передъ ратушей.

Изъ Портъ-Артура вывезли всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ тамъ при сдачѣ крѣпости, и я нисколько не сомнѣваюсь, что они были очень рады оставить этотъ ужасный городъ, — мѣсто такой долгой страдальче-

ской борьбы! Говорили, что генералъ Стессель получилъ очень ласковое, привѣтливое письмо отъ японскаго императора.

На нашемъ кораблѣ нѣкоторое время ощущался недостатокъ въ командѣ, потому что часть матросовъ



Во льду въ Таліенванскомъ заливѣ.

была отправлена въ Японію для отбытія ими очередныхъ занятій въ учебно-артиллерійскомъ отрядѣ, которыя не прерывались во все время войны и продолжали идти своимъ обычнымъ порядкомъ.

Канонерка „Уджи“ захватила открытую лодку съ шестью русскими, вышедшую изъ Портъ-Артура и несомнѣнно старавшуюся пробраться въ Чифу. Замѣтивъ приближеніе канонерки, они бросили свое оружіе въ воду; ихъ привезли въ Дальній и передали

въ распоряженіе адмирала—командира порта. Хотя они называли себя матросами, но судя по одеждѣ и тому факту, что при нихъ были подзорныя трубы и цѣнныя золотыя вещи, легко можно было убѣдиться въ томъ, что это были русскіе офицеры. Мнѣ не уда-

Авторъ. Кубо. Анхара.

Армстронговская пушка на крейсерѣ.

лось узнать, принадлежали-ли они къ числу офицеровъ, отказавшихся сдаться и предпочитавшихъ сдѣлать отчаянную попытку къ бѣгству, или же они нечестнымъ образомъ нарушили данное ими слово.

Я получилъ письменное приглашеніе отъ генерала Ниши, генералъ-губернатора Ліао-Янга, присутствовать на „Банзаѣ“, празднуемомъ въ тотъ же самый вечеръ; мы отправились туда вмѣстѣ со стар-

шимъ инженеръ-механикомъ. Для торжества былъ выбранъ китайскій театръ, какъ самое большое общественное зданіе, къ которому мы пробирались по узкимъ улицамъ, запруженнымъ толпами народа. Театръ былъ украшенъ снаружи очень красиво: отовсюду развѣвались національные флаги. По предъявленіи нашихъ пригласительныхъ билетовъ насъ провели наверхъ въ ложу адмирала, которая по своему расположенію соотвѣтствовала ложамъ рядомъ со сценой англійскихъ театровъ. Внутренняя отдѣлка была очень простая; кромѣ одного широкаго балкона тамъ ничего не было. Сцена была занята множествомъ столовъ съ разставленными на нихъ фруктами, кувшинами съ саке, ящиками съ палочками, причемъ у каждаго мѣста лежалъ „ноши“ съ коробкой сладостей.

Представленіе было чѣмъ-то вродѣ кафешантаннаго дивертисмента: оно состояло изъ длинной комической пѣсни и маленькой очень шумной пьесы съ чрезвычайно пышными костюмами. Главная роль въ ней принадлежала отцу деспотическаго характера, который безжалостно прерывалъ воркованіе любящей парочки звуками барабана и трехъ гонговъ, едва лишь замѣчалъ малѣйшее проявленіе ихъ взаимной привязанности. Въ заключеніе шла очень остроумная, веселая и смѣшная пьеса, хорошо разыгранная японскими артистами, одинъ изъ которыхъ представлялъ въ комическомъ видѣ, какъ европейцы сидятъ на корточкахъ на японскій манеръ и онъ преуморительно передразнивалъ спотыкавшагося европейца, когда тотъ встаетъ изъ непривычнаго положенія.

Между тѣмъ дѣлались приготовленія къ ужину и скоро столы ломились подъ тяжестью закусокъ и

внушительнаго строя бутылокъ. Для меня осталось загадкой, откуда могло явиться все поданное; право, немногіе лондонскіе оптовые торговцы могли бы доставить большее разнообразіе такихъ прекрасныхъ холодныхъ закусокъ. Изъ иностранцевъ было приглашено только двое: я и полковникъ Юмъ, одинъ изъ англійскихъ агентовъ, только что пріѣхавшій изъ Ліао-Янга и остановившійся здѣсь по дорогѣ въ Токіо. Вошедшіе военные оркестры заняли сцену, и гости приняли это за приглашеніе снова сѣсть на свои мѣста; стульевъ, конечно, не было. Послѣ сыграннаго оркестромъ національнаго гимна, при провозглашеніи тоста за императора, мы долго и громко кричали „Банзай“. Меня познакомили со многими офицерами, между прочимъ съ подполковникомъ Ниши изъ главнаго штаба. Онъ мнѣ весело сказалъ: „Мы все хорошо знаемъ о васъ, Райтъ и вы поѣдете завтра же въ Портъ-Артуръ, раньше, чѣмъ это будетъ разрѣшено кому-либо другому“.

Разумѣется, подобное отличіе было мнѣ въ высшей степени пріятно, но, къ несчастью, мнѣ не удалось участвовать въ обѣщанной поѣздкѣ, такъ какъ нашъ корабль отправлялся въ трехдневное крейсерство въ заливъ Кинчоу для вылавливанія минъ. На слѣдующій день флотъ давалъ арміи отвѣтный „Банзай“. Я получилъ приглашеніе отъ адмирала Того присутствовать на этомъ морскомъ торжествѣ, которое праздновалось на „Кимоно-Мару“, одномъ изъ самыхъ большихъ вспомогательныхъ крейсеровъ. Въ 11 часовъ 45 минутъ мы съ капитаномъ спустились въ сторожевую шлюпку, которая быстро доставила насъ на „Кимоно-Мару“, весь разубранный весело развѣвавшимися флагами. На покрытыхъ мхомъ клум-

бахъ стояли удивительныя искусственныя деревья, вездѣ распускались бумажные цвѣты и вся закрытая палуба превратилась въ нарядный садъ, полный красивыхъ японскихъ цвѣтовъ, искусно сдѣланныхъ изъ бумаги. Цвѣли вишневыя деревья и дивное подражаніе было доведено до такого совершенства, что воздухъ былъ наполненъ ихъ опьяняющимъ ароматомъ. Меня представили главнокомандующему—адмиралу Катаока, небольшому, худощавому, живому человѣку, а онъ, въ свою очередь, представилъ меня адмиралу Ямада и адмиралу Того,—родственнику знаменитаго Того. Всѣ они сердечно меня привѣтствовали, послѣ чего, по заведенному обычаю, былъ поданъ чай и папиросы.

Почетный гость, генералъ Уджиши, командиръ дивизіи, расположенной въ Дальнемъ, былъ встрѣченъ у трапа съ военными почестями; оркестръ игралъ встрѣчу. Послѣ моего представленія мы всѣ вошли въ салонъ, отведенный для пиршества. Курительная комната на дальнемъ концѣ временно превратилась въ родъ залы для аудіенцій: тамъ генералы и адмиралы принимали китайскихъ сановниковъ, ярко-красныя визитныя карточки которыхъ были величиной въ листъ обыкновенной писчей бумаги. По окончаніи этой церемоніи всѣмъ намъ были указаны наши мѣста за столомъ, за которымъ предсѣдательствовалъ адмиралъ Катаока.

Разнообразіе мундировъ живо напоминало мнѣ банкетъ у лордъ-мэра и это чувство еще болѣе усилось, когда подали супъ изъ черепахи и огромные куски ростбифа. Пили за мое здоровье и я долженъ былъ сказать двѣ рѣчи. Генералъ передалъ мнѣ свою чашку и мы выпили за здоровье другъ друга. Адми-

ралъ отвѣтилъ на мой тостъ и оба подарили мнѣ бутылки и чашки, изъ которыхъ мы пили. Я также взаимно пилъ здоровье многихъ офицеровъ и во всѣхъ случаяхъ мнѣ передавали чашки на память; капитанъ крейсера подарилъ мнѣ прелестную карликовую сливу въ полномъ цвѣту. Когда я всталъ изъ-за стола, мой вѣстовой Араи едва шелъ, нагруженный полученными мною подарками: всего было двѣ бутылки саке и сорокъ двѣ чашки. Лишнее говорить, какъ высоко цѣню я эти подарки!

Послѣ обѣда на палубѣ игралъ оркестръ, а мы курили папиросы и пили чай. Японцы не нуждаются въ спиртныхъ напиткахъ для возбужденія веселости; за чашкой чая велась совершенно такая же оживленная и веселая бесѣда, какъ въ англійской курительной комнатѣ за бутылками виски и содовой воды.

Около пяти часовъ вечера я возвратился на свой крейсеръ въ сопровожденіи лейтенанта Яманаши, который хотѣлъ переговорить со мной относительно предполагавшейся поѣздки въ Портъ-Артуръ, такъ какъ онъ тоже надѣялся принять въ ней участіе.

Въ число команды нашего крейсера было отдано приказаніе зачислить всѣхъ японскихъ матросовъ, взятыхъ въ плѣнъ при прошлогоднихъ попыткахъ закупорки Портъ-Артура и теперь, при паденіи крѣпости, вновь получившихъ свободу. Это заставило нѣсколько отсрочить назначенное трехдневное крейсерство въ заливѣ Кинчоу и, предварительно заручившись необходимымъ разрѣшеніемъ, я съѣхалъ на берегъ посмотрѣть на прибывающихъ русскихъ плѣнныхъ.

На желѣзнодорожной станціи уже были закон-

чены всѣ необходимыя приготовленія къ прибытію русскихъ. Подошедшій поѣздъ остановился у длиннаго помоста; плѣнные матросы и солдаты размѣщались на открытыхъ платформахъ, сидя на корточкахъ. Прирожденная (?!) свирѣпость казаковъ значительно поубавилась со времени взятія ихъ въ плѣнъ и они быстро, безъ малѣйшаго колебанія, повиновались приказаніямъ японцевъ. Откинутыя стѣнки платформъ образовали родъ сходовъ и скоро всѣ плѣнные, выйдя изъ поѣзда, построились по ротно. Многіе изъ нихъ несли разнокалиберные мѣшки, ящики, жестянки; почти у всѣхъ черезъ плечо былъ перекинутъ котелокъ и они двигались подъ аккомпаниментъ брянчанія разной посуды. Всѣ прибывшіе подверглись внимательному медицинскому осмотру: здоровыхъ направляли въ бараки на другой сторонѣ адмиралтейства, но при малѣйшемъ сомнительномъ случаѣ, плѣнныхъ сначала посылали въ карантинъ для наблюденія за ходомъ болѣзни, а потомъ распредѣляли по соотвѣтственнымъ госпиталямъ. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ на обратномъ пути,—длинный, низкій баракъ, дверь котораго выходила на улицу. Въ первой комнатѣ помѣщалось трое русскихъ; у одного изъ нихъ бомба оторвала половину лица, но несмотря на свое ужасное состояніе, онъ имѣлъ достаточно силъ попросить насъ угостить его папиросами, что, конечно, мы сейчасъ же исполнили. Другіе больные казались очень слабыми; я попробовалъ завести съ ними разговоръ, но это оказалось дѣломъ черезчуръ труднымъ.

— Откуда вы,—спросилъ я ихъ по-англійски, но ни одинъ изъ нихъ не зналъ этого языка. Тогда я раздѣльно произнесъ: „Мукденъ, Ляоянъ, Портъ-

Артуръ“. Первыя два слова оказались для нихъ понятными, потому что ихъ произношеніе одинаково съ русскимъ и они отрицательно покачали головой. Я не сомнѣвался, что они были взяты въ плѣнъ именно въ Портъ-Артурѣ, хотя солдаты не поняли, что хотѣлъ я сказать моимъ третьимъ словомъ. Мнѣ непремѣнно захотѣлось добиться того, чтобы узнать русское произношеніе слова: „Портъ-Артуръ“; для этого я началъ нѣсколько разъ подрядъ медленно и раздѣльно повторять англійское названіе, пока, наконецъ, въ ихъ глазахъ не блеснуло пониманіе и они воскликнули: „Портъ-Артое (?), Портъ-Артое!“. Я улыбнулся и въ знакъ согласія кивнулъ головой; они также улыбнулись мнѣ въ отвѣтъ. Въ смежной комнатѣ помѣщалось пять человѣкъ русскихъ; изъ нихъ четверо раненыхъ лежало въ постелѣ, а пятый, больной, сидѣлъ на складномъ стулѣ. Одинъ изъ этихъ плѣнныхъ былъ унтеръ-офицеръ казачьяго полка; по виду онъ казался очень смышленымъ и поразительно ловко объяснялся знаками; всѣ они могли немного говорить по китайски. Съ ними я примѣнилъ другой методъ для того, чтобы узнать, въ какомъ сраженіи ихъ взяли въ плѣнъ: я назвалъ фамилію генерала Стесселя. Тогда унтеръ-офицеръ, быстро указавъ на себя и еще двоихъ, махнулъ рукой по направленію остальныхъ товарищей и отрицательно потрясъ головой, объясняя мнѣ такимъ образомъ, что тѣ два находились подъ начальствомъ другого генерала. Тогда я попробовалъ упомянуть фамилію Куропаткина и унтеръ-офицеръ, указывая на тѣхъ двухъ, началъ дѣлать утвердительные знаки и одобрительно закивалъ головой, повторяя: „Куропаткинъ, Куропаткинъ...“ Они очень быстро сообра-

зили, что отъ нихъ требуется, когда мнѣ захотѣлось снять съ нихъ фотографію и приняли разнообразныя позы. Унтеръ-офицеръ, кажется, обладалъ значительной дозой тщеславія, потому что тотчасъ же началъ хлопотать о томъ, чтобы выглядѣть какъ можно красивѣе: старательно причесалъ свои длинные волосы и надѣлъ свой очень нарядный мундиръ.

Должно быть, онъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о фотографіи: видя, что комната довольно темна, онъ знаками объяснилъ, что шапка закрываетъ ему лицо и онъ предпочитаетъ держать ее на колѣняхъ.

Снявъ фотографіи, мы оставили госпиталь, но въ нашихъ ушахъ еще долго раздавались благословенія этихъ бѣдныхъ солдатъ и ихъ прощальное „сайонора“ (?).

На слѣдующее утро нашъ крейсеръ ушелъ на югъ—въ Койо-тау. Около 1 часа 30 мин. мы завидѣли большую плывшую глыбу льда, какъ это намъ показалось издали, но по ближайшемъ разсмотрѣніи мы увидѣли, что это была обледенѣвшая мина. Покрывавшій ее сверху ледъ растаялъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и мина была видна совершенно явственно. Она взорвалась при первомъ же выстрѣлѣ: вѣроятно, сотрясеніе ледянаго покрова сломало колпаки *), но я подумалъ, что къ плаванію въ этихъ водахъ прибавится новая грозная опасность, если на поверхности волнъ будутъ носиться подобныя маленькія ледяныя горы съ смертоносной сердцевиной изъ пироксилина.

Около 4 часовъ пополудни мы стали на якорь въ большой гавани Койо-тау. Китайцы, принесшіе

---

*) См. примѣч. къ стр. 236. *Ред.*

для продажи нѣсколько корзинъ камбалы, выказали полное довѣріе къ честности японцевъ, и для облегченія выбора дали корзины на корабль ранѣе полученія денегъ за товаръ.

Подобный поступокъ былъ совершенно выходя-

Койо-тау.

щимъ изъ ряда вонъ, потому что китайцы неизмѣнно предпочитаютъ имѣть деньги въ рукахъ раньше, чѣмъ разстанутся со своимъ товаромъ. Подъ прикрытіемъ меньшаго изъ острововъ стояли на якорѣ нашъ старый знакомый „Акаги“ и одинъ миноносецъ. Капитанъ приказалъ спустить на воду наши катера и прежде чѣмъ встать на якорь, тщательно промѣрить лотомъ глубину вокругъ корабля, сказавъ мнѣ, что предпочитаетъ всегда лично удостовѣриться,

будетъ ли достаточно глубины для производства необходимыхъ поворотовъ и что въ этомъ случаѣ не довѣряетъ никакимъ, даже самымъ лучшимъ картамъ. Эта группа небольшихъ островковъ, расположенная между Чифу и Портъ-Артуромъ, являлась главнымъ

Прорыватели блокады съ острововъ Койо-тау въ Печилійскомъ заливѣ.

центромъ очень прибыльныхъ операцій по прорыву блокады. Ліао-тань-шанъ съ его многочисленными маленькими укрытыми бухточками находился всего въ двадцати миляхъ отъ Портъ-Артура, и, подъ покровомъ темныхъ и туманныхъ ночей, джонки легко могли незамѣтно проскользнуть въ осажденную крѣпость и получить тамъ высокія цѣны за доставленные съѣстные припасы и овощи.

Острова эти отличаются довольно страннымъ геологическимъ строеніемъ изъ перпендикулярныхъ слоевъ сланца съ зубчатыми вершинами подобныхъ которымъ я нигдѣ не встрѣчалъ. Населеніе состоитъ большею частью изъ рыбаковъ въ свободное отъ

Лейтенантъ Абе. Капитанъ Такахаши. Лейтенантъ Кубо. Лейтенантъ Томасъ.

На островахъ Койо-тау.

пиратства время; въ общемъ тамъ живетъ около 300 семействъ и есть даже нѣсколько фермъ. Съ материкомъ нѣтъ другихъ средствъ сообщенія кромѣ сампановъ и джонокъ, періодически отправляющихся для продажи рыбы въ Чифу. Несмотря на лохмотья жителей и ихъ кажущуюся нищету, хитрое, самодовольное выраженіе лицъ свидѣтельствуетъ о ихъ

процвѣтаніи; конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что продолжительная осада Портъ-Артура доставила имъ необыкновенно большіе барыши. Національная одежда одинакова во всемъ Китаѣ, но эти островитяне имѣютъ и особенность—мѣшковатые шаровары, сшитые изъ недубленой собачьей кожи, которые они никогда не снимаютъ въ теченіе цѣлой зимы.

На слѣдующій день мы пошли въ заливъ Кинчоу—этотъ походъ былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ по риску взлетѣть на воздухъ отъ минъ. Однако наше крейсерство закончилось раньше, чѣмъ мы этого могли ожидать: дулъ свѣжій сѣверный вѣтеръ, препятствовавшій видѣть плавающія мины; погода начала сильно хмуриться и внезапный туманъ заставилъ капитана искать убѣжища у самаго большого острова въ группѣ Кин-шан-тао. Это важный рыболовный центръ, ведущій обширную торговлю камбалой съ Чифу и другими большими городами на китайскомъ побережьѣ. Группа этихъ острововъ является для Японіи необходимымъ пріобрѣтеніемъ въ ближайшемъ будущемъ; несомнѣнно они скоро фактически станутъ частью имперіи Восходящаго Солнца. Кин-шан-тао представляетъ изъ себя двѣ пустынныхъ и безплодныхъ сланцевыхъ горы съ опоясывающей ихъ небольшой полосой плодородной земли.

Въ 4 часа пополудни капитанъ и всѣ свободные офицеры съѣхали на берегъ, размѣстившись въ двухъ катерахъ. Наша высадка очень удивила и даже испугала жителей, быстро захлопнувшихъ передъ нами двери своихъ домовъ. Береговая полоса содержалась въ большомъ порядкѣ: вытащенные изъ

воды сампаны стояли на одной сторонѣ, а большія джонки на другой. Вдоль берега шла высокая плотина, неправильная и неровная, на которую выходили калитки двориковъ.

Мнѣ бросились въ глаза между лодками нѣсколько очень устарѣлыхъ типовъ, давно вышедшихъ изъ употребленія,—простыя выдолбленныя бревна съ грубо обдѣланными боковыми стѣнками. Около лодокъ лежали разбросанныя сѣти и другія рыболовныя снасти. Дорогъ не было никакихъ, какъ вообще и вездѣ въ Манджуріи; обѣ части острова соединялись первобытными тропинками. Въ каждой маленькой деревушкѣ находился свой собственный храмъ или алтарь, а городъ мертвыхъ былъ расположенъ рядомъ съ главной деревней въ маленькомъ лѣсочкѣ съ разсаженными правильными рядами деревьями. На берегу было устроено небольшое возвышеніе вродѣ террасы, гдѣ складывались всѣ необходимыя принадлежности для большихъ джонокъ съ высокими четыреугольными носами; сами онѣ были вытащены на берегъ и ихъ правильные ряды бросали симметрическія тѣни на прибрежный песокъ.

Избранная нами западная тропинка шла по отрогу холмовъ, съ вершины которыхъ открывался обширный видъ на воздѣланныя пространства острова и на закругленную полосу морского берега пепельносѣраго цвѣта отъ постояннаго дѣйствія приливовъ и отливовъ. Вдали гнѣздилась маленькая деревушка, прилѣпившаяся къ склону болѣе удаленной горы; находившіеся вокругъ нея двадцать или тридцать акровъ обработанной земли, кажется, составляли общественную собственность, потому что нигдѣ не было видно никакихъ границъ и межевыхъ знаковъ.

Дойдя до деревни, мы и здѣсь не догнали ушедшаго впередъ капитана; онъ уже отправился въ третью деревню. Послѣдовавъ за нимъ туда, мы нашли его углубленнаго въ разсматриваніе ямы для ссыпки зерноваго хлѣба, а старый китаецъ—земледѣлецъ подробно объяснялъ ему ея употребленіе.

Эта деревня, какъ и предшествовавшія, была биткомъ набита народомъ; въ огромномъ большинствѣ китайскихъ поселеній всегда кажется непропорціонально много жителей по сравненію съ числомъ домовъ. Мы обошли кругомъ деревню, разсматривая все сколько нибудь интересное. Артиллеристъ былъ единственнымъ членомъ нашей компаніи, не принимавшимъ въ этомъ участія; взявъ у меня маузеръ, онъ прилежно выслѣживалъ деревенскую сороку, повидимому, единственную птицу на всемъ островѣ.

Въ деревнѣ производилась кое-какая торговля; намъ особенно бросился въ глаза торговецъ, сидѣвшій между двумя ящиками на очень маленькомъ стулѣ; онъ курилъ трубку и усердно выхвалялъ свой товаръ, состоявшій главнымъ образомъ изъ мѣдныхъ женскихъ украшеній и поддѣльнаго нефрита: болѣе привлекательнаго у него ничего не было. Жители очевидно принимали меня за русскаго, потому что вскорѣ вокругъ собралась большая дурно пахнущая толпа зѣвакъ. Я довольно стойко переносилъ это испытаніе, пока къ окружавшей насъ праздной толпѣ не присоединился человѣкъ въ широкихъ шароварахъ изъ собачьей кожи,—запахъ на половину сырой его нижней одежды былъ въ полномъ смыслѣ слова невыносимъ, и мы снова спустились внизъ на берегъ, проведя часа полтора въ одномъ изъ неизвѣстныхъ уголковъ Китая.

Въ этотъ день намъ не удалось увидѣть ни одной мины за все время крейсерства, и, идя со скоростью двѣнадцати узловъ, мы въ 5 часовъ 30 минутъ уже были на мѣстѣ нашей обычной якорной стоянки. Не теряя времени, мы съ Араи начали дѣятельно приготовлять все необходимое для моей поѣздки въ Портъ-Артуръ.

Съ „Фузо“ пріѣхалъ лейтенантъ Яманаши сообщить о приказаніи адмирала сопровождать меня и заодно узнать о сдѣланныхъ уже мною приготовленіяхъ. Извинившись за слишкомъ рано назначенный часъ выѣзда, онъ прибавилъ, что избѣжать этого невозможно, такъ какъ вся вина подобнаго распоряженія лежитъ на военныхъ властяхъ, устанавливавшихъ росписаніе поѣздовъ.

„Сторожевая шлюпка“, сказалъ онъ, „отойдетъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы намъ во время поспѣть на поѣздъ, отходящій въ 6 час. 30 мин. утра“. Онъ подарилъ мнѣ карту Портъ-Артура, говоря, что будетъ очень интересно отмѣчать на ней пройденную нами дорогу.

„А кромѣ того“, добавилъ онъ, „я напишу вамъ на ней по-англійски всѣ имена фортовъ и мѣстностей, которые намъ придется посѣтить“.

Араи разбудилъ меня, когда было еще совсѣмъ темно. Забравъ меня, сторожевая шлюпка подошла къ флагманскому судну за Яманаши и его вѣстовымъ. Только едва начинало разсвѣтать, когда мы высадились на военной набережной, откуда пѣшкомъ пошли на желѣзнодорожную станцію. На противуположномъ концѣ города мы встрѣтились со многими морскими и сухопутными офицерами, также ѣхавшими въ Портъ-Артуръ. Я очень былъ радъ видѣть между

ними моего пріятеля, капитана „Кимоно-Мару“, жизнерадостнаго и веселаго, какъ всегда. Ожидали прибытія нѣсколькихъ поѣздовъ съ русскими плѣнными, изъ за чего произошла длинная задержка, и мы выѣхали только въ 9 час. 15 мин., когда пришедшіе въ 9 часовъ поѣзда успѣли освободиться отъ своего печальнаго груза. Станціи на всемъ протяженіи линіи находились въ завѣдываніи военныхъ властей и ихъ обслуживали солдаты. На пути съ нами встрѣтился поѣздъ изъ Лаояна, состоявшій изъ платформъ и вагоновъ для перевозки лошадей, въ которыхъ было размѣщено много раненыхъ японцевъ; для свѣта и свободнаго доступа воздуха въ стѣнкахъ вагоновъ были прорѣзаны четыреугольныя окна. Наше путешествіе сопровождалось извѣстной торжественностью: на всемъ протяженіи пути китайцы окрестныхъ селеній почти поголовно выходили смотрѣть на проходившій мимо поѣздъ и, само собою разумѣется, начали кричать „Банзай“. Замѣтивъ, что восторженные крики усиливались всякій разъ, какъ только я показывался у окна, я уже начиналъ склоняться къ тому мнѣнію, что быть можетъ, я слишкомъ скромно сужу о себѣ и ошибаюсь въ оцѣнкѣ своего собствен-

Докъ въ Дальнемъ. На фотографіи изображенъ авторъ книги.

наго достоинства, когда Яманаши вдругъ мнѣ сказалъ: „Всѣ они вышли смотрѣть на генерала Стесселя, который будетъ возвращаться въ этомъ вагонѣ“.

Жители, одѣтые въ красный и синій цвѣта, очень красиво оживляли монотонный ландшафтъ. Мы проѣхали мимо замерзшаго озера, стекловидная поверхность котораго блестѣла на солнцѣ, какъ полированное зеркало. На всемъ протяженіи пыльныхъ дорогъ виднѣлись вереницы лошадей и извѣстныя всему міру китайскія телѣги для перевозки тяжестей,— неуклюжія фуры, запряженныя самыми разнообразными животными: ослами, коровами и лошадьми; въ одной запряжкѣ я даже замѣтилъ тянувшую изъ всѣхъ силъ собаку, припряженную впереди въ видѣ вожака. Деревьевъ почти не было; только въ деревняхъ или на кладбищахъ было по нѣсколько штукъ. Единственными представителями птичьяго царства были болтливыя сороки: въ каждой деревнѣ обязательно гнѣздилась пара этихъ птицъ и ихъ растрепанное гнѣздо неизмѣнно красовалось на самомъ высокомъ деревѣ.

Мы остановились на станціи для пропуска двухъ поѣздовъ, набитыхъ плѣнными; въ числѣ ихъ главнымъ образомъ были матросы, что заставило меня предположить, что, вѣроятно, большинство плѣнныхъ уже вывезено изъ Портъ-Артура, такъ какъ я зналъ, что послѣдними должны были отправляться матросы. Въ общемъ плѣнные были очень тихи и молчаливы, хотя нѣкоторые изъ нихъ весело шутили со своими подвижными и бодрыми караульными. Деревенскія дѣти толпами сбѣгались кричать намъ „Банзай“ и солдаты ѣхавшаго съ нами полка развлекались тѣмъ, что бросали имъ пикули и куски сухарей.

Я наблюдалъ, какъ одинъ рядовой перевѣсился, чтобы дать дѣвочкѣ сахарную бумажку, та ее попробовала, бросила и отошла прочь съ недовольнымъ видомъ, дѣлая гримасы отвращенія. Эти бѣдныя маленькія дѣвочки съ трудомъ переваливаются на пяткахъ; ноги ихъ такъ узко забинтованы, что испытываемая ими при ходьбѣ боль должна быть необыкновенно мучительной и онѣ изгибаютъ подъ всевозможными углами свои несчастныя искривленныя оконечности, чтобы хоть немного облегчить сдавленныя ноги.

Выйдя съ этой станціи, поѣздъ пошелъ по берегу Голубиной бухты съ ея живописными островками и путешествіе окончилось на станціи, отстоявшей на семнадцать миль отъ Портъ-Артура, такъ какъ далѣе путь былъ поврежденъ. Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколько корреспондентовъ, пріѣхавшихъ посмотрѣть на генерала Стесселя. Мы находились отъ города на разстояніи трехъ японскихъ миль по прямой линіи, но японцы, щедрые въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ остальномъ, считаютъ въ своей милѣ такъ много, что при переводѣ на англійскія мѣры можно было насчитать по крайней мѣрѣ пятнадцать миль. Мы застали на станціи очень много хлопотъ и суматохи: зданіе было украшено зеленью и было очень странно видѣть разъѣзжавшія дрожки съ русскими кучерами, одѣтыми въ русскіе кафтаны, русскіе сапоги и мѣховыя шапки казачьяго образца. Подошедшій поѣздъ остановился между двумя линіями русскихъ плѣнныхъ, числомъ около двухъ тысячъ. Они стояли вольно, или сидѣли, заваривая себѣ чай. Между ними протискивались слуги съ чемоданами, дорожными мѣшками и другимъ европейскимъ бага-

жемъ, странно рѣзавшимъ глаза на этой маленькой, пыльной манджурской станціи.

Группа японскихъ офицеровъ, стоявшая у двери помѣщенія начальника станціи, ожидала пріѣзда русскаго главнокомандующаго. Для удобства ранѣе прибывшихъ русскихъ пассажировъ устроили нѣсколько временныхъ навѣсовъ. Особенно тяжело было смотрѣть на женщинъ въ глубокомъ траурѣ и игравшихъ рядомъ съ ними дѣтей, не понимавшихъ въ своей счастливой, беззаботной невинности глубины ужасной трагедіи, опечалившей ихъ матерей.

Въ скоромъ времени станція была очищена отъ народа и всѣ присутствовавшіе, выстроясь, внимательно смотрѣли на проходившаго мимо нихъ высокаго, виднаго человѣка съ нѣсколько циническими чертами лица; онъ шелъ, выпрямившись, твердымъ, спокойнымъ шагомъ, отвѣчая на честь, отдаваемую ему японскими офицерами.

Это былъ генералъ Стессель — герой Портъ-Артура. Японцы съ истинно рыцарскимъ великодушіемъ избѣгали всяческихъ подчеркиваній несчастнаго положенія храбраго генерала и поэтому всѣ японскія войска временно были отведены на милю къ подножію холмовъ; на станціи находился только караулъ и нѣсколько солдатъ, присутствіе которыхъ объяснялось ихъ служебными обязанностями. Для русскаго генерала было приготовлено особое помѣщеніе, куда его немедленно пригласили; тамъ онъ принялъ свой штабъ и отдалъ имъ послѣднія приказанія. Когда весь багажъ былъ уложенъ въ поѣздъ, завѣдывавшій этимъ офицеръ вѣжливо доложилъ генералу Стесселю, что все готово къ отправленію; онъ тотчасъ же занялъ свои мѣста вмѣстѣ съ женой и дѣтьми; за ними

послѣдовалъ штабъ; оставшіеся плѣнные тоже размѣстились по вагонамъ и поѣздъ отошелъ, сопровождаемый воодушевленными криками: „Банзай“. Всѣ русскіе офицеры, согласно условіямъ сдачи, имѣли при себѣ оружіе; въ своихъ новыхъ пальто они выглядѣли очень нарядными и держались весьма сдержанно, даже почти надменно.

Взявъ двухъ китайцевъ погонщиковъ иословъ для перевозки багажа, мы пошли пѣшкомъ съ Ямаваши по направленію главной квартиры генерала Ноги, запасаясь по дорогѣ необходимыми разрѣшеніями на пропускъ черезъ сторожевые посты. Дойдя до деревни, находившейся рядомъ съ главной квартирой, мы направились къ помѣщенію морскаго агента.

Дорога, шедшая передъ домомъ, была превращена въ стойла: подъ наскоро сколоченными навѣсами стояли лошади, принадлежавшія штабу. Сзади нихъ мнѣ показали двухъ боевыхъ лошадей генерала Стесселя: одна—гнѣдая, мохнатая; другая — сѣрая, арабской породы.

Войдя въ домъ, въ комнатѣ, выходившей на улицу, мы увидѣли толстую женщину, занятую стряпней; должно быть это помѣщеніе соединяло въ себѣ кухню, пріемную комнату и спальню. Повернувъ черезъ дверь направо, мы вошли въ двѣ небольшія смежныя комнаты; первая была занята нѣсколькими вѣстовыми, а во второй, на высокой табуреткѣ около окна, сидѣлъ капитанъ, разсматривавшій какой-то планъ. Рядомъ съ нимъ стояла жаровня для зажиганія папиросъ; время отъ времени онъ согрѣвалъ надъ ней свои пальцы. Комната имѣла очень уютный видъ, такъ какъ грязныя стѣны были завѣшены цыновками; на полу, въ небольшомъ углубленіи, не больше

18 квадратныхъ дюймовъ, тлѣлъ каменный уголь, согрѣвая воздухъ. Вмѣсто стеклянной рамы, окно было заклеено прозрачной бумагой съ цѣлью умѣрить блескъ солнца и обезопасить себя отъ вторженія постороннихъ любопытныхъ глазъ. Телефонъ и телеграфъ поддерживали постоянную связь капитана съ начальствующими лицами: въ десять минутъ онъ могъ войти въ сообщеніе съ Токіо.

Пока посланный къ генералу Ноги относилъ ему мою карточку, мы пили чай, курили папиросы и весело разговаривали. Черезъ часъ онъ возвратился съ отвѣтомъ, что генералъ уѣхалъ „по дѣлу“.

Японцы употребляютъ это выраженіе вмѣсто нашего термина: „по служебнымъ дѣламъ“. Обсудивъ вопросъ о томъ, что выгоднѣе, — идти ли теперь впередъ къ Портъ-Артуру, или остановиться на ночь въ деревнѣ съ тѣмъ, чтобы утромъ отправиться въ дальнѣйшій путь,—мы рѣшили выбрать первое.

Предшествуемые навьюченными ослами, мы вышли изъ деревни, гдѣ жители и японскіе солдаты очень интересовались моимъ внѣшнимъ видомъ: мѣховое пальто и шапка дѣлали меня похожимъ на казака и, употребляя американское выраженіе, японскіе солдаты никакъ не могли „подогнать меня ни подъ какую мѣрку“. Мы прошли мимо артиллерійскаго парка съ многочисленными стоявшими тамъ молчаливыми чудовищами, такъ недавно изрыгавшими ядра и гранаты и засыпавшими своими убійственными снарядами укрѣпленія и траншеи Портъ-Артура. Мнѣ очень хотѣлось сдѣлать моментальный снимокъ съ большихъ орудій, но стоявшій тамъ часовой воспротивился этому. Мой спутникъ старался объяснить мнѣ выгоды этой позиціи со стратегической точки

зрѣнія, но мое художественное чувство болѣе влекло меня любоваться чудной красотой высокихъ горъ, чѣмъ разсуждать о пригодности этихъ возвышенностей для удовлетворенія требованій современныхъ армій. Войдя передъ заходомъ солнца въ ущелье, мы пошли по сухому руслу потока. Вся долина была усыпана чугунными обломками,—осколками русскихъ снарядовъ, безвредно взрывавшихся между скалъ и утесовъ, потому что японскія тяжелыя орудія, употреблявшія бездымный порохъ, были хорошо укрыты за склонами холмовъ, входившихъ въ это ущелье. Именно эти орудія и были тѣ самыя, легкій дымъ которыхъ я могъ различать съ моей горной вершины, но мнѣ никогда не удавалось точно опредѣлить мѣсто ихъ расположенія. Скоро намъ стало до очевидности ясно, что намъ не удастся дойти въ этотъ вечеръ до Портъ-Артура, но Яманаши успокоилъ меня, говоря, что въ любомъ изъ встрѣчныхъ лагерей намъ съ радостью окажутъ гостепріимство. Пока мы разсматривали осадное орудіе и его лафетъ, загражданшіе намъ дорогу, по близости показался морской офицеръ верхомъ; я тотчасъ узналъ его—это былъ капитанъ Ниши.

— Какъ,—воскликнулъ онъ,—да это мой старый пріятель Райтъ! Не мучайте же себя больше ходьбой, я могу достать вамъ лошадей, сколько хотите, и вы спокойно проѣдете верхомъ всю остальную часть дороги до Портъ-Артура.

Но я отказался отъ этого предложенія на томъ основаніи, что я вѣдь увижу гораздо больше интереснаго, если пойду пѣшкомъ.

— Вамъ немыслимо сегодня добраться до города,—возразилъ онъ.—Тогда лучше идите и сдѣлайте

визитъ моему двоюродному брату, генералу Ихинохи. Онъ будетъ очень радъ съ вами познакомиться, потому что уже очень много слышалъ о васъ; лагерь его расположенъ всего около 2000 метровъ отсюда на склонѣ ближайшей горы.

Разставшись съ капитаномъ Ниши и выразивъ взаимно надежду на скорую встрѣчу въ ближайшемъ будущемъ, мы продолжали свое путешествіе. Солнце только что закатилось за горы и надъ ущельемъ висѣли легкія, какъ газъ, полосы дыма, подобно перекинутымъ черезъ холмы волшебнымъ мостикамъ.

При входѣ въ долину передъ нашими глазами развернулась картина кипучей дѣятельности. Вездѣ работали солдаты: одни стряпали, другіе стирали и эта мирная сцена оживлялась всѣми привычными лагерными звуками. Строились отряды, шедшіе на сторожевую и ночную службу, и рѣзкія ноты сигальнаго рожка громко и ясно раздавались въ глубинѣ долины, гдѣ дѣлали смотръ полку передъ отправленіемъ его на сѣверъ; гремѣли отъѣзжавшія батареи, а облако пыли, висѣвшее вдали, указывало расположеніе передовыхъ постовъ. Эти войска предназначались для усиленія арміи и должны были принять участіе въ большомъ сраженіи при Шахэ. Въ отличіе отъ другихъ лагерей, этотъ находился въ зонѣ опасности и вполнѣ входилъ въ сферу дѣйствія ружейнаго и орудійнаго огня непріятеля, вслѣдствіе чего всѣ солдаты принуждены были жить въ выкопанныхъ пещерахъ или непроницаемыхъ для ядеръ блиндажахъ; даже умывальни были устроены въ глубокихъ ямахъ съ непроницаемыми крышами и стѣнами. Впрочемъ, послѣ сдачи крѣпости, здѣсь разбили нѣсколько палатокъ. На другой сторонѣ долины про-

исходила печальная церемонія: солдаты отдавали послѣднія почести своимъ павшимъ товарищамъ—останки ихъ вырывались изъ земли и переносились въ печи для сожженія.

Мы пошли по направленію главной квартиры 6-ой бригады. Я слышалъ много разсказовъ о генералѣ Ихинохи, храбромъ офицерѣ, который съ саблей наголо всегда шелъ во главѣ своихъ войскъ, лично предводительствуя ими при атакахъ. У него была замѣчательная привычка надѣвать въ сраженіи бѣлую „обжи“, или перевязь, одинаково бросавшуюся въ глаза не только его солдатамъ, но и непріятелю. Вообще, этотъ доблестный генералъ являлся истиннымъ олицетвореніемъ древнихъ рыцарскихъ самураевъ. Мы поднялись въ его главную квартиру по грубымъ ступенямъ, высѣченнымъ надъ плоскими крышами непроницаемыхъ блиндажей и пробрались на вторую отвѣсную тропинку, у конца которой стоялъ домикъ генерала на маленькой площадкѣ, расчищенной на склонѣ холма. Генералъ, какъ видно, свято хранилъ древніе новогодніе обычаи: у домика было разсажено штукъ шесть маленькихъ сосенъ въ оригинальныхъ цвѣточныхъ горшкахъ изъ оболочекъ не взорвавшихся снарядовъ. Домъ былъ на половину погребомъ, на половину хижиной и на площадкѣ оставалось еще крошечное свободное пространство для садика, бывшаго безусловно единственнымъ въ своемъ родѣ на всемъ земномъ шарѣ. Кромѣ деревьевъ, въ маленькой загородкѣ около низкаго забора стлалась по землѣ одинокая вѣтка какого-то выносливаго ползучаго растенія, а вмѣсто кустовъ были разставлены правильными рядами русскіе снаряды различныхъ величинъ и форматовъ. Калитка

въ маленькій садикъ открывалась сбоку. Внутренность домика была устроена вполнѣ на японскій ладъ; полъ былъ на нѣсколько вершковъ поднятъ, а около дверей оставалось небольшое четыреугольное углубленіе для сниманія сапогъ. Когда мы вошли, генералъ писалъ, сидя на полу передъ обыкновеннымъ низенькимъ столикомъ. Кажется, онъ только что успѣлъ кончить свой ужинъ, потому что остатки его еще стояли на другомъ столикѣ рядомъ. Несмотря на его протесты я настоялъ на томъ, чтобы снять сапоги и ползкомъ двинулся впередъ, раскланявшись съ нимъ на японскій манеръ, т. е. наклонивъ голову, стоя на колѣняхъ. Былъ поданъ чай и мы вступили съ нимъ въ разговоръ черезъ посредство Яманаши. Онъ сказалъ, что много слышалъ обо мнѣ и очень радъ со мной познакомиться. Желаю-ли я здѣсь переночевать? Если да, то онъ немедленно отдастъ соотвѣтствующія приказанія для моего помѣщенія, хотя онъ опасается, что располагаетъ только очень ограниченными средствами для доставленія мнѣ желаемаго комфорта. Подробно разспросивъ меня о моихъ домашнихъ, онъ въ свою очередь разсказалъ мнѣ о своемъ семействѣ, но когда я попросилъ его подѣлиться со мной воспоминаніями о его блестящихъ боевыхъ подвигахъ, онъ отнесся къ этой просьбѣ крайне сдержанно и тотчасъ же перемѣнилъ тему разговора, сказавъ: „Если вы желаете осмотрѣть укрѣпленія, я завтра пошлю съ вами моего ординарца. Онъ находился здѣсь при мнѣ безотлучно во все время осады и можетъ дать вамъ самыя подробныя объясненія“.

Конечно, я съ благодарностью принялъ его любезное предложеніе. Угощая меня папиросами и си-

гарами, онъ самъ курилъ маленькую серебряную трубку. Принесли горячаго саке и мы взаимно выпили за здоровье другъ друга; затѣмъ я простился съ нимъ вспомнивъ, что мы своимъ приходомъ помѣшали ему заниматься. Онъ поручилъ позаботиться обо мнѣ своему адъютанту, очаровательному молодому человѣку, раненому во время послѣдней рѣшительной атаки осколкомъ снаряда въ голову и потому еще до сихъ поръ носившему повязку. Онъ нашелъ намъ помѣщеніе для ночлега въ третьей линіи блиндажей. Хотя внѣшній видъ этого помѣщенія не внушалъ особеннаго довѣрія, потому что оно все колыхалось при каждомъ нашемъ движеніи, но внутри оно было устроено очень комфортабельно. Стѣны, завѣшенныя цыновками, груда красныхъ теплыхъ одѣялъ и пылающая жаровня придавали ему уютность и провести въ немъ холодную ночь было болѣе чѣмъ пріятно.

Всѣ трое, адъютантъ, Яманаши и я, воздали должную честь присланнымъ генераломъ папиросамъ, апельсинамъ, сладостямъ и бутылкѣ саке, оцѣнивъ ихъ по достоинству. Но все это оказалось только вступленіемъ: за ними послѣдовалъ такой существенный обѣдъ, какъ будто бы мы находились въ Токіо. Были поданы ветчина, вареныя яйца, рисъ, рыба, яичница, а въ заключеніе родъ рагу изъ мяса съ китайской капустой. Это послѣднее блюдо было прислано не только для удовлетворенія нашего голода: японцы придаютъ ему особое символическое значеніе,—оно должно выражать глубокое дружественное чувство, которое питаетъ посылающій къ тому, кто его получаетъ, и я глубоко благодаренъ генералу за воодушевлявшее его доброе намѣреніе. Изви-

нившись за неизбѣжное отсутствіе своего начальника, адъютантъ сказалъ:

— „Я спеціально уполномоченъ замѣстить его и въ знакъ дружбы мы вмѣстѣ приготовимъ и вмѣстѣ съѣдимъ это блюдо“.

На принесенную жаровню съ угольями поставили кастрюлю. Рядомъ, на боковомъ столѣ находились нарѣзанное очень тонкими ломтями сырое мясо, овощи, сои и другія приправы; съ помощью палочекъ мы положили мясо въ кастрюлю, добавивъ туда воды, сахару, соли и особой сои превосходнаго качества, приготовляемой исключительно только въ Японіи. Отъ времени до времени мы переворачивали мясо; когда оно было готово, каждый выбралъ себѣ кусокъ для того, чтобы сообразно со своимъ вкусомъ оставить его съ кровью или же вполнѣ дожарить. Только самые близкіе друзья ѣдятъ это кушанье вмѣстѣ; я слышалъ раньше объ этомъ японскомъ обычаѣ и, понимая его внутреннее значеніе, чувствовалъ себя очень польщеннымъ оказаннымъ мнѣ такимъ знакомъ расположенія.

Вѣстовой принесъ еще нѣсколько одѣялъ, вторую жаровню, свѣчи и спички; я легъ и сладко заснулъ тѣмъ пріятнымъ безмятежнымъ сномъ безъ всякихъ сновидѣній, который обыкновенно слѣдуетъ за утомительнымъ днемъ.

Утромъ насъ разбудилъ рѣзкій звукъ рожка и мы тотчасъ же встали. Все необходимое для моего комфорта было заранѣе предусмотрѣно вплоть до большого таза съ горячей водой. Однако мнѣ удалось вымыться лишь самымъ поверхностнымъ образомъ, потому что на зубной щеткѣ быстро образовывались ледяныя сосульки, а на полотенцѣ за-

мерзала вода, такъ что я былъ радъ скорѣе окончить свой туалетъ.

Кучки солдатъ подъ открытымъ небомъ мылись у проруби въ рѣчкѣ; особенно много времени они употребляли на чистку зубовъ, разгуливая кругомъ съ торчащей изорта зубной щеткой и потомъ снова усердно принимаясь за чистку. Послѣ завтрака я пошелъ проститься съ генераломъ Ихинохи и поблагодарить его за гостепріимство. Онъ находился въ своемъ оригинальномъ садикѣ. Въ разговорѣ, продолжавшемся нѣкоторое время, онъ снова выразилъ свое удовольствіе по поводу нашего личнаго знакомства и подарилъ мнѣ въ знакъ дружбы пару теплыхъ вязаныхъ перчатокъ работы одной изъ своихъ дочерей и теплое нижнее бѣлье изъ красной фланели. Нельзя было сдѣлать мнѣ болѣе подходящаго подарка, принимая во вниманіе суровую зимнюю погоду! Вскорѣ пришелъ его ординарецъ въ полной походной формѣ и окончательно простившись съ генераломъ, я отправился осматривать лагерь и всѣ укрѣпленія.

Многимъ частямъ войскъ, приготовлявшимся къ выступленію на сѣверъ, производились смотры по ротамъ и полкамъ. Меня удивило очень большое количество рядовыхъ, занимавшихся изученіемъ различныхъ сигналовъ на рожкѣ. Ординарецъ объяснилъ этотъ заинтересовавшій меня фактъ тѣмъ, что изъ строя выбываетъ такой значительный процентъ убитыхъ горнистовъ, что необходимо постоянно обучать новыхъ для замѣщенія вакансій убитыхъ. Мы поднялись вверхъ на гору, слѣдуя по сухому руслу потока, на каждой извилинѣ котораго встрѣчались ямы, блиндажи, осколки снарядовъ, фуражки и окрова-

вленные обрывки платья,—бьющее въ глаза доказательство упорнаго артиллерійскаго обстрѣла, которому подвергалась вся мѣстность. Японскіе солдаты быстро убирали эти кровавые слѣды. Безусловная необходимость строжайшей гигіены вполнѣ ясно сознается всей арміей поголовно и никогда не оставляется на поверхности земли ничего, что могло бы служить источникомъ заразы. Этому пониманію гигіеническихъ требованій армія обязана поразительно малымъ числомъ заболѣваній, удивившемъ весь міръ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ русло горнаго потока сузилось и сдѣлалось совсѣмъ тѣснымъ, начинались удивительныя работы японскихъ саперовъ. Мы вступили въ ряды окоповъ для стрѣлковъ и параллелей, тянувшихся на много миль и представлявшихъ чудеса человѣческаго ума и трудолюбія. Трудъ, требовавшійся для исполненія этихъ саперныхъ работъ, долженъ былъ быть гигантскимъ! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ почвѣ были прорыты туннели; въ другихъ громадныя перекрытія изъ дерева и песку доставляли солдатамъ необходимое прикрытіе отъ осыпавшаго ихъ града снарядовъ. Мы шли по траншеямъ этихъ дивныхъ апрошей до форта, названнаго въ честь генерала—„Ихинохи“; это было не постоянное укрѣпленіе, но очень сильная позиція, прикрывавшаяся изъ дюжины другихъ фортовъ огнемъ ружей и пулеметовъ. Кромѣ того, въ ней находилось совершенно прямо пробитое отверстіе въ старую китайскую стѣну, — глубокая, хорошо защищенная траншея шириной съ англійскую проселочную дорогу. Эта китайская стѣна, обложенная вдобавокъ къ тому мѣшками съ пескомъ, представляла вполнѣ безопасное прикрытіе для расположенныхъ здѣсь стрѣлковъ

и пулеметовъ. Снаружи оборонительную силу позиціи усиливалъ глубокій ровъ; внутри нея были выкопаны ямы для защиты людей отъ снарядовъ. Около трехсотъ ярдовъ выше, почти по совершенно прямой линіи вверхъ, находилась Сигнальная гора, откуда смѣло и мужественно развѣвался японскій флагъ и между двумя орудіями большого калибра неподвижно, какъ изваяніе, стоялъ часовой.

У дула одного орудія было сбито около трехъ футъ; подъемные приводы обоихъ были уничтожены; вездѣ виднѣлись царапины и зарубки, а нѣкоторыя мѣста были буквально выжжены порохомъ шимозе. У нашихъ ногъ разстилалась гавань Портъ-Артура съ ея адмиралтействомъ и потопленными броненосцами. Слѣдуя вдоль возвышеннаго гласиса, снабженнаго амбразурами, воздвигнутаго изъ мѣшковъ съ пескомъ и кромѣ того защищеннаго колючей проволокой, мы спустились внизъ къ военной дорогѣ, прекрасно сдѣланной и сильно укрѣпленной. Здѣсь мы остановились для того, чтобы внимательно разсмотрѣть ужасное опустошеніе, не находящее себѣ подобнаго въ лѣтописяхъ міра.

Всѣ вершины горныхъ возвышенностей на протяженіи многихъ миль были превращены буквально въ груды безформенныхъ обломковъ, что совершенно измѣнило ихъ первоначальный видъ и характерныя очертанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля была такъ вспахана снарядами, что говоря безъ малѣйшаго преувеличенія, она колебалась, какъ сухой сыпучій песокъ, когда мы по ней проходили. Общее впечатлѣніе этой ужасной картины было такое, точно здѣсь трудились сотни какихъ-то титановъ надъ выламываньемъ огромныхъ глыбъ камня. Тамъ и

сямъ были разбросаны осколки орудій и ихъ лафетовъ, снаряды, запачканное кровью платье и вообще разные остатки поля сраженія, смѣшанные съ массой обломковъ скалъ. Рядомъ съ дорогой шла траншея; въ склонѣ горы были вырыты пещеры, своды которыхъ поддерживались огромными распорками; попадавшіяся кучи кирпичей и уцѣлѣвшія части сложенныхъ стѣнокъ указывали мѣста бывшихъ здѣсь походныхъ кухонь, потому что въ этихъ нечеловѣческихъ логовищахъ жили геройскіе защитники крѣпости.

Ровъ кругомъ форта Двойного Дракона. Высота стѣны—60 ф. и у основанія она защищалась скорострѣльными пушками.

Слѣдуя этой дорогой, мы дошли до форта Двойного Дракона, — мѣста убійственнаго взрыва, о которомъ я уже упоминалъ выше. Взглядъ, брошенный на внѣшній широкій ровъ, отнялъ бы необходимое мужество у солдатъ всѣхъ армій, но японцы атаковали его снова и снова, хотя войти въ укрѣпленіе имъ удалось только тогда, когда земляныя мины уже сдѣлали свое убійственное дѣло. Было невозможно опредѣлить первоначальныя очертанія этого форта; можно было подумать, что здѣсь произошло вулканическое изверженіе, совершенно измѣнившее характеръ окружающей мѣстности.

Мы вошли въ укрѣпленіе черезъ маленькую дверь, пробитую въ скалѣ и поднялись на вершину его по

отвѣсному склону со ступенями, сдѣланными черезъ большіе промежутки. Войдя въ дверь, мы обратили вниманіе на длинную галлерею съ амбразурами для пулеметовъ; подобная же галлерея шла вокругъ вершины. Зубцы стѣнъ, сдѣланные изъ крѣпкаго цемента, были совершенно разрушены, также какъ и стоявшія здѣсь орудія и имѣли видъ, точно по нимъ прокатилась огромная разрушительная приливная волна. Блиндажъ, выкопанный подъ орудійной позиціей, былъ укрѣпленъ толстыми деревянными балками и предназначался для укрытія орудійной прислуги, если огонь становился нестерпимымъ. Когда я вошелъ въ блиндажъ, онъ живо напомнилъ мнѣ клѣтку кардинала Балнъ, гдѣ не было возможности ни сидѣть, ни стоять или лежать.

Русское орудіе на фортѣ Двойного Дракона. Открытый замокъ и приготовленный снарядъ показываютъ, что русскимъ артиллеристамъ пришлось спѣшно бѣжать.

На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился сѣверный уголъ форта, теперь рѣшительно ничего не было кромѣ развалинъ, кусковъ тѣла, костей и обрывковъ мундировъ,—леденящее душу воспоминаніе о бывшемъ здѣсь адскомъ взрывѣ! На другомъ углу укрѣпленія снарядъ вырылъ глубокую яму въ склонѣ горы. Ярдовъ на сто ниже по скату возвышенности находился подземный проходъ, но онъ былъ совершенно

загроможденъ мелкими обломками и разглядѣть его было невозможно.

Достаточно насмотрѣвшись на фортъ Двойного Дракона, мы возвратились на военную дорогу; вся она и всѣ шедшія рядомъ съ нею траншеи были непрерывной картиной полнѣйшаго разрушенія: мы вездѣ видѣли недоѣденные куски чернаго хлѣба, раскиданные сапоги, залитыя кровью носилки.... У воротъ крѣпости находились послѣднія значительныя загражденія: множество положенныхъ вѣтвями наружу деревьевъ, на манеръ „зареба“ и заборы изъ колючей проволоки. Именно на этомъ самомъ мѣстѣ японцы сдѣлали отчаянную попытку овладѣть крѣпостью посредствомъ штыковой атаки; ихъ бѣшеный натискъ не удался и они отступили, усѣявъ равнину трупами своихъ падшихъ товарищей. Атака была произведена съ такой яростной стремительностью, что проволочныя загражденія не выдержали и сломились подъ ужасной тяжестью повисшихъ на нихъ мертвыхъ тѣлъ. Мы прошли черезъ крѣпостныя ворота, представлявшія простые, грубо заостренные столбы, вколоченные между заборомъ изъ такого же матеріала. На склонѣ холма на позиціяхъ, господствовавшихъ надъ входомъ, стояло много скорострѣльныхъ орудій. Внутри крѣпости, немного лѣвѣе воротъ, находился одинъ изъ арсеналовъ; теперь это была безпорядочная груда валявшихся скорострѣльныхъ орудій, ружей, ящиковъ съ патронами, служившая наглядным доказательствомъ полнѣйшаго разрушенія; перемѣшанный со всѣмъ этимъ пироксилинъ давалъ всей огромной кучѣ видъ покрытой ржавчиной; кое-гдѣ виднѣлись слитки мѣди, растопившейся и снова застывшей въ различныхъ стран-

ныхъ формахъ. На нѣсколько сотъ ярдовъ ниже были снова расположены блиндажи и выкопанные погреба; почти совсѣмъ рядомъ находился русскій госпиталь. Впрочемъ со времени капитуляціи городъ наполнился лазаретами; ихъ положеніе обозначалось развѣвавшимися рядомъ флагами Краснаго Креста и японскимъ. Дорога вилась вокругъ подножія возвышенности, на которой стояло нѣсколько очень красивыхъ, незначительно поврежденныхъ домовъ, но старый городъ, построенный китайцами, пострадалъ очень сильно.

На площади стояли одинокія дрожки; русскіе, китайцы и японцы ходили по ней взадъ и впередъ; дамы и дѣти гуляли и ѣздили по разнообразнымъ направленіямъ съ чувствомъ полной безопасности и довѣрія. Ни одинъ домъ не былъ разграбленъ, потому что японцы ихъ запечатали тотчасъ по своемъ вступленіи въ городъ. Всякаго, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, тотчасъ арестовывали и передавали военнымъ властямъ. Пройдя черезъ площадь, мы очутились на главной улицѣ; здѣсь на многихъ домахъ остались слѣды адской бомбардировки. Кафешантанъ (Палермо) былъ разрушенъ въ дребезги, такъ что реставрировать его нѣтъ никакой возможности; онъ, какъ и всѣ наиболѣе пострадавшія зданія, находился на линіи обстрѣла адмиралтейства и кораблей и слѣдовательно, всѣ снаряды, не долетавшіе до гавани, обязательно попадали въ эти постройки; на шоссе они вырыли огромныя ямы.

Крутой поворотъ вывелъ насъ на площадь къ гавани. Русскіе корабли лежали на днѣ; возвышавшіяся изъ подъ воды мачты и трубы дали мнѣ поводъ сдѣлать предположеніе о не особенно серьезныхъ повре-

жденіяхъ, полученныхъ ими. Вдоль берега моря были расположены товарные склады, присутственныя мѣста и желѣзнодорожная станція съ большимъ количествомъ паровозовъ и подвижного состава. Паровозы были повреждены большею частью самими русскими, хотя на нѣкоторыхъ сохранились характерные слѣды японскихъ снарядовъ. Якорь „Ретвизана“ былъ закрѣпленъ на шоссе; когда корабль погружался на дно, то своей тяжестью онъ потащилъ за собой якорь, который оставилъ глубокую борозду на твердой мостовой, устланной мелкимъ щебнемъ. Крейсеръ „Баянъ“ стоялъ противъ входа въ гавань, до сихъ поръ еще загражденнаго противуминной сѣтью.

Перейдя другой мостъ, мы вошли въ ворота адмиралтейства, отрапортовавшись дежурному офицеру. Штабъ адмиралтейства занялъ оффиціальное мѣстопребываніе прежняго командира надъ портомъ и намъ съ Яманаши показали квартиру главнаго инженеръ-механика. Въ концѣ длиннаго, страннаго корридора, очень напоминавшаго монастырскій, находилась небольшая зала, теперь обращенная въ кухню. Оттуда насъ провели въ большую столовую, раздѣленную пополамъ красивыми ширмами ажурной рѣзной работы, стоявшими на двухъ массивныхъ столбахъ. Одна стѣна комнаты была выгнута отъ происшедшаго снаружи взрыва. Въ лѣвомъ углу у самой стѣны стояла русская печка, доходившая до потолка, которая прекрасно согрѣвала всю комнату. У боковой стѣны стояли двѣ кровати со шкафикомъ между ними; на дальнемъ концѣ комнаты находился буфетъ очень хорошей работы; рядомъ съ нимъ была третья кровать. Комната освѣщалась двумя окнами; передъ

однимъ стоялъ письменный столъ, около другого было два складныхъ тюфяка. Здѣсь также находилась клѣтка съ прекраснымъ какаду, котораго одинъ изъ офицеровъ началъ учить говорить „Банзай“, но это было очень трудно для птицы, слышавшей до сихъ поръ только русскій языкъ.

Посреди комнаты стоялъ столъ, семь стульевъ, небольшой диванъ и лежали два сѣдельныхъ вьюка; убранство ея дополняли два столика чернаго лакированнаго дерева съ перламутровыми инкрустаціями. Инженеръ-механикъ сидѣлъ съ нѣсколькими офицерами за столомъ, занимаясь и куря папиросы; онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно радушно, перезнакомивъ съ остальными членами общества.

Вечеромъ я пошелъ по берегу моря въ новый городъ, гдѣ, кажется, всѣ дома безъ исключенія были превращены въ госпитали. Гавань поражаетъ своей красотой — Ляотешанъ съ высоты своихъ 1500 футъ господствуетъ надъ всѣмъ заливомъ. Тигровый островъ (?) лежитъ прямо противъ самаго города, образуя два фарватера для входа на внутренній рейдъ, а Золотая гора, расположенная на противуположной сторонѣ входа въ гавань, защищаетъ адмиралтейство со стороны моря. Прямо внизу лежала затонувшая „Паллада“, а четыре желѣзныя дымовыя трубы, поднимавшіяся изъ почернѣвшей кучи желѣзнаго лома, являлись единственнымъ остаткомъ большого плавучаго маслянаго резервуара.

Пошедшіе ко дну броненосцы,—эти безпомощныя чудовища—казалось, заполняли собой весь небольшой внутренній бассейнъ. Три плавучихъ госпиталя, изъ которыхъ одинъ былъ на половину затопленъ, стояли на якорѣ подъ самымъ Тигровымъ островомъ а вид-

нѣвшіяся изъ-подъ воды дымовыя трубы и мачты указывали мѣсто погребенія нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Новый городъ превосходно распланированъ, съ красивыми улицами, бульварами и даже общественнымъ садомъ, хотя пока онъ еще въ зачаточномъ состояніи. Тяжелое впечатлѣніе производило множество бродячихъ бездомныхъ собакъ; особенно бросился мнѣ въ глаза прекрасный сетеръ гордонъ, который съ тревогой бѣгалъ по кладбищу, часто садясь на заднія лапы и оглашая окрестность жалобнымъ воемъ; но эти бѣдныя животныя нашли себѣ добрыхъ покровителей въ лицѣ японцевъ.

Смотря на городъ, трудно было повѣрить, что онъ такъ недавно перешелъ въ руки другихъ владѣльцевъ: вездѣ поддерживался образцовый порядокъ и нѣкоторые купцы торговали очень бойко. Нигдѣ не было ни буйствъ, ни грабежей; дѣти ходили въ школу и женщины гуляли по улицамъ въ полнѣйшей безопасности. На извозчичьихъ биржахъ стояло много дрожекъ, но само собою разумѣется, что особенными преимуществами при наймѣ пользовались военные. Было издано распоряженіе, запрещавшее нанимать дрожки долѣе, чѣмъ на три часа; эта мѣра была необходимой предосторожностью въ виду того, что правительству могло вдругъ внезапно понадобиться большое число лошадей, которыя при такомъ порядкѣ вещей могли быть собраны черезъ очень короткое время.

Кучеромъ нанятыхъ нами дрожекъ былъ красивый молодой русскій, очень веселый шутникъ; онъ сразу погналъ лошадей со скоростью десяти миль въ часъ, при чемъ покрикивалъ не только на каждаго встрѣчнаго, но и на все попадавшееся ему по дорогѣ. На

встрѣчу къ намъ шелъ полкъ солдатъ, и я вполнѣ естественно предположилъ, что нашъ крикунъ извозчикъ дастъ имъ пройти, немного свернувъ съ дороги. Этого однако же не случилось! Онъ продолжалъ свои громкіе возгласы, и весь полкъ сдѣлалъ полъ-оборота, чтобы уступить намъ дорогу. Я нарочно упоминаю объ этомъ фактѣ для указанія на полнѣйшее отсутствіе чего-либо похожаго на высокомѣріе со стороны побѣдителей. Обыкновенно военная оккупація несетъ съ собой извѣстную дозу оффиціальнаго насилія, но эти образцовые солдаты сами добровольно стушовывались и становились на второй планъ, предоставляя первенствующую роль въ управленіи городомъ китайцамъ (?).

ГЛАВА XII.

Портъ-Артуръ. Поврежденія нанесенныя бомбардировкой. На затонувшихъ корабляхъ. Дѣйствіе навѣснаго огня. Посѣщеніе 203-метровой горы. Опустошеніе. Не похороненные мертвецы. Домъ Алексѣева. Снова на „Тайнанъ-Мару". Отъѣздъ въ Японію. Посѣщеніе адмирала Того. Разставаніе съ Японіей.

На слѣдующее утро мы всѣ поднялись въ семь часовъ. Ваннъ не было, но въ залѣ—или вѣрнѣе въ кухнѣ, наши вѣстовые приготовили намъ большіе тазы съ горячей водой. Когда мы съ Яманаши начали разсуждать послѣ завтрака о нашихъ намѣреніяхъ на этотъ день, главный инженеръ-механикъ очень любезно предоставилъ въ наше распоряженіе одинъ изъ захваченныхъ у русскихъ паровыхъ катеровъ для болѣе удобнаго осмотра броненосцевъ.

Прежде всего мы побывали на „Палладѣ", затонувшей на другой сторонѣ внутренней гавани, какъ разъ напротивъ дома командира порта.

Войдя туда, мы увидѣли, что русскіе пытались ее зажечь, такъ какъ на ней ясно сохранились слѣды пожара. Лежавшіе на палубѣ угольные мѣшки, уголь, старые тросы, прикрытые листовымъ желѣзомъ, оказались совершенно безполезными для защиты палубы отъ японскихъ снарядовъ, одинъ изъ которыхъ пробилъ всю эту нагроможденную рухлядь также легко,

какъ листъ писчей бумаги. Весь находившійся на палубѣ горючій матеріалъ былъ насквозь пропитанъ масломъ: деревянныя части совершенно сгорѣли, а нижняя желѣзная палуба такъ изогнулась отъ дѣйствія огня, что заклепки торчали во всѣ стороны; мы поминутно спотыкались на нихъ и это очень

Палуба „Пересвѣта“ прикрытая мѣшками съ углемъ.

Прикрытіе палубы пескомъ. На заднемъ планѣ видѣнъ Портъ-Артуръ.

затрудняло осмотръ судна. Надводная его часть была сильно повреждена; дно между тѣмъ, повидимому, осталось цѣлымъ.

На „Пересвѣтъ“ мы поднялись съ нѣкоторымъ затрудненіемъ по очень слабо укрѣпленному парадному трапу, поручни котораго были совершенно уничтожены. Палуба представляла картину разгрома и разрушенія; также, какъ и на „Палладѣ“, все находившееся здѣсь было пропитано масломъ и зажжено. Передняя башня, или барбетъ была полуразрушена;

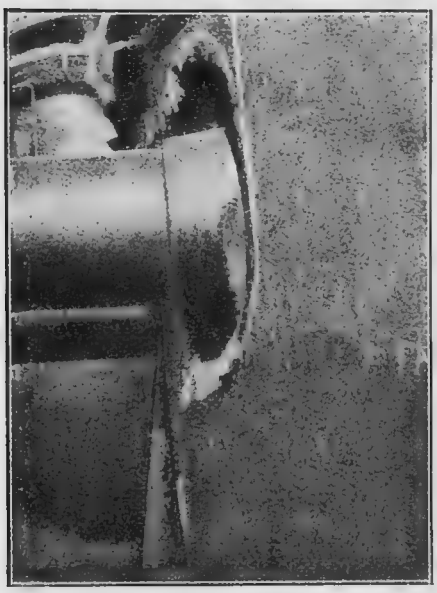
орудія и станки разбиты въ дребезги, хотя казалось, что орудія еще возможно исправить. Снарядъ сбилъ на половину верхнюю часть барбета и на палубѣ лежала одна изъ его тяжелыхъ верхнихъ плитъ; остальная часть башни вся расшаталась и представляла сходство съ лопнувшимъ гранатовымъ яблокомъ. Мостикъ былъ уничтоженъ; попавшій въ боевую рубку японскій снарядъ привелъ ее въ полную негодность и кромѣ того при взрывѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробилъ палубу. Все закоптѣло и искривилось отъ дѣйствія пожара; желѣзныя части, находившіяся по близости, были разрѣзаны на куски, похожіе на лохмотья марселя, сорваннаго вѣтромъ съ ликъ-тросовъ *). Огонь докончилъ разрушеніе всѣхъ частей, уцѣлѣвшихъ отъ дѣйствія японскихъ снарядовъ; стоя на мостикѣ, одинъ изъ нашихъ матросовъ случайно замѣтилъ еще тлѣвшій въ одномъ мѣстѣ огонь. Сильно пострадали также и дымовыя трубы: одна изъ нихъ имѣла видъ безобразной груды изогнутаго желѣза. Задній мостикъ находился почти въ такомъ же состояніи разрушенія, какъ и передній, хотя свирѣпствовавшій на суднѣ пожаръ сгладилъ много слѣдовъ поврежденій, нанесенныхъ японскими снарядами. Дно корабля было цѣло, но поврежденія въ машинномъ отдѣленіи оставались пока еще тайной, обнаружить которую можно было только выкачавъ оттуда всю воду.

„Ретвизанъ“ получилъ почти такія же поврежденія: верхушки барбетовъ были совершенно сбиты, а станки орудій разбиты въ дребезги. Взобравшись

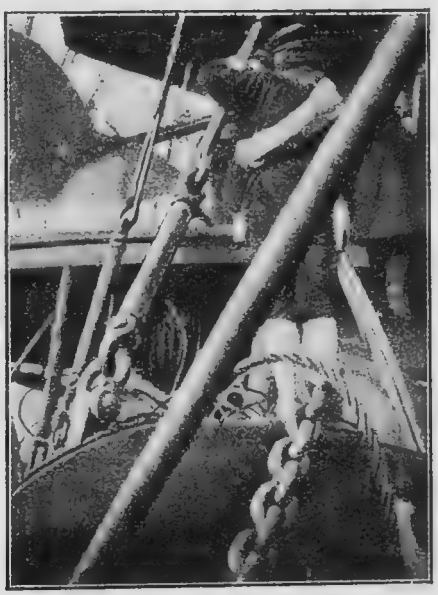
---

*) Марсель—парусъ. Ликъ-тросъ—веревка, которой обшитъ парусъ со всѣхъ сторонъ для крѣпости. *Ред.*

на вершину разрушенной башни и ежеминутно рискуя сломать себѣ шею, мы обошли ее кругомъ, чтобы основательно заглянуть въ этотъ источникъ опустошенія. Мостики здѣсь хотя были менѣе повреждены чѣмъ на „Пересвѣтѣ“, но все-таки были разрушены и обуглены.



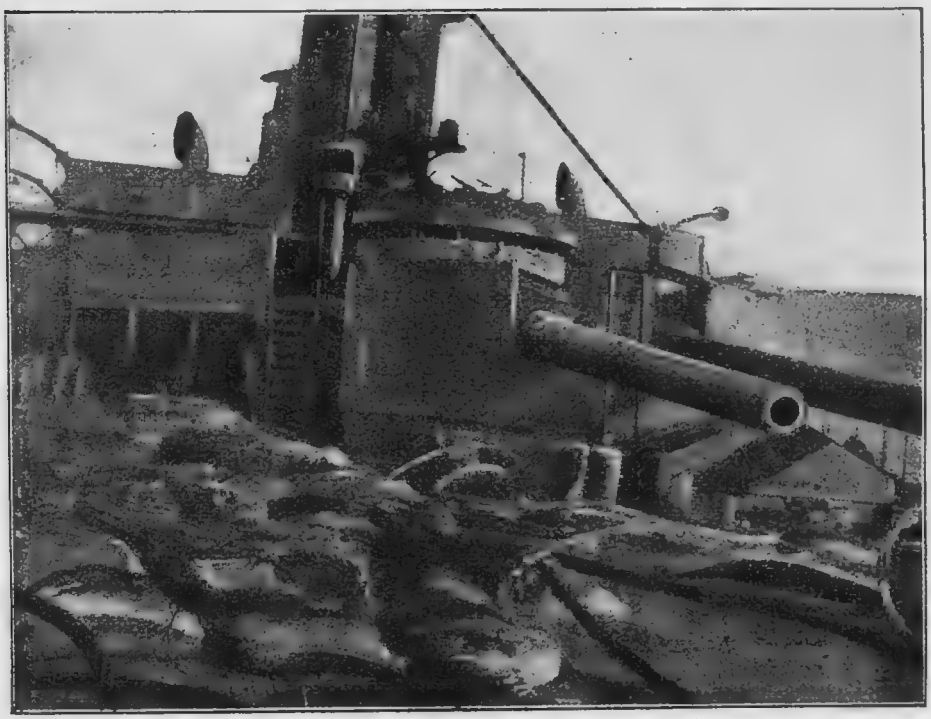
Башня „Полтавы“.



На разрушенной „Полтавѣ“.

Судьба русскихъ кораблей является неоспоримымъ доказательствомъ ошибочности примѣненія дерева при постройкѣ военныхъ судовъ—въ случаѣ отсутствія деревянныхъ частей поврежденія были бы сравнительно незначительны. Высокій приливъ помѣшалъ спуститься внизъ; пришлось ограничиться тѣмъ, что я только заглянулъ въ открытый люкъ. На палубѣ около него валялась цѣлая коллекція уцѣлѣвшихъ отъ пожара разнообразныхъ вещей: здѣсь были цѣнные и полезные документы, карты, романы, журналы, газеты, платье, бѣлье, головныя

щетки, гребенки, мыло, полотенца и разная мебель. Подобный безпорядокъ служитъ, повидимому, доказательствомъ того факта, что рѣшеніе покинуть суда было принято совершенно внезапно и одновременно объясняетъ, почему приготовленія, сдѣланныя для преданія корабля огню, были выполнены такъ то-



Верхняя палуба „Полтавы“, защищенная мѣшками съ углемъ.

ропливо и, слѣдовательно, ошибочно. Осмотрѣвъ всѣ броненосцы, я пришелъ къ заключенію, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ вполнѣ возможно поднять.

„Полтава“ имѣла большую пробоину въ подводной части; это было единственнымъ поврежденіемъ, которое могъ найти водолазъ. Верхняя ея палуба представляла такую же картину опустошенія, какъ и на предыдущихъ корабляхъ. Окраска надводной

части у всѣхъ судовъ имѣла блестящій видъ, потому что кипящее масло, скатываясь внизъ до поверхности воды, сгладило всѣ неровности.

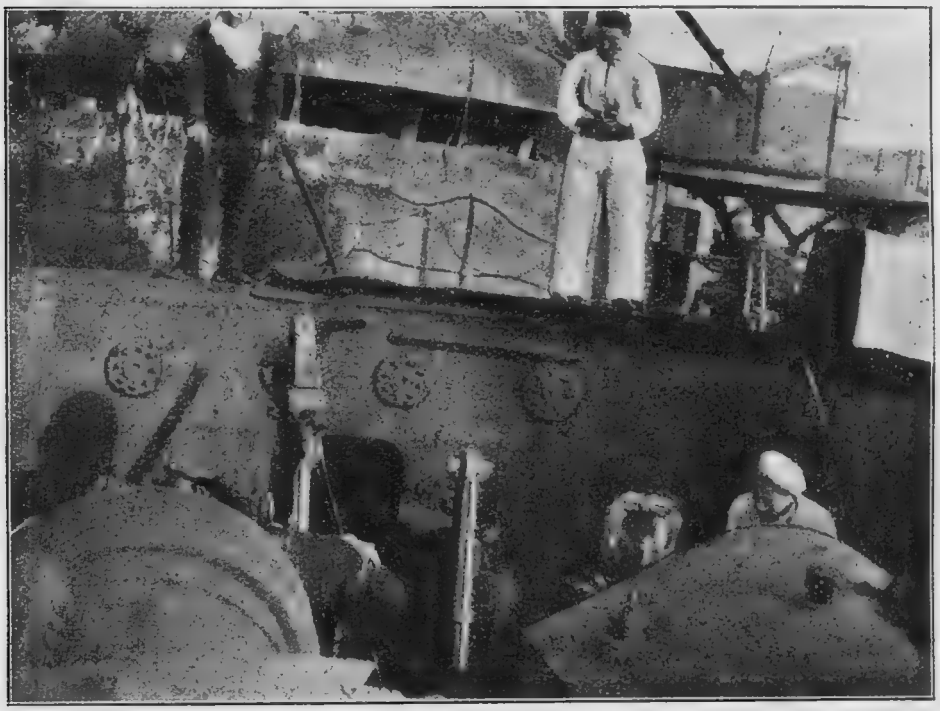
Мы направились ко входу въ гавань посмотрѣть на японскіе брандеры. Если стать лицомъ къ морю, то по лѣвой сторонѣ, подъ самыми батареями Золотой горы, лежали два японскихъ судна, затопленныя при первой попыткѣ закупорить гавань; ближайшій изъ нихъ, заржавленный, занесенный тиной и водорослями послѣ годичнаго лежанья на днѣ моря, находился подъ командой доблестнаго Хирози. Къ концу осады русскіе затопили еще нѣсколько судовъ съ правой стороны входа въ гавань; возвышавшіяся надъ водой ихъ трубы и верхушки мачтъ имѣли видъ изсохшихъ остатковъ первобытнаго лѣса. Онѣ чрезвычайно затрудняли движеніе: фарватеръ для входа во внутренній бассейнъ былъ такъ узокъ, что по нему могло проходить только одно судно, со времени японской оккупаціи ежедневно привозившее съѣстные припасы изъ Дальняго.

Возвратившись на пристань, мы застали тамъ медицинскій персоналъ Краснаго Креста, который помогалъ больнымъ и раненымъ русскимъ солдатамъ, привезеннымъ изъ госпиталей, расположенныхъ на островѣ Манджусанѣ. Нѣжная заботливость, съ которой японцы поддерживали своихъ раненыхъ непріятелей, помогая имъ дойти отъ ступеней пристани до носилокъ, было очень трогательнымъ, не легко забывающимся зрѣлищемъ.

Прогулка, сдѣланная вокругъ адмиралтейства, показала намъ, что здѣсь строенія пострадали весьма значительно: одинъ большой снарядъ причинилъ почти такое же разрушеніе, какъ бы взрывъ мины.

Хотя машины были испорчены, но большинство изъ нихъ несомнѣнно можно было исправить.

Въ сухомъ докѣ на боку лежалъ минный транспортъ „Амуръ“, подобно безпомощному киту; снаряды изрѣшетили весь его корпусъ; трубы и мачты



Внутренность башни на русскомъ броненосцѣ. Крышка башни сорвана миной, взорванной русскими.

упирались въ стѣну дока. Но самыя большія поврежденія находились при входѣ, гдѣ мины или динамитъ уничтожили даже признаки существованія ботапорта (ворота дока) и совершенно разрушили отливныя приспособленія. Однако, сдѣланный японцами новый ботапортъ для дока былъ уже готовъ къ спуску. Русскіе затопили въ бассейнѣ два или три парохода и нѣсколько другихъ судовъ, но около

двадцати небольшихъ пароходиковъ, начиная отъ катеровъ до буксирныхъ, въ томъ числѣ одинъ хорошій пароходъ, вмѣстимостью въ 400 тоннъ (вѣроятно тотъ, который дѣлалъ рейсы въ Чифу) были въ прекрасномъ состояніи, такъ что большинство изъ нихъ японцы уже пустили въ дѣло.

Вдали слышалась музыка военныхъ оркестровъ, такъ какъ въ этотъ день генералъ Ихиджи принималъ городъ, какъ генералъ-губернаторъ Ляотунга, и я на дрожкахъ поѣхалъ на площадь смотрѣть происходившую церемонію.

На слѣдующее утро былъ туманъ, немного разсѣявшійся къ полудню; ѣхать на паровомъ катерѣ было нельзя и я отправился осматривать „Побѣду“ на нанятой джонкѣ. Видъ этого броненосца, пострадавшаго больше другихъ, вызывалъ сожалѣніе. Всѣ его 6-дюймовыя орудія очевидно были разрушены самими русскими. Дула пушекъ были сбиты, башни были безъ крышъ и ясно была замѣтна сдѣланная попытка разрушить барбетъ, хотя она осталась безъ результатовъ. Русскіе употребили для этого пироксилинъ, оставившій незначительныя царапины на дулахъ орудій, но большая часть взрывчатаго матеріала вывалилась и лежала разбросанной на палубѣ. Орудія, выдержавшія подобную пробу, были, должно быть, очень высокаго качества. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, главное разрушительное дѣйствіе произвелъ огонь. Согнувшаяся гротъ-мачта висѣла прямо надъ водой, ея большой боевой марсъ былъ очевидно поврежденъ японскими снарядами. Приливъ окончился и представилась возможность спуститься внизъ, хотя было очень трудно идти по доскамъ, пропитаннымъ масломъ и накло-

неннымъ подъ угломъ въ 25 градусовъ. Смотря на столбы яркаго солнечнаго свѣта, лившагося въ пробитыя отверстія, легко было прослѣдить полетъ попавшихъ въ броненосецъ снарядовъ. Одинъ 11-дюймовый снарядъ, должно быть, не взорвался въ самомъ кораблѣ,

Обломокъ стрѣлы для подъема тяжестей на одномъ изъ русскихъ броненосцевъ въ Портъ-Артурѣ.
Изображенные на фотографіи болты—это все, что осталось отъ деревянной палубы, которая совершенно выгорѣла.

а только пробилъ его навылетъ, хотя повсюду было разбросано множество осколковъ. Большею частью снаряды сыпались сверху, пробивая насквозь обѣ палубы и, по всей вѣроятности, также и дно. Надъ машиннымъ отдѣленіемъ были натянуты предохранительныя минныя сѣти, но ни одинъ снарядъ сюда не попалъ, и было невозможно провѣрить, насколько

дѣйствительна такая мѣра предосторожности. Желѣзныя части надъ люками были исцарапаны и изломаны, а громадный мѣдный котелъ, вмѣстимостью около ста галлоновъ чая, былъ пробитъ насквозь. На палубѣ безпорядочными грудами валялись бумаги, матросскіе мѣшки, набитые разными вещами, платье, койки, простыни,—все залитое масломъ. Насколько я могъ замѣтить, броня была не разрушена и такъ какъ суда обстрѣливались такъ называемымъ навѣснымъ огнемъ, то было маловѣроятно, чтобы снаряды могли попасть въ бока корабля. Наложенныя вокругъ кожуховъ дымовыхъ трубъ громадныя кучи бревенъ и брусьевъ, толщиной около пяти футъ, были пробиты снарядами насквозь. Пострадали переборки и одинъ выстрѣлъ сбилъ тяжелую стрѣлу для подъема тяжестей.

Зрѣлище, видѣнное мною на „Побѣдѣ“, утвердило меня въ томъ мнѣніи, что ни одинъ броненосецъ не можетъ безнаказанно подойти къ гавани, окруженной возвышенностями. Я думаю, что при обстрѣлѣ навѣснымъ огнемъ снаряды могутъ пробить даже бронированную палубу, если бы таковая существовала (?). Было бы очень интересно и поучительно произвести опытъ, испытавъ посредствомъ навѣснаго огня крѣпко придѣланныя къ палубѣ броневыя плиты.

Съ „Побѣды“ мы отправились вновь на „Палладу“, лежавшую носомъ ко входу въ гавань, почти на прямой линіи съ двумя бѣлыми знаками на холмѣ. Русскіе цѣнили по достоинству безумную отвагу японскихъ минныхъ офицеровъ,—это доказывала поставленная передъ „Палладой“ противуминная сѣть. Не думаю, чтобы японскій главнокомандующій позво-

лилъ какому-нибудь изъ своихъ миноносцевъ такъ рисковать, бросаясь прямо на мины, боны и скорострѣльныя орудія съ цѣлью взорвать корабль, стоящій на внутреннемъ рейдѣ, но я глубоко убѣжденъ, что ни одинъ изъ командировъ миноносцевъ ни на минуту не задумался бы исполнить отданное ему подобное приказаніе. Русскіе, должно быть, вполнѣ раздѣляли мое мнѣніе. Сѣть поддерживалась двумя большими бревнами въ опредѣленномъ разстояніи отъ корабля; концы сѣти были подобраны на манеръ занавѣсокъ. Поврежденія „Паллады“ были однородны съ остальными кораблями; снасти ея висѣли бухтами и вся скорострѣльная артиллерія была снята. Съ лѣвой стороны задняго мостика послѣднее скорострѣльное орудіе вѣроятно снимали во время отчаянной суматохи, потому что на этомъ мѣстѣ остался забытый открытый ящикъ рабочихъ ручныхъ инструментовъ; нѣкоторые изъ нихъ даже валялись на мѣткѣ, оставленной на деревѣ стоявшимъ здѣсь орудіемъ. Около кормовой части съ цѣлью поврежденія вала и рулевого привода, повидимому, была взорвана мина, которая произвела сильнѣйшее опустошеніе какъ разъ рядомъ съ капитанской каютой; сила взрыва, направленная вверхъ, сдѣлала пробоину, въ которую легко могъ проѣхать джинирикша. Капитанская каюта была сильно попорчена: вмѣсто бѣлья и красивыхъ мундировъ тамъ висѣли одни лохмотья. Садясь въ джонку, я обратилъ вниманіе на то, что снарядъ перебилъ на „Побѣдѣ“ якорь.

Между тѣмъ погода совершенно прояснилась. Рѣшивъ посѣтить 203-метровую гору, мы наняли веселаго, смышленаго съ вида, молодого китайца для того, чтобы онъ несъ наши пальто; вѣстового на-

грузили водой и провизіей и двинулись въ путь черезъ новый городъ до главной дороги, которая привела насъ на вершину одной изъ укрѣпленныхъ возвышенностей. Оттуда мы пошли прямо по направленію горы, оставившей по себѣ такую трагическую память, но двигаться пришлось сравнительно очень медленно, такъ какъ дорога шла черезъ проволочныя загражденія и стрѣлковые окопы. Въ часъ пополудни мы расположились у подножія холма для завтрака, состоявшаго изъ походныхъ сухарей и банки пикулей; все это мы запили принесеннымъ съ собой холоднымъ чаемъ.

На вершинѣ горы бродили группы солдатъ и цѣлыя вереницы кули; мы легко могли догадаться, почему они тамъ находятся. Гора эта стоила Японіи двадцати тысячъ человѣкъ, и потери съ русской стороны были почти одинаково тяжелыми. Съ сосѣдней, болѣе низкой, возвышенности по временамъ поднимались темные, густые клубы дыма. Яманаши сказалъ мнѣ: „Тамъ сжигаютъ мертвыхъ“.

Вершина 203-метровой горы слегка похожа на сѣдловину; на болѣе высокомъ горбѣ ярко блестѣлъ на солнцѣ какой-то памятникъ. Мы поднялись по военной тропинкѣ, которую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ помощью мѣшковъ съ пескомъ, сдѣлали болѣе удобной для ходьбы. Мимо насъ прошло нѣсколько вьючныхъ лошадей въ сопровожденіи кучки солдатъ и мы остановились отдать честь, когда они поровнялись съ нами. Неподалеку стоялъ похожій на корыто, длинный открытый ящикъ, въ которомъ вѣчнымъ непробуднымъ сномъ спалъ солдатъ съ лицомъ, обращеннымъ къ небу.

Скаты горы были изрыты ямами и изорваны взры-

вами снарядовъ, точно здѣсь приготовляли почву для посадки молодыхъ деревьевъ. На самомъ гребнѣ и съ лѣвой стороны 203-метровая гора поднимается еще выше. Каждый дюймъ ея поверхности былъ вспаханъ снарядами; на склонахъ вездѣ виднѣлись слѣды позицій и орудійныхъ основаній. Воспоминаніе о происходившей здѣсь трагической драмѣ наполняло душу глубокимъ ужасомъ. Скалы были измолоты въ порошокъ и вся вершина представляла изъ себя буквально огромную насыпь мелкой рыхлой земли, какъ бы струившейся отъ движенія воздуха. Поднятая легкимъ вѣтеркомъ пыль была такъ тонка, что долго продолжала висѣть въ воздухѣ. На поверхности лежали густымъ слоемъ осколки японскихъ снарядовъ и вездѣ валялись лохмотья одежды, обломки дерева и скалъ.

Погребеніе японскихъ солдатъ на 203-хъ метровой горѣ.

На этой сторонѣ укрѣпленія едва можно было опредѣлить расположеніе траншей, наполненныхъ до самыхъ краевъ тѣлами русскихъ, изуродованныхъ дѣйствіемъ огня до неузнаваемости. Болѣе ужаснаго зрѣлища мнѣ не случалось видѣть во всю свою жизнь! Хотя я присутствовалъ на многихъ поляхъ сраженій, но никогда не могъ даже допустить возможности чего-нибудь подобнаго этой нечеловѣче-

ской бойнѣ на 203-метровой горѣ. Многіе изъ этихъ несчастныхъ людей, тѣла которыхъ наполняли эти адскія траншеи, были застигнуты смертью съ ужасающей внезапностью. Въ одномъ мѣстѣ я увидѣлъ обнаженныя ноги и часть желудка человѣка, оставшіяся въ томъ же скорченномъ положеніи, въ которомъ его застала смерть, между тѣмъ, какъ далеко внизъ по склону горы лежала другая половина тѣла, точно связанная съ первой вырванными кишками. Холмъ былъ усѣянъ остатками человѣческихъ тѣлъ и отовсюду, изъ всѣхъ этихъ ужасныхъ грудъ труповъ, на насъ смотрѣли слѣпые глаза и обожженныя лица, искривленныя страшной предсмертной судорогой.

Могила на 203 метровой горѣ. Лейтенантъ Ямаваши отдаетъ честь усопшему.

Памятникъ представляетъ изъ себя просто четыреугольный деревянный столбъ, окрашенный въ бѣлую краску и поставленный на основаніе изъ мѣшковъ съ пескомъ: на немъ были написаны имена героевъ, падшихъ въ ожесточенномъ сраженіи. Хотя прошло уже три недѣли со времени этой ужасной бойни, но люди, собиравшіе трупы, ни на минуту не прекращали своего занятія и похоронные огни продолжали все время горѣть. Русскіе мертвецы оставались тамъ, гдѣ они пали, за неимѣніемъ времени выкопать для нихъ могилы. Въ

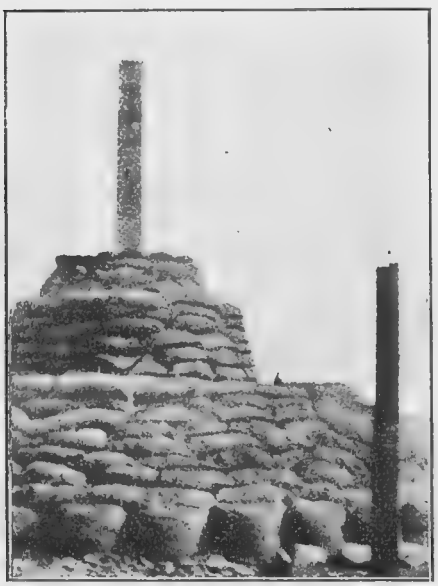
двухъ отношеніяхъ поле битвы было менѣе ужаснымъ, чѣмъ этого можно было ожидать, принявъ во вниманіе такое огромное количество не погребенныхъ мертвецовъ: на трупахъ не сидѣли цѣлые рои мухъ, поднимавшихся съ приближеніемъ человѣка и не ощущалось отвратительнаго запаха разложенія; холодный разрѣженный сѣверный воздухъ былъ причиной отсутствія этихъ дополнительныхъ ужасовъ.

Проволочныя загражденія.

У нашихъ ногъ разстилалась чудная панорама Портъ-Артура и его залива, и я всю жизнь буду помнить эту картину съ ея ужаснымъ переднимъ планомъ. Когда мы собрались уходить, къ намъ подошелъ одинъ японскій солдатъ, немного говорившій по англійски и, принимая меня, вѣроятно, за русскаго, указалъ на одного мертваго солдата, спросивъ сочувственнымъ тономъ: „Это былъ вашъ дорогой другъ?“

Спускаясь внизъ, намъ попадались на встрѣчу русскіе и японцы, шедшіе вмѣстѣ совершенно дружелюбно. Отдѣльныя группы солдатъ хлопотливо зажигали костры вдоль всей береговой линіи, собирая всевозможные остатки, могущіе занести заразу, а фуры, предназначенныя для уборки труповъ, усердно перевозили свой грузъ мертвыхъ тѣлъ, завернутыхъ въ саваны и положенныхъ въ корытообразные ящики.

Не было никакой возможности ошибиться. смотря на угловатыя движенія прикрытыхъ бѣлыми покровами окоченѣвшихъ тѣлъ, лежавшихъ на повозкахъ, которыя гремѣли по неровной дорогѣ. У подножія холма намъ удалось нанять дрожки, такъ что всю остальную часть дороги мы ѣхали.



Временной памятникъ взятія 203-метровой горы.

Я осмотрѣлъ домъ Алексѣева,—изящную постройку, выходившую къ адмиралтейству. Черезъ два или три большихъ пролома въ высокой стѣнѣ прямо съ дороги можно было видѣть прекрасный садъ. Хорошо вымощенная дорога ведетъ прямо отъ адмиралтейства къ главнымъ воротамъ дома, который расположенъ въ глубинѣ и представляетъ красивое двухъэтажное зданіе съ верандами. Въ окна вставлены двойныя рамы, а отъ лучей лѣтняго солнца комнаты защищены жалюзи.

Садъ разбитъ красиво и засаженъ прекрасными деревьями и кустарниками; онъ живо напомнилъ мнѣ сады первоклассныхъ нѣмецкихъ гостинницъ. Большая часть мебели была сложена на балконѣ. Мы вошли съ бокового входа черезъ кухню, — очень удобное, большое помѣщеніе, изъ котораго велъ коридоръ въ главныя сѣни. Оттуда мы поднялись во второй этажъ по спиральной лѣстницѣ съ очень красивыми

перилами. Первая комната, въ которую мы вошли, была столовая; на великолѣпномъ буфетѣ еще стояло нѣсколько стакановъ, подносъ и рюмки для ликеровъ. Одну сторону комнаты занимали два красивыхъ экрана: одинъ былъ украшенъ массивными золотыми драконами на черномъ фонѣ, другой—золотыми цвѣтами и птицами. Смежная со столовой комната была тоже прекрасно меблирована; здѣсь стояли шелковые экраны яркихъ цвѣтовъ, украшенные хризантемами и птицами, несомнѣнно исполненные искуснѣйшими художниками Востока. Выдающейся по роскоши вещью, для осмотра которой не жаль было бы затратить на проѣздъ цѣлый день, былъ замѣчательно красивый столъ зеленаго полированнаго нефрита, предназначавшійся, повидимому, для письменныхъ занятій.

Наступалъ вечеръ; мы отправились домой и сразу легли спать, измучавшись послѣ тяжелаго дня.

— Завтра... — началъ соннымъ голосомъ Ямаваши.

— Пусть завтра наступитъ, — отвѣтилъ я и тотчасъ заснулъ.

Ближайшая станція желѣзной дороги находилась въ семнадцати миляхъ отъ Портъ-Артура и оттуда ежедневно шли только два поѣзда,—одинъ въ 1 часъ 30 минутъ дня, другой въ 8 часовъ вечера. Нашъ вѣстовой сказалъ намъ въ 9 часовъ утра, что ему ни за какія деньги не удалось найти свободныхъ дрожекъ, такъ что для перевозки багажа мы должны были нанять двухъ кули и одного джинирикшу. Бросивъ послѣдній взглядъ на затонувшіе русскіе броненосцы, мы простились съ нашими хозяевами и отправились въ обратный путь.

Переходъ почти въ двадцать пять миль казался не очень труднымъ на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ; мы пошли быстрымъ шагомъ, рѣшивъ осмотрѣть еще нѣсколько фортовъ, расположенныхъ по дорогѣ на станцію. Однако, проходя по базарной площади, мы увидѣли два экипажа, стоявшіе въ ожиданіи сѣдоковъ. Подойдя къ одному изъ нихъ, я указалъ кучеру на дорогу въ Дальній, виднѣвшуюся изъ-за укрѣпленій. Видя, что онъ меня понялъ и утвердительно кивнулъ головой въ знакъ согласія, мы съ удовольствіемъ сѣли на дрожки и уѣхали изъ Портъ-Артура на двухъ великолѣпныхъ лошадяхъ, быстрыхъ и свѣжихъ, которыя обгоняли всѣхъ, ѣхавшихъ съ нами по одному направленію. Въ однихъ, оставленныхъ сзади дрожкахъ, сидѣлъ раненый русскій офицеръ съ женой и маленькой черной таксой, выражавшей свое удовольствіе неистовымъ лаемъ; вѣроятно, она очень радовалась тому, что еще не успѣла попасть въ супъ. По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько полковъ солдатъ, много китайскихъ нищихъ, и цѣлые обозы маленькихъ японскихъ телѣжекъ для перевозки тяжестей.

Отправка орудій въ Харбинъ (?).

Часа черезъ два по выѣздѣ изъ города мы увидѣли облако бѣлаго пара на отдаленномъ гребнѣ горъ,—знакъ того, что на станцію пришелъ поѣздъ;

вскорѣ мы и сами добрались туда. На станціи всѣ суетились и хлопотали, находясь въ очень возбужденномъ состояніи: на сѣверъ въ армію отправляли орудія и съѣстные припасы и, кромѣ того, много было пассажировъ и въ Дальній. Намъ отвели багажную платформу, куда мы всѣ тѣсно набились и такимъ образомъ доѣхали до Дальняго. Тамъ я сразу отправился на свой милый крейсеръ „Тайнанъ-Мару“, перейдя къ нему по льду. Во время моего отсутствія тамъ произошло нѣсколько перемѣнъ: ревизоръ и двое или трое изъ моихъ друзей были произведены и назначены на другіе корабли.

2-го февраля мы получили приказаніе къ отплытію; мѣстомъ нашего назначенія былъ Куре и намъ очень улыбалась перспектива скоро попасть въ болѣе теплый климатъ Внутренняго моря. Мое пріятное пребываніе на японскихъ военныхъ корабляхъ приближалось къ концу.

Когда мы проходили Орудійнымъ проливомъ, — первымъ рандеву Того, — ледъ оттаялъ съ боковъ корабля, а придя въ Куре 7-го февраля, намъ было сравнительно жарко.

Я остался на кораблѣ и черезъ два дня въ моемъ присутствіи японскій Нельсонъ входилъ на свое флагманское судно съ цѣлью идти на югъ для встрѣчи балтійской эскадры.

12-ое февраля—общественный праздникъ Японіи,— день рожденія перваго императора Ниппона, увидѣвшаго свѣтъ 2500 лѣтъ тому назадъ. Въ этотъ день я отправился на броненосецъ „Миказа“, чтобы посѣтить адмирала Того. Онъ принялъ меня въ своей каютѣ и послѣ долгаго разговора поручилъ показать мнѣ всѣ поврежденія, полученныя его броне-

носцемъ. Лазаретное помѣщеніе было пробито крупнымъ снарядомъ, хотя безъ особеннаго вреда; на палубѣ взорвался другой снарядъ, повредившій одинъ изъ казематовъ и попортившій гротъ—мачту: онъ расщепилъ ее такимъ образомъ, что двѣ трети ея толщины были отломаны и осталась очень тонкая часть, поддерживавшая эту громадную тяжесть.

Въ скоромъ времени я получилъ приказаніе возвратиться въ Токіо. Капитанъ Такахаши съ женой и сыномъ и всѣ свободные офицеры проводили меня на адмиралтейскомъ катерѣ до небольшого парохода, на которомъ я долженъ былъ уѣхать такъ далеко и быть можетъ навсегда отъ моихъ дорогихъ японскихъ друзей. Я оставался на палубѣ парохода, пока катеръ съ группой моихъ лучшихъ, вѣрнѣйшихъ друзей, посылавшихъ мнѣ свой прощальный привѣтъ, совершенно не скрылся изъ вида. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я уже находился на пути въ Англію.

Въ то время, когда я приготовлялъ для печати отчетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ пребыванія въ японскомъ флотѣ, до Англіи долетѣло извѣстіе о подавляющемъ торжествѣ этого самаго флота въ его послѣдней встрѣчѣ съ русскими судами,—торжествѣ, дополнившемъ и достойно увѣнчавшемъ трудное и доблестное дѣло, которое на моихъ глазахъ исполняли подъ Портъ-Артуромъ храбрые японскіе моряки. Эта великая побѣда превращаетъ Японское море въ простой ровъ подъ стѣнами Токіо; теперь, подъ покровительствомъ флага Восходящаго Солнца, торговыя суда всѣхъ націй будутъ бороздить

съ полной безопасностью поверхность этихъ восточныхъ морей. Новыя гавани широко распахнутся для міровой торговли, и территоріи. населеніе которыхъ было подавлено тяжестью русской оккупаціи, перейдя подъ благодѣтельное господство Японіи, насладятся сіяющимъ надъ ними свѣтомъ цивилизаціи, мира и благоденствія. Банзай!

Уроки войны.

Морскія сраженія настоящаго времени, также, какъ и прошедшаго, и по всей вѣроятности, и ближайшаго будущаго, будутъ рѣшаться исключительно артиллерійскимъ огнемъ. Всѣ японскія орудія были изготовлены исключительно на заводахъ Армстронга и за все время войны не встрѣтилось ни одного донесенія съ жалобой на ихъ недостатки. Между тѣмъ, какое тяжелое впечатлѣніе производятъ часто появляющіяся статьи нашихъ ежедневныхъ изданій, которыя разбираютъ *„недостатки“* нашихъ орудій! Слѣдуетъ порицать только *„систему“*, — но и этого не должно быть, имѣя въ Великобританіи фирмы такой всемірной извѣстности, какъ Эльсвикъ въ Ньюкестлѣ на Тайнѣ.

Несомнѣнно, что великобританскій флотъ и армія должны снабжаться самыми лучшими, безукоризненными артиллерійскими орудіями. Основываясь на видѣнномъ мною и на „слышанномъ отъ многихъ японскихъ офицеровъ“, эльсвикскія орудія—первыя въ мірѣ и они вполнѣ поддержали свою громкую славу, выдержавъ наиболѣе тяжелое испытаніе въ свѣтѣ—*дѣйствительную боевую службу*. Выслушавъ эти отзывы, подтвержденные собственнымъ наглядным опытомъ, я утверждаю безъ малѣйшаго колебанія, что

вся англійская артиллерія флота и арміи должна быть замѣнена новой.

По этому предмету я могу высказать вполнѣ ясное сужденіе, потому что въ теченіе семи мѣсяцевъ я непрерывно слѣдилъ за дѣйствіемъ этихъ орудій, послѣдовательно перебывавъ за этотъ промежутокъ времени на корабляхъ почти всѣхъ типовъ.

Для меня уже пробилъ часъ осужденія большихъ броненосцевъ: въ будущемъ ихъ мѣсто исключительно въ океанѣ. Самымъ жгучимъ вопросомъ ближайшаго времени явится согласованная съ новѣйшими требованіями защита береговъ. При такомъ положеніи дѣла хорошо защищенныя узкія воды будутъ опаснымъ мѣстомъ для большихъ судовъ: мины загражденія и самодвижущіяся и подводныя лодки удержатъ ихъ на большомъ разстояніи отъ берега. Такимъ образомъ даже и въ битвахъ на поверхности океановъ исторія повторяется и вскорѣ на горизонтѣ займется заря эры постройки мелкихъ судовъ.

Алфавитный указатель.

А.

Абе, лейтенантъ—269.
Австралія—124.
Адаши, лейтенантъ—245.
Аихара, лейтенантъ—101, 259.
Акаги, канонерская лодка — 96, 267.
Алексѣевъ, адмиралъ — 163, 297, 312.
Америка—120.
Амуръ, транспортъ—303.
Англія—124, 126.
Антунгъ—56.
Аракава, капитанъ-лейтенантъ — 245.
Арима, адмиралъ—11.
Армстронгъ, кораблестроитель— 1, 318.
Аскольдъ, крейсеръ—133.
Ашами (Асахи), броненосецъ—61.

Б.

Балнъ, кардиналъ—290.
Баянъ, крейсеръ—293.
Блондъ, острова—61, 85.
Бойль, капитанъ 1-го ранга—4, 5.
Бэнтри, бухта—136.

В.

Варягъ, крейсеръ—26, 31, 35.
Вей-ха-вей—42, 122, 156.
Великобританія — 124.
Владивостокъ—22, 56, 77, 99, 115, 168, 205.

Г.

Гималаи — 111.
Глазго—120.
Голубиная бухта—276.
Громобой, крейсеръ—77.

Д.

Дай-о-ношанъ, гора—91.
Дальній—14, 28, 60, 76, 83, 87, 88, 90, 91, 93, 94, 96, 97, 101, 109, 110, 119, 121, 124, 129, 133, 166, 167, 194, 195, 211, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 236, 238, 248, 255, 258, 262, 274, 302, 314, 315.
Двойного Дракона, фортъ — 176, 182, 243, 255, 289, 290, 291.
Джексонъ, капитанъ—29, 31.
Джерсей—209, 211.
Джинжей, пароходъ—250.
Джу-джу-си—20, 21.
Доброй Надежды, мысъ—111.

З.

Золотая гора — 136, 145, 294, 302.

И.

Иджуинъ, адмиралъ—11.
Идзуми, крейсеръ—86.

Икадзучи, истребитель—98.
Инуйе, адмиралъ—21, 34.
Инъ, принцъ—54, 55.
Ито, адмиралъ—11.
Итцукушима, крейсеръ—117.
Ихиджи, генералъ—304.
Ихинохи, генералъ—184, 281, 282, 286, 287.

I.

Іокогама—3, 5, 13, 64.
Іокогама-Мару, пароходъ—57.
Іокосуко, портъ—12, 13, 100.
Іонахара, капитанъ-лейтенантъ—168, 169, 170, 209, 226.
Іошитаро-Мори, капитанъ — 121, 122.

К.

Кабулъ—171.
Кагошима—99.
Камимура, адмиралъ—76, 192.
Кантонъ-Мару, пароходъ—230.
Капъ, островъ—193.
Касама, капитанъ 1-го ранга—245.
Кассуга, крейсеръ—169.
Катаока, адмиралъ—262.
Като, механикъ—250.
Кван-тан-шанъ, островъ—211.
Квантунъ-шанъ, островъ—90.
Кимоно-Мару, пароходъ—261, 274.
Кимура, капитанъ—228.
Кин-ту-генъ, ученый—48.
Ки-тзи, принцъ—48.
Кин-шан-тао, острова—255, 270.
Кинчоу, заливъ—248, 261, 263, 270.
Китайское море—80.
Кіао-чау, портъ—99.
Кіодо-Мару, пароходъ—46, 172.
Кію-ю-тонъ, городъ—109.
Коатанахи, инженеръ—246.
Кобе—15, 64, 65, 122.
Кобе-Мару, пароходъ—119, 120.
Койо-тау, острова—266, 267, 268, 269.
Корейскій архипелагъ—80.
Корейскій проливъ—32, 56, 76, 99.
Корея—23, 28, 29, 32, 37, 39, 47.
Корсаковская бухта—100.
Коте-Мару, пароходъ—90.
Кубо, лейтенантъ—259, 269.
Куре, портъ—17, 26, 315.
Курода, маркизъ—28, 49, 57.
Куропаткинъ, генералъ — 97, 98, 265.
Куропаткинъ, фортъ—183.
Ку-хе-шенгъ, городъ—56.

Л.

Лаоянъ, городъ—97, 264, 274.
Лаперузовъ проливъ—99.
Ліао-тань-шанъ, архипелагъ—268.
Лондонъ—126.
Ляотешанъ—134, 136, 140, 166, 168, 218, 220, 253, 254, 294.
Ляотунгъ, полуостровъ—304.

М.

Макаровъ, адмиралъ—2, 3.
Макдональдъ, посланникъ—8.
Манджурія—80, 219.
Манджусанъ, островъ—302.
Маншу-Мару, пароходъ — 10, 12, 13, 14, 15, 22, 27, 28, 29, 30, 44, 45, 49, 56, 57, 60, 61, 64, 85.
Масато, лейтенантъ—245.
Матсамура, лейтенантъ — 16, 61, 124, 155, 159, 160.
Матсуями, городъ—22.
Миказа, броненосецъ—16, 58, 61, 62, 64, 123, 128, 156, 157, 315.
Мимура, капитанъ—98.
Міангкоанъ, острова—81.
Міяджима, островъ—16, 22.
Міяки, лейтенантъ—140, 142, 143, 227.
Моджи, городъ—22.
Мозампо, бухта—76.
Мори, капитанъ—129, 130, 131.
Муйра, адмиралъ—76, 92.
Мукденъ—205, 227, 264.
Мураси, художникъ—43, 119.
Мэнъ, островъ—211.
Мэплъ, чайный домъ—16.

Н.

Нагасаки—60, 64, 155.
Наикао, капитанъ—230.

Накамура, докторъ—69.
Накехоре, лейтенантъ—247.
Нан-санъ, возвышенность — 93, 102.
Никко-Мару, пароходъ—119, 147, 155, 156, 158, 222.
Нико-шаи, мысъ—134.
Ниссинъ, крейсеръ—4, 169.
Ниши, генералъ—259, 261, 280, 281.
Новикъ, крейсеръ—76, 98, 99, 100.
Ноги, генералъ—60, 122, 161, 163, 202, 278, 279.
Ньюкестль на Тайнѣ—318.

О.

Одинкове, гавань—91.
Окишима, островъ—22, 23.
Окума, графъ—123, 124.
Оно, лейтенантъ—184.
Орошуна, островъ—23.
Орудійный проливъ—315.
Отважный, канонерская лодка—246.

П.

Паллада, крейсеръ—294, 297, 298, 306, 307.
Пересвѣтъ, броненосецъ — 226, 298, 300.
Петропавловскъ, броненосецъ—124.
Печилійскій заливъ—268.
Пиньянгъ, городъ—46, 47, 48, 49, 54.
Побѣда, броненосецъ — 202, 304, 306, 307.
Полтава, броненосецъ—226, 300, 301.
Портландъ—30.
Портсмутъ—126.
Портъ-Артуръ—10, 14, 17, 26, 29, 45, 49, 60, 61, 86, 87, 90, 92, 94, 97, 99, 103, 105, 113, 115, 117, 119, 121, 122, 123, 124, 132, 134, 135, 136, 139, 140, 145, 147, 156, 158, 163, 164, 165, 166, 170, 171, 173, 183, 186, 187, 192, 193, 194, 198, 201, 202, 203, 204, 205, 209, 211, 214, 217, 218, 219, 223, 224, 225, 226, 227, 232, 233, 236, 240, 243, 248, 249, 250, 253, 254, 255, 257, 258, 261, 263, 264, 265, 268, 270, 273, 275, 276, 277, 279, 280, 288, 297, 298, 305, 311, 313, 314, 316.
Портъ-Гамильтонъ—80.

Р.

Ретвизанъ, броненосецъ — 119, 147, 148, 176, 200, 226, 252, 293, 299.
Россія, крейсеръ—77.
Рюрикъ, крейсеръ—76, 77, 78, 257.

С.

Садо-Мару, пароходъ—22.
Сайто, адмиралъ—11.
Сакаи, капитанъ 1-го ранга—2.
Сакамото, капитанъ—19, 96.
Саки, лейтенантъ—245.
Самиджима, адмиралъ — 12, 23, 26, 27, 67.
Сангарскій проливъ—99.
Сантъ-Яго, сраженіе при—201.
Санъ-шамъ, островъ—90.
Сасебо, портъ—12, 23, 26, 27, 28, 67, 80, 100, 107, 156, 222, 223, 247, 249.
Сахалинъ—98, 100.
Севастополь, броненосецъ — 98, 209, 228, 229, 235, 239, 240, 241, 244, 245, 246, 247, 248, 253.
Сеулъ — 12, 32, 33, 35, 36, 37, 52, 53, 57.
Сигнальная гора—193.
Симоносеки, портъ—2, 22.
Сойо-Койкіо, проливъ—99.
Стессель, генералъ—253, 255, 275, 276, 277, 278.
Сума, крейсеръ—99, 100.
Сѣверный фортъ — 119, 144, 182, 243.
Сэсонъ, адмиралъ—11.

Т.

Тай-до-ко, рѣка—46.
Тайкоко, гавань—91.
Тайко-Мару, пароходъ—232.
Тайнанъ-Мару, пароходъ — 101, 102, 120, 133, 211, 212, 227, 229, 231, 232, 233, 297, 315.
Тай-о-шо, гора—90.
Таира, лейтенантъ—120, 129.

Тайчу-Мару, пароходъ—86.
Такараби, капитанъ — 13, 26, 29, 43, 44, 45, 49, 60.
Такахаши, капитанъ — 101, 114, 232, 269, 316.
Такашихо, крейсеръ—257.
Таліенванскій заливъ—56, 60, 61, 76, 90, 229, 258.
Тигровый хвостъ, полуостровъ—136, 145, 147, 200, 294.
Тихій океанъ—99.
Тоги, художникъ—119.
Того, адмиралъ—42, 43, 49, 56, 58, 60, 61, 75, 76, 83, 85, 87, 88, 96, 98, 99, 101, 105, 119, 121, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 135, 151, 152, 153, 155, 157, 158, 163, 164, 165, 171, 172, 193, 200, 204, 211, 213, 225, 226, 227, 229, 248, 249, 250, 261, 262, 297, 315.
Тоджи, художникъ—43.
Тойо-Мару, пароходъ—13.
Токива, минеральные ключи—15.
Токіо—1, 3, 4, 6, 8, 10, 43, 57, 64, 65, 67, 124, 142, 231, 261, 279, 316.
Томаока, адмиралъ—18.
Томасъ, лейтенантъ—269.
Тсукай, крейсеръ—61.

У.

Уджи, канонерская лодка—258.
Уджиши, генералъ—262.

Ф.

Фальке, генералъ—249.
Фуджи, гора—94, 166, 224.
Фузо, броненосецъ—229, 231, 253, 273.

Х.

Хайджу, заливъ—42, 44, 45, 56.
Хакодате, городъ—99.
Ханькоу, городъ—156.
Харбинъ—314.
Хатсусе, броненосецъ—230, 231.
Хирози, капитанъ 2-го ранга—10, 302.
Хокдидо, проливъ—64.
Хосойя, адмиралъ—91, 92, 119.

Ц.

Цесаревичъ, броненосецъ—99.
Цусима, островъ—23, 76, 80.

Ч.

Чемульпо, портъ — 12, 28, 29, 31, 32, 33, 35, 42.
Ченъ-Іенъ, броненосецъ—203.
Чизи-Квангъ, островъ—211.
Чиннамбо, портъ—45, 46.
Читозе, крейсеръ—98, 99, 100.
Чифу, портъ — 99, 121, 202, 222, 227, 230, 235, 253, 258, 268, 269, 270, 304.

Ш.

Шанхай—98, 99, 248, 253.
Шахэ, сраженіе при—281.
Шинбаши, станція—12.
Шинегава, городъ—12.
Шисики, гавань—69.
Шо-хо, гора — 165, 169, 181, 188, 190.

Э.

Эддистонскій рифъ—239.
Эльсвикскія верфи—1, 4, 5, 20, 76, 86, 106, 169, 318.
Эсое, капитанъ-лейтенантъ — 247.
Этаджима, морское училище въ—12, 17, 21.
Этолегъ, островъ—99.

Ю.

Юмъ, полковникъ—261.

Я.

Яби, докторъ—56, 57.
Ялу, рѣка—19, 56, 57.
Ямагуши, капитанъ—13, 24, 49, 58.
Ямада, адмиралъ — 138, 173, 203, 229, 262.
Ямамуши—69.
Яманаши, капитанъ—263, 273, 275, 278, 280, 283, 284, 293, 297, 308, 310, 313.
Ямара, адмиралъ—117.
Янтсе-Кіангъ, рѣка—205.

„МОГИЗ" № 39
№ 10. р.

35-
10. XI 46

10
10129/114